

САРА ПИНБОРО

13

МИНУТ

Annotation

Шестнадцатилетнюю Наташу нашли морозным утром в реке. К счастью, девушку удалось спасти. Она не помнит, что произошло в тот день, и ей кажется странным поведение друзей: они что-то скрывают. Сейчас главный вопрос для Наташи – как она оказалась ночью в реке и как с этим связаны ее лучшие подруги, Хейли и Дженни. Кто и почему хотел ее убить? А может, к глупому поступку подтолкнуло собственное безумие?...

- [Сара Пинборо](#)
  -
  - [Часть первая](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
    - [5](#)
    - [6](#)
    - [7](#)
    - [8](#)
    - [9](#)
    - [10](#)
    - [11](#)
    - [12](#)
    - [13](#)
    - [14](#)
    - [15](#)
    - [16](#)
    - [17](#)
    - [18](#)
    - [19](#)
    - [20](#)
  - [Часть вторая](#)
    - [21](#)
    - [22](#)
    - [23](#)
    - [24](#)

- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)

○ [Часть третья](#)

- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)

- [63](#)
    - [64](#)
    - [65](#)
    - [66](#)
  - [Благодарности](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
    - [5](#)
    - [6](#)
    - [7](#)
    - [8](#)
    - [9](#)
    - [10](#)
    - [11](#)
    - [12](#)
    - [13](#)
    - [14](#)
    - [15](#)
    - [16](#)
    - [17](#)
    - [18](#)
    - [19](#)
-

Сара Пинборо

13 минут

*Посвящается Бари, доктору Гонзо для моего
Дюка и Пэтс/Едс для моих Едс/Пэтс, с большой
любовью*

Часть первая

Офелия.

Она была юна. Не больше восемнадцати. Возможно, и меньше. Ее волосы намокли, и в сумраке было не разобрать, светлые они или каштановые. Ее белая одежда ярко выделялась на фоне темной реки, словно подчеркивая белизну свежего снега, тяжело легшего на землю. Бледное лицо со слегка приоткрытыми посиневшими губами было повернуто к чернильному небу. Согнутые ветви, лишенные листьев и местами сломанные зимней непогодой, будто сами подхватили ее, чтобы спасти, удержать на плаву.

Пар от его дыхания создавал подобие тумана. Несмотря на неистовый лай Бисквита, он слышал, как громко хрипело у него в груди, и, казалось, тревога, что привела его с дорожки к берегу реки, пришла откуда-то издалека. Он оцепенел. Было пять сорок пять утра, и в реке была мертвая девочка.

«Я клише, – было его следующей связной мыслью. – Я гуляющий ранним утром собачник, который находит тело». Бисквит метался вверх и вниз по грязному снегу, добегая до края воды, взбешенный, нетерпеливый, встревоженный таким изменением их обычного распорядка, его неправильностью.

Собака повернулась мордой к хозяину и заскулила, но он все еще не мог перестать пялиться, пальцы вцепились в телефон, лежащий в кармане толстой куртки.

А потом он заметил это. Всего лишь легчайшее движение ее руки.

Затем, через пару секунд, еще одно.

Он выгуливал Бисквита так рано не по необходимости, а из-за тишины. Потому что время течет медленнее в часы, когда мир еще спит. Это было очень спокойное время, да и он никогда не любил много спать.

Вечерняя прогулка предназначалась для вежливых разговоров с другими хозяевами собак, пока их питомцы бегали по лесу и парку. Утро же принадлежало только ему. Это был его распорядок, точный как часы, не нарушавшийся при любой погоде, только изредка его могла изменить болезнь. Подъем в пять, даже если он закончил записывать только в два часа ночи. Потом кофе. Выход из дома точно в пять двадцать. Однако этим утром они вышли на пять минут позже, что было редкостью. Бисквит

спрятал ошейник, который в итоге нашелся под диваном. Затем прогулка через луг и вдоль извилистой реки, около часа в лесу, а после этого по пути домой он заходил за газетами, которые читал во время завтрака. Еще он брал теплый круассан в пекарне, если они уже были готовы. Это время было священным и принадлежало только ему и Бисквиту, дополнительные часы драгоценной жизни. Иногда он звонил младшей сестре в Нью-Йорк – успевая поймать ее перед сном и проверяя, возвращается ли ее мир все еще в верном направлении, – и после горько-сладкого момента река жизни забирала сестру обратно и уносила от него. Иногда она удивляла его по утрам, звоня сама, и эти дни были самыми лучшими.

Похожая на мрамор рука снова шелохнулась, и вдруг он почувствовал, как холодок пробежал по спине, ощутил собственное сердцебиение. Он ясно слышал громкий лай Бисквита, а затем телефон оказался уже возле его уха и к общему гаму добавился его голос. Закончив говорить, он бросил на землю телефон и снял куртку. Река не заберет эту девочку, пока не придет ее время.

* * *

Потом все происходило как в тумане. Весь воздух вышел из легких от шока, когда он шагнул в ледяную воду. Он поскользнулся. Почти ушел под воду. Судорожно дышал. Ухватившись за что-то онемевшими пальцами, тянул ее к берегу. Тяжесть ее промокшей одежды и неожиданная тяжесть его собственной. Он закутал ее обмякшее тело в куртку. Ломкость ее мокрых волос. Отсутствие теплого дыхания из ее рта. Он говорил с ней сквозь стучащие от холода зубы. Бисквит облизывал ее замерзшее лицо. Зазвучали сирены. Его завернули в плед. Пройдемте со мной, пожалуйста, мистер Мак-Махон, все в порядке, я вам помогу. Все хорошо, теперь мы этим займемся. Его поставили на ноги, которые еще плохо двигались, и повели к «скорой помощи». Но прежде он увидел мрачные лица. Покачивание головой. Дефибриллятор.

Разряд!

Пока они работали, стояла страшная тишина. Он, мир, природа – все замерло. Но не время. Время продолжало идти. Сколько минут? Сколько они просидели на берегу, пока она не начала дышать? Сколько прошло времени до того, как приехала «скорая»? Десять минут? Больше? Меньше?

Я чувствую пульс! Я чувствую пульс!

А затем он заплакал, горячими и внезапными слезами, вырвавшимися

из глубины души.

Стоящий возле него Бисквит придвинулся к нему, и он ощутил запах влажной шерсти. Пес царапал когтями его лицо, облизывал щеки, посапывая и скуля. Он обнял его, подтащил под плед, а затем поднял взгляд на зимнее небо, которое уже не было ни по-настоящему ночным, ни утренним, и подумал, что оно никогда так сильно ему не нравилось.

2

Суббота, 9.03

Дженни

Почему ты не берешь трубку? Возьми телефон! Твою мать.

9.08

Дженни

У тебя телефон на вибро? ПРОСНИСЬ!

9.13

Дженни

Я волнуюсь. Мама плачет. Думаю, она все еще пьяна. Хочет поехать в больницу. Какого черта??

9.15

Дженни

ВОЗЬМИ ЧЕРТОВУ ТРУБКУ!!!
Что, блин, происходит?

09.17

Хейли

Тут был отец Сью!!! Разбудил меня. Меня, блин, трясет.
Какого хрена, какого хрена, какого хрена?!
Наберу тебя из ванной. Удали эсэмэски.
Вчерашний день 2. ЧЕРТ?!

9.18

Дженни

К.

09.19

Хейли

НИЧЕГО НЕ РАССКАЗЫВАЙ

– Ребекка!

Голос ее матери, громкий и требовательный, прорезал мозг Бекки, и она натянула одеяло на голову, чтобы спрятаться от него и снова погрузиться в дрему. Была суббота. Слишком рано. Сколько бы ни было времени, еще слишком рано. И очень холодно. Пальцы ее ног были ледяными, и холодный воздух пробирался под одеяло в зазоры между ним и кроватью. Она, подтянув одеяло ногой, закуталась в него.

– Ребекка! Спустись вниз! Это важно!

Она не шелохнулась. Что бы это ни было, оно может подождать. Хотя бы пять минут. Она дышала неглубоко, не желая высовываться, чтобы глотнуть воздуха. Ее волосы пахли дымом, голова слегка болела – прощальный подарок вчерашней травки и табака. Если еще нет двенадцати, она убьет маму. Субботы принадлежали ей. Это был их уговор.

– Сейчас же! Я серьезно!

Она отбросила одеяло и села, злая. Что, черт возьми, может быть таким срочным? Она мысленно прошлась по замутненным воспоминаниям. Не было ночных перекусов, поэтому в кухне не должно было остаться никаких коробок от пиццы или банок из-под колы. Телевизор выключен. Она заперла дверь на оба замка. Все, что она сделала, – это вернулась домой, тихо прошла в свою комнату и выкурила последний косяк, выпуская дым в окно, прежде чем отключиться под какую-то дурацкую комедию на «Netflix» ^[1]. Даже *не поздно* пришла. Она взглянула на открытое окно и вздохнула. «Молодец, Бекс. Неудивительно, что тут как в Антарктиде». По крайней мере, в воздухе не было запаха застоявшегося дыма.

– Бекка! – Пауза. – Пожалуйста, дорогая!

– Иду! – крикнула она в ответ голосом, похожим на шорох гальки, и в голове застучало от этого усилия.

«Теперь без обычных сигарет», – подумала она, натягивая спортивные штаны и надевая через голову толстовку. В груди было отвратительное ощущение. В комнате было как в холодильнике, и кожа у нее стала гусиной. Сок. Ей нужен был сок. И чашка чая. И сэндвич с беконом. Может, сойти вниз – не такая уж плохая идея. По крайней мере, там тепло. Но все же разговор с матерью с самого утра был не тем, в чем она *когда-либо* нуждалась. Она предпочитала вставать после того, как все уже уходили из дома. Побывать в тишине, для чего не нужно запирается у себя в комнате.

Еще два года, и она сможет сбежать в университет. Уехать из этого дома, из этого удушливого города – и вперед, к свободе. Возможно, в Лондон. Определенно в большой город. Туда, куда Эйден мог бы поехать с ней, чтобы строить там свою музыкальную карьеру.

Они бы жили как богема, и в конце концов однажды в журналах появились бы истории об успешной паре, когда-то сидевшей на лапше «Рамэн» в какой-то захудалой и закоптелой (но все же крутой) квартире и в то же время следовавшей за своей мечтой. Вот как это будет. Но все еще оставалось два *долгих* года до того, как это станет чем-то большим, чем фантазия под кайфом.

Она с трудом собрала волосы в подобие хвостика, побрызгала их дезодорантом и, шаркая ногами, вышла из своего святилища, захватив с кровати телефон. Она нажала на кнопку возврата, чтобы посмотреть время. Десять тридцать четыре.

Четырнадцать сообщений в «iMessage», шесть в «WhatsApp» и два пропущенных звонка. Она нахмурилась, удивленная списком имен. Она не была настолько популярна. У нее никогда не было с утра четырнадцати сообщений, разве что от Эйдена, когда он был под кайфом. Она пролистывала их, пока спускалась по лестнице. В основном это были групповые переписки. Это понятно. Ее многие добавляли в друзья в социальных сетях. Она не позволила крошечным иглам себя ужалить. Ну какое ей до этого дело?

Слышали новости?

Знаете, что пишут о Таше Хоулэнд?

*Сумасшедшая история в новостях!
Вы должны это увидеть!*

К тому времени, когда она прочитала все сообщения и дошла до кухни, она уже полностью проснулась. Во рту пересохло.

Мать, стоя у кухонной стойки, смотрела маленький телевизор, установленный в углу, против покупки которого так боролся ее отец, – *слишком много телевизоров, компьютеров, телефонов, везде технологии, никто больше не разговаривает*, – но проиграл битву, два против одного. Перед ней на тарелке лежал нетронутый тост. Она, побледневшая, даже не оглянулась, не оторвала взгляд от экрана.

Кожу Бекки покалывало, частично от мрачного предчувствия,

частично от необъяснимого волнения.

– Что случилось с Ташей? – спросила она. – Мой телефон разрывается.

Тогда мама, повернувшись, заключила неуклюжую фигуру Бекки в свои объятия, обдав ее теплым ароматом крема для лица и духов с цитрусовыми нотками. Даже по субботам Джулия Крисп следила за собой. Ее тонкие руки под кашемировым свитером были мускулистыми, и Бекка при виде ее мгновенно начинала чувствовать себя толстым ребенком, каким она когда-то была, снова и снова. Поговорка «яблоко от яблони» совсем им не подходила.

– Это ужасно. Она в коме. И это во всех новостях. – Мать гладила ее рукой по спине, но Бекка отстранилась, притворившись, что хочет лучше видеть телевизор.

В присутствии мамы она чувствовала себя неловко. Переходный возраст возвел между ними барьеры, и ни одна из них не знала, как их преодолеть.

– Я уверена, с ней все будет в порядке, дорогая. Я уверена, так и будет.

– Она попала в автомобильную аварию?

Наташа в коме? Этого просто не может быть. Такое дерьмо не случается с девочками типа Наташи. Это происходит с такими, как Бекка.

Она выдвинула стул, села и начала смотреть новости, игнорируя жужжание телефона и мамино заботливое щебетание. На экране Хейли и Дженни, с красными глазами, но все равно выглядящие идеально, спешили в больницу с прицепившимися к ним, словно сухие листья к шерсти, родителями. Еще две Барби. Конечно они там. Поспешили к своему любимому лидеру.

– Я знаю, что вы были близки, дорогая. Хочешь...

– Шш. – Она заставила мать замолчать, даже не взглянув на нее.

А тем временем репортер с покрасневшим от пронизывающего холода носом отбрасывала назад волосы, которые ветер задувал ей на лицо, и говорила в микрофон с той неискренней искренностью, на какую способны только журналисты.

* * *

Спустя час Бекка стояла на маленьком балконе в квартире Эйдена, дрожа рядом с ним, пока он прикуривал «Marlboro Light». Он протянул ей пачку, и она взяла сигарету, ее утренняя решимость бросить курить исчезла. К черту. Как бы то ни было, сейчас слишком рано для косяка, и

даже в расслабляющей атмосфере дома родителей Эйдена явные наркотики были под запретом. Его мама, наверное, подозревала, что он курит травку, – наверняка чувствовала запах из его спальни, – но была далека от того, чтобы мириться с этим.

– Говорят, что она была мертва тринадцать минут. – Бекка переступала с ноги на ногу, чтобы не так холодил ледяной воздух, пока они курили. – То, что ее смогли реанимировать, называют чудом.

– Ей повезло, что так холодно. – Эйден смотрел на падающий снег. Сильный снегопад продолжался с рассвета.

Бекка подумала, что он выглядит почти как ангел на фоне белого и серого, покрывающего мир. Возможно, не такой ангел, какими их представляют другие, но все же ангел для нее. Бледное лицо, острые черты, густые темные волосы и эти ясные глаза, сияющие синевой из-под длинной бахромы ресниц. Ангел или вампир. В любом случае, ей до сих пор приходилось иногда щипать себя, чтобы поверить, что он с ней.

– Наверное, это ее и спасло, – сказал он. – Ледяная вода снизила температуру ее тела так быстро, что сердце стало работать в этом режиме выживания.

– Откуда ты об этом знаешь? – спросила Бекка.

Он застенчиво усмехнулся:

– Видел в каком-то старом фильме про подводных пришельцев.

– Хотя это странно, да? Быть мертвой, а потом снова стать живой, – сказала Бекка. – Тринадцать минут – это много.

– Интересно, видела ли она что-нибудь? Ну, яркий свет и подобную чушь.

– Зная Наташу, даже если ничего такого не было, она все равно скажет, что видела, когда очнется. – Это прозвучало резковато, но она не смогла сдержаться.

Ее чувства к Наташе были мотком колючей проволоки, который она не могла распутать. Она скучала по своей подруге детства, но не знала новую Наташу-Барби. Ее Наташа носила брекететы и любила ходить в шахматный клуб. Ее Наташа была лучшей подругой навечно. Бекка тогда не понимала, что это *навечно* продлится только до того момента, когда у Наташи вырастет грудь и ей снимут брекететы, и она вдруг станет горячей штучкой, а Бекка останется невзрачной чудачкой, которую вскоре отвергнут.

– Если она очнется, – добавил Эйден, выдохнув длинное облако дыма. – В новостях сказали, что она была без сознания. У нее может быть поврежден мозг или что-то в этом роде.

Бекка попыталась это представить. Она видела по телевизору снимки

людей с нарушением работы мозга, и они никогда не выглядели так же, как до этого. Наташина смерть была бы, по крайней мере, трагично красивой. А образ Наташи с нарушением работы мозга, подключенной к приборам, которые всю оставшуюся жизнь помогали бы ей справлять нужду, пока она пускает слюни в суп, был ужасающим.

– В любом случае, что она там делала? – спросил Эйден. – Ночью в лесу? Думаешь, кто-то затащил ее туда?

– Черт бы меня побрал, если б я знала! – Бекка пожала плечами. – И никто, похоже, этого не знает. Все слишком заняты закатыванием истерик, чтобы сказать что-то полезное.

Улей, как она иногда думала об их школе, гудел с тех пор, как появилась эта новость. Сообщения, «WhatsApp», фотографии красивого улыбающегося лица Наташи в «Instagram», твиты о том, как все шокированы и расстроены, вся школа, возвещающая о безмерной любви к ней, будто каким-то образом то, что с ней случилось, относилось и к ним тоже. Хэштег #TashaForeva, вероятно, сейчас был в трендовых. Жужжание всего этого было электризирующим. Это жужжание выводило ее из себя.

Бекка не загружала старые фотографии ни в «Instagram», ни на свои страницы в «Facebook» и «Twitter» отчасти из-за того, что не было времени. Ну а если честно, потому что у нее было не так много подписчиков и, наконец, из-за цепочки сообщений «Вы видели, что запостила Бекка Крисп? Примаζεται к чужой славе!» у нее за спиной, которые бы, несомненно, последовали.

Да, в течение некоторого времени она ненавидела Ташу, когда та столь бесцеремонно бросила ее, заменив на Дженни, и создала новое трио идеальных кукол Барби, но это было очень давно. Таша терпеть не могла, когда ей напоминали о том, какими плохими были у нее зубы и волосы в детстве, но даже сейчас Бекка не стала бы этого делать.

– Пропала же еще девушка из Мэйпула несколько месяцев назад, – сказал Эйден. – Может, это сделал тот же тип.

– Она, вероятно, просто сбежала из дому. – Бекка бросила окурок в кружку на столе, и он присоединился к остальным, гниющим в дюйме загустевшей коричневой воды на дне. У нее пересохло во рту и замерзли ноги. Она фыркнула.

– Может, зайдём внутрь? Посмотрим фильм?

Эйден задумчиво смотрел на нее, и волоски у нее на затылке слегка зашевелились от его испытующего взгляда.

– Ты разве не хочешь пойти в больницу? – спросил он.

– Зачем? – Этот вопрос заставил ее ощутить жгучую боль. – А ты?

Испытываешь потребность провести девицу, попавшую в беду?

Он рассмеялся и притянул ее к себе.

– Господи, ну ты и заноза! Я только *одинраз* пригласил ее погулять. Почти два года назад. До того как у меня появился вкус.

Она вдыхала запах его кожаной куртки. Он принадлежал ей. Она это знала. Не было ничего хуже, чем выглядеть излишне нуждающейся во внимании; не было ничего хуже, чем *на самом деле нуждаться* во внимании. Почему она не держала рот на замке?

– Я знаю. – Она выдохнула теплый воздух, прижимаясь лицом к его груди.

Он отступил на шаг.

– И она повела себя как стерва. Мне плевать на Наташу Хоулэнд. Но ты много лет была ее лучшей подругой. Тебе стоит сходить. Хотя бы ради ее родителей.

Именно это сказала ее мать перед тем, как Бекка схватила пальто и на ходу сообщила, что идет на улицу. Почему-то, прозвучав из уст Эйдена, это показалось ей более разумным.

– Ладно, – наконец отозвалась она. Нехотя. – Ладно, может, нам и стоит сходить. – Она подняла на него глаза и поцеловала его пахнущие сигаретами губы. – Но давай только заедем в «Макдоналдс» по дороге? Я умираю от голода.

Он усмехнулся:

– Вот почему ты моя девушка. Первоклассная. – Его телефон зажужжал, и он поморщился, читая сообщение. – Слушай, это странно.

– Что?

– Мне нужно идти в больницу по другому поводу. Но сначала мы заедем в одно место и заберем кое-какие вещи. Это Джейми. Он тоже там.

Было странно видеть мать Наташи, Элисон Хоуленд, настолько уязвимой и сентиментальной, и вдруг Бекка осознала, что тоже плачет. Надрывные всхлипы возникли из ниоткуда и отзывались болью в груди. Гэри Хоуленд стоял между ними, неловко положив руки им на спины, не зная своей роли в этом море женских эмоций. Его челюсти были крепко сжаты, а глаза широко раскрыты, но кроме этого да еще скованности ничто не выдавало его чувств. С другой стороны, Бекка его практически не знала. Он приходил и уходил в свой офис или в теннисный клуб, улыбался им, когда они играли, в то время как его мысли явно были где-то далеко. Бекка предполагала, что так ты начинаешь выглядеть, когда становишься богатым и успешным. Он не относился к тому типу отцов, которые вмешивались во что-либо. Наташа, без сомнений, была этому только рада.

– Я так благодарна тебе, Ребекка, за то, что ты пришла! – сказала Элисон, вытирая слезы. Миссис Хоуленд всегда называла ее Ребеккой, никогда Беккой или Бекс, так же как и Таша для нее всегда была Наташей. – Ты хорошая девочка. Ты была Наташе хорошей подругой.

Была. Бекка ничего на это не сказала, просто как-то неопределенно кивнула. Элисон, как и все остальные, была в курсе, что Бекка уже не входила в ближайший круг друзей. «Ближайший круг» стоял по другую сторону, их аккуратно подведенные глаза были слегка затуманенными, обе проверяли свои телефоны. Хейли и Дженни. Почти одинаковые и все же такие разные.

Дженни была мягкой и чувственной, очень эффектной девушкой, тогда как Хейли была спортсменкой с привлекательной фигурой, из среднего класса. Она больше не лазила по деревьям, но, перестав быть сорванцом, не забросила спорт. Самая быстрая бегунья в школе. Ее никто не мог застать без блеска на губах. И всегда она была в самых коротких шортах, хотя ей много раз говорили, что их надо сменить. Обе девочки не обращали внимания на Бекку, и она снова сосредоточила свой взгляд на Элисон Хоуленд.

– Я просто... Я просто хотела выразить вам свое сочувствие, – наконец сказала Бекка. – Моя мама тоже сочувствует вам и желает всего наилучшего. – Это было вполне нейтрально. – Я уверена, что с Ташей все будет в порядке. Я в этом не сомневаюсь.

– Не понимаю, что она там делала. – Взгляд Элисон скользнул куда-то

мимо Бекки, в ее собственный кошмар, но она обеими руками вцепилась в девушку, словно та была якорем, единственным, что удерживал Элисон от того, чтобы ее не унесло куда-нибудь. Ее ладони были сухими и жесткими, будто она выплакала всю влагу из своего тела. – Я имею в виду почему она вообще была там в такое время? В такую погоду? – Что-то в ее голосе, как и молчание Хейли, Дженни и Гэри, заставило Бекку думать, что эти вопросы мать Наташи задавала снова и снова в течение последних нескольких часов.

У Бекки в тесном пространстве маленькой больничной комнаты для ожидающих родственников начался приступ клаустрофобии. Свет вдруг стал слишком ярким, а воздух слишком горячим и разреженным. Кожу защипало от пота – ну как ей было не вспотеть под толстым стеганым пальто? Она была здесь лишней.

Как только она подумала о том, что, возможно, придется высвободиться из захвата Элисон Хоуленд и ненадолго присесть, открылась дверь. Элисон быстро повернула голову, а затем ее плечи поникли. Это был не врач.

– Инспектор Беннет, что-то?... – начал Гэри, но инспектор отрицательно покачала головой.

– Нет, – сказала она. – Я просто хотела поговорить с девочками. – Инспектор Беннет была не накрашена, а ее волосы были зачесаны назад и собраны в строгий хвост. Она выглядела уставшей, мягко улыбаясь Элисон. – Посмотрим, удастся ли нам воссоздать картину передвижений Наташи. Врачи говорят, что вы можете зайти и посидеть с ней какое-то время, если хотите.

– Спасибо, – сказал Гэри, взяв жену под локоть.

Инспектор придержала дверь, и родители Наташи быстро вышли. Элисон снова плакала. Все это было ужасно, заключила Бекка. Ярko и четко, реально и в то же время нереально. Где-то здесь Наташа боролась за жизнь. Наташа. Несломленная, идеальная Наташа.

– Я могу подождать снаружи? – спросила Бекка.

– Ты подружка Наташи?

Бекка не знала, как честно ответить на этот вопрос.

– Что-то в этом роде. Во всяком случае была. Мы ходим в одну школу, но вот уже несколько лет не общаемся близко. – Она взглянула на двух блондинок. – Хейли и Дженни – ее лучшие подруги.

Хейли опустила глаза. Хейли, которая прыгала с ветки на ветку, пока Таша и Бекка то хихикали, то вопили, опасаясь, что она может упасть. Хейли, которая колебалась, когда Наташа ополчилась против Бекки.

Украдкой приходила на чай раз или два, но затем приняла сторону победителей. Сторону крутых. Сторону *Наташи*. Да уж, Хейли может идти на хрен.

Инспектор перевела взгляд с двух Барби на Бекку и обратно, составляя в уме историю. В этом не было ничего странного. Скучную подругу бросали ради более популярных, красивых подруг. Учитывая неряшливый внешний вид инспектора Беннет – *сколько ей лет? Третий десяток? Меньше? В любом случае, она была старой*, – возможно, к ней относились так же, когда она училась в школе.

– Лучше бы ты осталась, – сказала женщина. – Это не формальный допрос. А у тебя может быть другой взгляд.

«Ох, конечно, – подумала Бекка. – Могу поспорить, что другой».

– Как вы думаете, что произошло? – спросила Дженни.

– Мы пока ни в чем не уверены. Это мог быть несчастный случай. Шутка, в результате которой что-то пошло не так.

– Кто-то причинил ей вред? – Глаза Хейли были широко раскрыты. – Гэри говорил, что вы ему сказали, что ее не... никто не...

– Ее не изнасиловали, нет.

Прямой ответ инспектора Беннет поразил Бекку, и она даже не ухмыльнулась внутренне из-за того, как Хейли произнесла *Гэри*. Этакая лжевзрослая. До сих пор она даже не думала об изнасиловании. Что было очень странно, потому что *именно об этом* чаще всего и говорили, даже если и не прямо. Не напивайся, потому что может что-то случиться. Не надевай это, ты подашь неправильные сигналы. Всегда возвращайся домой с другом или вызови такси. Не показывай никому дорогу. Бла-бла-бла. По крайней мере, когда она начала встречаться с Эйденем, ее мать перестала отпускать подобные комментарии. Будто теперь, когда у Бекки есть парень, он ее защитит. Она задавалась вопросом, понимает ли ее мать, насколько это глупо.

– Нам нужно выяснить, что Наташа делала прошлой ночью и сегодня ранним утром. – Инспектор присела, и три девочки, как бараны, последовали ее примеру. – Тут никого ни в чем не обвиняют, ни у кого не возникнет никаких проблем, но если на нее напали, то очень важно, чтобы у нас было как можно больше информации.

– Значит, ей причинили вред? – спросила Бекка. – Я имею в виду, кроме... – Она замолчала. *Кроме того, что она была мертва тринадцать минут.*

– Пару порезов и синяков, но они могли появиться и в реке. Как я уже сказала, мы действительно не знаем, был это несчастный случай, или она

сама сделала это преднамеренно, или в этом инциденте участвовал кто-то еще.

Преднамеренно. Это слово, которое не совсем подходило к данной ситуации, лязгало у Бекки в мозгу, пытавшемся его осмыслить. Дженни, на удивление, первая справилась с замешательством и издала лающий смешок, который противоречил серьезной атмосфере, царящей в комнате.

– Вы думаете, Таша пыталась покончить с собой? – спросила она.

– Мы рассматриваем все возможные версии.

– Нет, – сказала Дженни, мотая головой.

Ее волосы были не такими длинными и идеально прямыми, как у Хейли, и она заправила выбившуюся прядь за аккуратно проколотое ухо. Гвоздик был с дешевым стеклом, не бриллиантом. Барби-Золушка с изнаночной стороны города.

– Нет, Наташа бы этого не сделала. И *не таким* образом. Ни за что не бросилась бы в ледяную реку.

– Нет, – подхватила Хейли, будто двух «нет» было недостаточно.

Инспектор Беннет повернулась к Бекке. Та неуверенно пожала плечами. Для нее то, что здесь происходило, было чем-то бо`льшим, нежели просто полицейское расследование. Бекке нужно было осторожно подбирать слова. Она не хотела взбесить Барби или заставить их думать, что она к ним подлизывается. Особенно Хейли. Хейли была ее подругой и знала, как действовать Бекке на нервы так, как не смогла бы этого сделать Дженни. Дженни была никем. Но, что бы Бекка сейчас ни сказала, это могло вернуться к ней стервозными твитами, статусами и косыми взглядами. Слова разносились по подростковому сообществу этого маленького городка, как ток по колючей проволоке, готовой царапать, рвать и впиваться в тебя.

– Я так не думаю. – Это было правдой. Если бы Таша собиралась покончить с собой, она бы выбрала что-нибудь намного более романтическое. Впрочем, Наташа была не из тех, кто мог бы убить себя. – Люди вздуваются, когда тонут, так ведь? – сказала она. – Если бы ее не нашли быстро, она бы выглядела ужасно. Ей бы такое не понравилось.

Лицо Хейли окаменело. Сука. *Чертова сука*. Бекка читала мысли Хейли в жестком взгляде ее зеленых глаз, пристально глядя на нее. И что? Это ведь было именно тем, что Дженни имела в виду. Тем, о чем думала Хейли. Бекке хотелось рассмеяться им в лицо. Даже когда их лидер без сознания, они не могут снести и слова, сказанного против нее. Они были жалкими.

– Так когда вы в последний раз видели Наташу? – Задав вопрос,

инспектор Беннет не посмотрела на Бекку.

– В школе, – ответила Хейли, и Дженни кивнула. – Мы говорили о том, что хорошо бы встретиться вечером, но у нее было какое-то событие в семье – день рождения бабушки или еще что-то, поэтому все зависело от того, когда празднование закончится.

– И вы не переписывались и не разговаривали после этого? – спросила инспектор с полуулыбкой. – Я думала, в наши дни вы все приклеены к своим телефонам.

Это было обезоруживающе, но испытующе.

Дженни покачала головой:

– Нет.

– Вы обе гуляли вчера вечером?

Опять отрицательное покачивание головой.

– Погода была ужасной. И у нас обеих было домашнее задание. – Хейли взяла на себя ведущую роль: заместитель Наташи оправдывала ожидания. – Иногда нужно радовать родителей. – Она улыбнулась хитро, по-кошачьи. – И нам обеим, и Наташе нужно готовиться к прослушиванию. Мы в школе ставим «Суровое испытание» ^[2]. Это будет потрясающе.

– То есть вы больше ничего не узнали от Наташи?

– Нет.

Бекка, почти забытая, обратила внимание на то, что вопрос прозвучал повторно.

– У вас разве нет ее телефона? – спросила она. – Вы не можете сказать, с кем она говорила?

Инспектор посмотрела на нее оценивающе.

– Он поврежден, поскольку был в воде – находился у нее в кармане. Нам должны прислать записи ее телефонных разговоров. – Она помедлила. – Я так понимаю, ты вообще ее не видела? Ты тоже вчера осталась дома?

Бекка отрицательно помотала головой. Тон инспектора был непринужденным, но Бекка чувствовала, как покраснела от вопроса, будто была в чем-то виновата, будто это она толкнула Наташу в ледяную воду и оставила там умирать.

– Я была в гостях у парня и домой вернулась около полуночи. Он подбросил меня до дома, и я сразу пошла спать. Спросите у него, если хотите. Он должен быть где-то здесь. Нам нужно было привезти мистеру Мак-Махону какую-то одежду.

Инспектор прищурилась:

– Джейми Мак-Махону?

Бекка кивнула.

– Эйден работает с ним. Играет на гитаре и бас-гитаре, а Джейми пишет звуковые дорожки.

– Кто? – спросила Хейли.

Бекка ощутила дрожь восторга. У нее было что-то, чего не было у Барби. *Причастность* к тому, на что они не могли претендовать.

– Мужчина, вытащивший Наташу из реки, – сказала инспектор Беннет, не поворачиваясь к Хейли. – Откуда мистер Мак-Махон знает школьника?

– Эйден уже закончил школу, – пояснила Бекка. – Ему девятнадцать. В детстве мистер Мак-Махон был его репетитором по музыке.

– Какой все-таки маленький городок... – сказала женщина, и снова полуулыбка тронула ее губы.

– Слишком маленький, – подхватила Бекка, пытаясь улыбнуться ей в ответ. Ей снова стало не по себе, что было просто глупо. Она не сделала ничего плохого.

– Значит, насколько вам известно, у Наташи все было в порядке?

Все они утвердительно кивнули.

– У нее есть парень?

– Ничего серьезного, – ответила Хейли. – Наташа нравится мальчикам, но нет никого, кто бы ее действительно заинтересовал. И вокруг нее никто не ошивался или что-то в этом роде. Она бы нам рассказала.

– Она часто ускользала из дома? – На этот раз она по очереди посмотрела на всех трех, будто предыдущие вопросы были несущественными, а просто подводящими к этому.

Последовала многозначительная пауза, пока Хейли и Дженни решали, насколько честными им быть.

– Иногда. Нечасто, – ответила Хейли. – Ее родители совсем не строгие, если честно. Они в основном позволяют ей делать все, что она хочет, но если бы она захотела сбежать ночью из дома, она бы вылезла из окна своей спальни и спустилась по дереву на заднем дворе. На нем так и осталась веревочная лестница, висит там с детства.

– Родители Наташи, наверное, теперь подумают, не снять ли ее, – сухо сказала Беннет.

Она задала еще несколько вопросов на отвлеченные темы, о школе и о других друзьях, которые могут быть полезны, а затем ушла, по-видимому, удовлетворенная полученной информацией.

Несмотря на то, что в комнате людей убавилось на одного человека, она вдруг показалась Бекке намного меньше. Может, из-за того, что здесь остались только она, Хейли и Дженни, неловко чувствующие себя в

обществе друг друга. Впрочем, это *она* чувствовала себя неловко. Вероятно, для этих двух это было не совсем так; они слегка повернулись друг к другу, вытесняя Бекку как постороннюю.

– Может, принесем какие-то ее вещи, – тихо сказала Дженни, глядя на Хейли в ожидании одобрения; ее лицо напряглось, она грызла идеально накрашенный ноготь. – Ну, знаешь, музыку и подобную хрень из ее спальни. Это может помочь ей очнуться.

Хейли кивнула:

– Я попрошу у Гэри ключи от дома. Будет здорово выйти отсюда на часок – от нас уже, наверное, воняет дезинфицирующим средством.

– Вам, вероятно, стоит сначала спросить об этом у детектива, – вставила Бекка. – Может, она не хочет, чтобы кто-то трогал вещи Таши.

Хейли взглянула на Бекку, раздраженная тем, что та все еще здесь.

– Твои волосы выглядят так, что им не помешал бы лечебный шампунь, Бекс. Может, попросишь бутылочку у медсестер?

– Может, лучше тебе попросить что-нибудь от ехидства? – огрызнулась Бекка.

Девочки смотрели друг на друга – презрение и тысяча социальных различий висели в воздухе, и теперь, когда женщина-полицейский ушла, не было нужды в притворной вежливости.

– Боже, ты отвратительная! – сказала Дженни.

– Как и ее парень. – Хейли даже не посмотрела на Бекку, направляясь к двери. – Довольствуется тем, что есть.

– Но только таким нельзя размножаться.

Бекка смотрела на экран телефона и делала вид, что листает что-то, пока они не ушли. У нее слегка скрутило живот. Ее уже давно не интересовало их мнение, так почему это должно измениться сейчас? Претенциозные, стервозные сучки, только и всего. Такой была и Наташа. Зачем она вообще сюда пришла? И куда запропастился Эйден? Будто прочитав ее мысли, на телефон пришло сообщение. «Везу Джейми домой. Вернись за тобой. Может, через час? Извини».

Отлично, блин. Ну, по крайней мере, Барби ушли.

Она быстро написала Эйдену о'кей, сдержав свое раздражение, а затем отправилась на поиски автомата с напитками. Она по-прежнему ощущала сухость во рту после вчерашнего, к тому же в комнате ожидания было слишком жарко.

Она рылась в карманах пальто в поисках мелочи, когда к ней подошел Гэри Хоуленд.

– Ребекка, позволь мне. Я все равно собирался выпить кофе.

– Спасибо.

Он выглядел уставшим, в помятом свитере, который он, несомненно, натянул в спешке, когда этим утром его мир рухнул. Хоуленды, и прежде всего Наташа, были неуязвимы, насколько Бекка могла судить. По крайней мере до этого момента. Это не могло их не шокировать.

– Что тебе взять? – спросил он.

– Диетическую колу, пожалуйста.

Он нажал на кнопку, и бутылка с грохотом упала в лоток.

– Миссис Хоуленд в порядке? – спросила она.

Вопрос был глупым, но она не знала, что еще сказать. За все те годы, что она была лучшей подругой Наташи, пожалуй, в первый раз она оказалась наедине с Гэри Хоулендом. Элисон кормила их, забирала из школы и приносила им сок с бисквитами. Гэри был просто *папой*.

– С ней все будет хорошо, когда Наташа очнется, – сказал он. Автомат жужжал, наполняя чашку жидким кофе и сухим молоком. Гэри явно не рассматривал вероятность того, что Наташа может не очнуться. – Но я не думаю, что пролитые у кровати слезы помогают Наташе. – Он взглянул на Бекку, и она впервые осознала, что он на самом деле довольно привлекательный мужчина. Слишком старый для нее, но все равно красивый. Без своего форменного костюма и галстука он выглядел моложе.

– Хотите, чтобы я немного поговорила с ней? – Слова, выданные ее мозгом в ответ на внезапную волну жалости к отцу ее бывшей лучшей подруги, вырвались наружу, она не успела их удержать. – У меня есть немного времени.

– Ты могла бы?

Благодарность, которую он излучал, тяжело опустилась ей на плечи, и она проклинала себя за это. Ей нужно было просто послать маме эсэмэску, попросить, чтобы она ее забрала. Ей нужно было спуститься вниз и ждать Эйдена на морозе. О чем, черт возьми, она собиралась поговорить с Наташей?

– Конечно, – ответила она. – Я тоже люблю Ташу. – У нее даже лицо стало покалывать от лжи.

Холодно, так холодно, что не могу дышать и паникую в воде, похожей на осколки стекла, и впервые думаю, что у меня действительно серьезные неприятности. Что я могу здесь и остаться. Мои белые спортивные штаны и толстовка такие тяжелые в ледяной воде. Легкие болят, их обжигает от холода, когда я пытаюсь вдохнуть, отчаянно стараясь держать подбородок над водой, но все тело отказывается работать – легкие, конечности, мозг. Холодная река побеждает. Она обжигает мои вены, будто огнем. Если мне удастся дотянуться до веток, я смогу выбраться на берег, если только я не погрузусь, – и который час, который час? – и, ох, черт, я не чувствую рук. Тонкие ветки, словно скальпели для моей мертвенно-синей кожи, это ужасная ошибка, и который сейчас к черту час, и...

...Я делаю глубокий вдох, легкие снова разрываются от боли, но воздух теплый и сладкий, и нет душащей меня ледяной воды.

– Наташа?

– О господи, Наташа!

– Таша!

– Позовите врача!

Мамино лицо нависает надо мной, и мне инстинктивно хочется отмахнуться от нее. Она слишком близко. Я в замешательстве. Все еще пытаюсь дышать. Сердце колотится. Я не понимаю, где нахожусь. Моргаю, моргаю и снова моргаю. Тут жарко, ярко и сухо. Хейли и Дженни в комнате. Я слышу их вопли, когда медсестра оттаскивает их, чтобы подойти ко мне.

Думаю, я жива. И я испытываю такое облегчение! Я жива. Это больница.

Я двигаю губами, но слов не слышно. Горло пересохло и охрипло. У меня в руке игла от капельницы. Сколько я здесь нахожусь? Какой сегодня день? Голова пульсирует.

Вокруг меня слишком много суеты. Я пытаюсь повернуть голову набок, чтобы посмотреть на дверь, к которой спешат еще какие-то люди. Суставы и мышцы шеи вопят от боли. Я вижу разметававшиеся по подушке светлые волосы, что удивляет мой растерянный разум. У меня темные волосы. Это не мои. Нет, у меня *были* темные волосы. Я перекрасилась, чтобы быть, как подружки. Все блондинки. Взаимозаменяемые.

Все что-то говорят, или мне это кажется. Поток шума. Я осознаю, что, помимо всего прочего, звучит знакомая музыка – где-то лежит «iPod», подключенный к колонке. Это мой? Кто его сюда принес? Сколько я здесь нахожусь? Разговоры и шум. Разговоры и шум. Всего этого слишком много. Трудно сосредоточиться. Внезапно я вспоминаю о Бекке.

– Бекка была здесь? – спрашиваю я.

Голос грубый, как наждачная бумага, он не похож на мой. Так может говорить одержимая девочка из ужастика. Думаю, это также шокировало и всех остальных, ведь на мой вопрос отвечают молчанием. В комнате ощущается какое-то странное спокойствие, блаженная тишина, пока они все смотрят на меня.

– Бекка была здесь? – снова спрашиваю я.

– Да, – отвечает мама. Ее сухая, как бумага, дрожащая рука крепко сжимает мою. – Да, она приходила вчера и говорила с тобой.

– Я так и думала. – Я улыбаюсь и закрываю глаза.

*Выдержка из***КОНСУЛЬТАЦИИ ДОКТОРА АННАБЕЛЬ ХАРВИ ПАЦИЕНТКИ
НАТАШИ ХОУЛЕНД, ПОНЕДЕЛЬНИК, 11/01, 09.00**

НАТАША: Это странное ощущение. Вы бы тоже странно себя чувствовали, не так ли? Я имею в виду, если бы умерли таким образом. В смысле, я думаю, что не была полностью мертвой, иначе меня бы сейчас здесь не было. (Смешок.) Но, вспоминая, что мое сердце не билось почти четверть школьного урока, когда я думаю об этом... Да уж, это приводит в ужас. Знаете, если бы тот парень, гуляющий с собакой, появился на две или три минуты позже или вообще его не оказалось бы там, что бы тогда произошло? Нехорошо, когда такие мысли в голове. Но сейчас я чувствую себя нормально. В смысле, ничего такого не было, я не видела туннель или яркие огни, или что-то в этом роде. Я ничего не помню. (Смешок.) Но тогда у меня проблемы с памятью, правильно?

ДОКТОР ХАРВИ: Это сильно тебя беспокоит? Потеря памяти?

НАТАША: Я думаю, что из-за этого чувствую себя более странно, чем если бы просто почти умерла. Я помню, как в четверг шла на обед во время перерыва. Это все. Я не помню, что я делала в тот вечер. Я ничего не могу вспомнить о пятнице или пятничном вечере. Такое чувство, что всего этого времени просто не было. Когда я очнулась прошлой ночью, я смутно помнила, что находилась в ледяной воде и паниковала, так как думала, что умираю. Кроме этого – ничего.

ДОКТОР ХАРВИ: Та вспышка воспоминаний, которая у тебя была, о пребывании в воде – что ты в это время чувствовала? Не считая страха воды. Ты знала, что есть кто-то поблизости?

НАТАША: Типа нападающего, кто-то в этом роде?

ДОКТОР ХАРВИ: Попробуй не вешать мысленные ярлыки. Просто подумай о том, что ты помнишь.

НАТАША: Я помню, как была в воде и пыталась добраться до берега. Я не знаю, был ли кто-либо еще неподалеку. Это просто мимолетное воспоминание... вроде как конец сна, который ты еще помнишь, проснувшись. Понимаете? Вы вроде бы помните его, но это просто обрывки чего-то. Я не знаю, вспоминаю ли я что-то или просто помню об этом воспоминании. (Смешок.) Это звучит дико, но вы понимаете, что я имею в виду?

ДОКТОР ХАРВИ: Как думаешь, почему это время выпало из твоей памяти?

НАТАША: Я не знаю. Мы ведь просто машины, не так ли? Я была мертва тринадцать минут. Это, наверное, повредило какие-то провода.

ДОКТОР ХАРВИ: Значит, тебя ничто не насторожило? Из того, что ты помнишь.

НАТАША: Вы говорите, как инспектор Беннет. Те же вопросы. Она разве не показывала вам свой отчет?

ДОКТОР ХАРВИ: Да, показывала, но я бы хотела услышать это от тебя, чтобы лучше понять, как тебе помочь. Извини, если заставляю тебя повторяться.

(Пауза.)

НАТАША: И вы меня извините. Я знаю, вы просто пытаетесь помочь. Я просто... В любом случае, со мной все было в порядке. Я была не в духе из-за того, что пришлось вернуться в школу после каникул, но на самом деле даже это было не настолько плохо. Когда слишком долго общаешься с моей мамой, это становится в тягость. Она все время хочет делать что-то вместе, это, конечно, мило, но ее бывает слишком много. Я уже не ребенок.

ДОКТОР ХАРВИ: Поэтому ты ускользнула из дома через окно?

НАТАША: Я не знаю, сбегала ли я. Полагаю, раз родители говорят, что я сказала им, что ложусь спать, тогда, наверное, сбегала.

ДОКТОР ХАРВИ: Входная дверь была заперта изнутри.

НАТАША: Тогда я, должно быть, вылезла через окно. (Нервный смешок.) Вы больше меня знаете о том, что я делала. Я не знаю, почему пошла на улицу. Я бы хотела знать, но нет.

ДОКТОР ХАРВИ: Что ты можешь сказать о сообщении, которое ты получила в ту ночь?

НАТАША: Ничего. Номер мне незнаком. Он, по-видимому, не отвечает, когда полицейские звонят на него или пишут. Все сразу переадресовывается на голосовую почту, как будто он выключен. Кажется, инспектор сказала, что это был предоплаченный телефон. Большинство моих друзей подключены по контракту. Никто уже давно не пользуется предоплаченными телефонами.

ДОКТОР ХАРВИ: Это тебя беспокоит?

НАТАША: Что меня беспокоит?

ДОКТОР ХАРВИ: То, что ты не знаешь, кто отправил сообщение. Что полиция не знает, кто его отправил.

НАТАША: Это должно меня волновать? Не знаю. Наверное, это просто какой-то случайный парень, которому я спьяну дала свой номер.

ДОКТОР ХАРВИ: Такое часто бывало?

НАТАША: То, что я была пьяна или что дала свой номер? (Пауза.) Ну, а вообще, что значит часто? Иногда я даю свой номер. Иногда мои друзья так шутят.

ДОКТОР ХАРВИ: В сообщении говорилось о встрече в 3 часа ночи в обычном месте. А ты посреди ночи ушла.

НАТАША: Я знаю, но эти два события могут быть не связаны между собой. Я не ответила на сообщение, правильно? Нет, судя по тому, что сказала инспектор Беннет. Готова поспорить, что это сообщение не было предназначено мне. Кто-то мог ошибиться номером. Какое может быть обычное место с кем-то, кого я не знаю? У меня нет «обычных мест» со знакомыми. Даже с... (Пауза. Незначительная заминка и колебание.) Даже с самыми близкими друзьями.

ДОКТОР ХАРВИ: Ты в порядке? Ты что-то вспомнила?

НАТАША: Да. В смысле да, я в порядке. Нет, я ничего не вспомнила. Извините. Просто устала. (Ерзает на стуле.) Слушайте, я уверена, что ко мне вернутся все воспоминания и в них не будет ничего особенного. Наверное, я просто глупая и вышла на улицу потому, что мне стало скучно, а потом упала в реку в темноте. Возможно, это случайно попавшее ко мне сообщение застряло в моем подсознании, и из-за этого я решила выйти на улицу. Мы даже не знаем, во сколько я покинула дом. Возможно, позднее времени, указанного в сообщении. Не знаю. Может, я вспомню, но сейчас я не знаю.

ДОКТОР ХАРВИ: У меня есть кое-что для тебя.

(Пауза.)

НАТАША: Для чего это?

ДОКТОР ХАРВИ: Я хочу, чтобы ты вела дневник. Записывай туда свои мысли, чувства. События. Это часто помогает пациентам с провалами памяти. Ты не обязана показывать его мне.

НАТАША: А это означает, что я не обязана его вести. Я просто хочу домой. Я хорошо себя чувствую, честно. Тут воняет дезинфицирующими средствами. Мне придется три раза помыться, чтобы смыть этот запах. (Смешок.) Тем не менее, думаю, это лучше, чем ледяная речная вода. Я могу идти?

ДОКТОР ХАРВИ: Боюсь, от меня не зависит, когда тебя отпустят, но уверена, что врачи не будут держать тебя здесь дольше, чем это необходимо.

НАТАША: Я пообещаю им, что теперь не буду выходить ночью из дома без надувных нарукавников. На всякий случай. (Смешок.)

Выдержка из

ОТЧЕТА ИНСПЕКТОРА КЕЙТЛИН БЕННЕТ, ПОНЕДЕЛЬНИК, 11 ЯНВАРЯ

На теле Наташи Хоулэнд обнаружены следы ушибов и порезы, но отсутствуют явные признаки физического насилия. Штатный психолог больницы Аннабель Харви считает, что, несмотря на частичную потерю памяти, если бы Хоулэнд получила психическую травму, такую, как при нападении, перед тем как упала или ее сбросили в реку, то в ее реакциях и поведении четко прослеживался бы посттравматический синдром. Сейчас она спокойна и хорошо себя чувствует.

В записях телефонных разговоров Хоулэнд не обнаружено необычной активности, кроме сообщения с незнакомого номера, полученного в 00.33: Встречаемся сегодня в три часа ночи. В обычном месте. Хоулэнд утверждает, что номер ей незнаком, и он отсутствует в ее списке контактов.

Сообщение было отправлено с предоплаченного телефона, купленного в магазине «Ван Селл Стоп» в торговом центре «Брекстон». Этот и еще один такой же телефон были приобретены за наличные 14 октября. Были запрошены записи с камер видеонаблюдения, установленные в торговом центре и магазине.

Хоуленд полагает, что сообщение на ее номер отправлено ошибочно. Меня беспокоит отсутствие какой-либо ее реакции на это. После опроса более двадцати подростков из ее школы заявили, что в такой ситуации ответили бы на сообщение: «*Кто это?*», Хоуленд же не ответила. Хотя меня и беспокоит отсутствие ответа, это ничего не доказывает; она могла решить не отвечать на сообщение с неизвестного номера.

Ни на берегу реки, ни в лесу неподалеку не было выявлено следов борьбы, хотя сильный снегопад в ту ночь и последующее утро сильно затруднял поиски. До того как к Наташе Хоуленд вернется память, полиция может лишь попытаться установить отправителя, опрашивая ее друзей и анализируя записи с камер наблюдения торгового центра.

На данный момент нет оснований считать это уголовным расследованием.

В понедельник улей, как и ожидалось, гудел, и Бекка чувствовала, что ей вслед поворачивались головы, когда она шла по коридору. Все знали, что она была в больнице. Благодаря фотографу из местной газеты, который слонялся у входа, они пронюхали, что Эйден сотрудничает с женщиной, который вытащил Наташу из реки. Они также были в курсе, что давным-давно Бекка и Наташа дружили и что Бекка была первой, кого Наташа упомянула, когда очнулась. Все это сегодня жужжало в телефонах.

Ах да, я, пожалуй, это помню. Черт, Таша тогда носила брекетты, разве нет? Правда, что Бекка Крисп тогда была толстой? Прямо как свинья?

Перешептывания. Бормотания. Взгляды. Она хотела, чтобы все это прекратилось. Ей это нужно было не больше, чем Таше. Изредка кто-то пытался заговорить с ней, но она просто старалась прошмыгнуть мимо. Тот, кто хотел новостей о Таше, мог обратиться к двум Барби. Вот они жаждали внимания.

Не считая того, что она видела их в окружении толпы жадных до сплетен подражателей в общем зале на перерыве, Бекке удалось избежать встреч с Хейли и Дженни в первой половине дня, и она надеялась, что так и будет, пока не прозвенит последний звонок и она сможет сбежать. Это должно было у нее получиться. У Бекки последней парой было рисование, на которое не ходила ни одна из этих девочек.

– Ты в порядке? – спросила Ханна.

Она теперь была, можно сказать, лучшим другом Бекки, насколько таковым мог быть кто-то кроме Эйдена, и они, как это обычно бывало в обед в холодные дни, сидели на батарее в коридоре, куда выходили двери кабинетов естественных наук, и делились остатками чипсов. Ханна целый день не упоминала о произошедшем с Ташей – после того как Бекка вчера огрызнулась на ее сообщение, заявив, что не хочет говорить об этом, – но это все еще было между ними, темная точка на сером облаке, нависшем над всей школой. В глубине души Бекка хотела, чтобы Ханна все-таки спросила ее. Тем самым она показала бы, что в ней есть хоть какой-то чертов стержень. Ханна была милой и могла быть забавной, когда расслаблялась, и она была отличной слушательницей, когда Бекка либо воспевала Эйдена, либо злилась на него, но она, без сомнений, была мягкотелой. В их дружбе Бекка была главной. У нее были и другие друзья: Кейси из клуба

театральных технологий, Эмили, с которой она сидела на английском, и, конечно, Эйден. Иногда возникало ощущение, что у Ханны была только Бекка. У нее никогда не было каких-то своих планов. И она всегда была рада видеть Бекку.

Бекка осознавала, что, как ни крути, теперь ее лучшей подругой была серая мышка, чье имя лет через пять никто из соучеников и не вспомнит. Это было серьезным падением по сравнению с тем, что она была лучшей подругой Наташи Хоулэнд. Сегодня это беспокоило ее больше, чем обычно. Но Ханна, похоже, не замечала этого.

– Да, в порядке. Я бы покурила перед рисованием. Ты пойдешь?

– Нет, я побуду в тепле.

Ханна не раз говорила, что ее мать сойдет с ума, если от нее будет вонять сигаретами, но Бекка знала, что на самом деле именно Ханне был ненавистен этот запах. Если они где-то гуляли, она всегда стояла немного в стороне, когда Бекка курила, и она не умела настолько хорошо скрывать свои чувства, чтобы Бекка не заметила, что ей это неприятно. И она была права, это не просто неприятно, но даже противно. Но это также было проявлением бунтарского духа и беззаботности, да она уже и привыкла к сигаретам. Ей нравилось ощущать теплый дым глубоко в легких. Вкус, в котором содержалась тысяча «пошли на хрен», адресованных ее матери и улью.

– Ладно, – сказала она, поднимаясь. – Позже спишемся. Удачи на географии.

– Ох, спасибо. – Ханна улыбнулась и закатила глаза. – Ну, насмешила!

* * *

После посиделок на горячей батарее лютый мороз на улице кусал, и Бекка, спрятав лицо в воротник толстого пальто, шмыгала носом, пока обходила здание спортзала. К тому времени, как она пролезла через щель в заснеженной изгороди и оказалась на небольшом пятачке перед игровыми полями, сигарета уже была у нее во рту, а рукой она пыталась нащупать в забитом всякой всячиной кармане зажигалку. Хоть бы снегопад прекратился! Ноги в мокрых кедах немели и покалывали, гладкие подошвы скользили по раскисшей земле, когда она пробиралась к углу стены. Ее мама, как ни больно это признавать, была права. Кеды действительно были не лучшей обувью для такой погоды.

– Значит, я даже покурить спокойно не могу.

Бекка подняла голову, и ее сердце сжалось. А ведь она так надеялась, что избежит встречи с Барби до конца дня! Хейли, держа тонкую сигарету «Vogue», тоже не обрадовалась, увидев ее. Она слегка запрокинула голову и выпустила струю дыма, будто могла сдуть Бекку.

– Не думаю, что бег и курение хорошо сочетаются.

– Только если ты не бегаешь так же хорошо, как я.

Бекка прикурила сигарету. Ее сердце нервно колотилось, и она не совсем понимала, почему. Это ведь просто Хейли. Плевать на нее.

– Думаю, это помогает от лишнего веса. Я знаю, как для тебя это важно.

Хейли многозначительно посмотрела своими идеально накрашенными глазами на Бекку и сказала:

– Это же не я была толстой.

Она прислонилась спиной к стене, светлые волосы развевались над ее меховым капюшоном, пока она курила, спокойная и непринужденная. Бекка не могла не признать, что Хейли весьма привлекательна. Может, даже красивее Наташи. Ее мама сказала бы, что она потрясающая. Элегантная. Даже в прошлом семестре, когда она упала с лестницы и была вынуждена несколько недель, почти до самого Рождества, ходить с перевязанной рукой, это выглядело стильно. Бекка пыталась представить, как Хейли взбирается на дерево, но вместо этого вспомнила только, как близки они были тогда. Вдруг она почувствовала себя слишком уставшей, чтобы размениваться на злобные насмешки. Какой смысл? Как только Наташе станет лучше и ее выпишут из больницы, о Бекке забудут, и они разойдутся по противоположным сторонам их социального спектра.

– Ты в порядке? – в конце концов спросила она, злясь оттого, что это прозвучало с интонацией Ханны. Покорно. Кротко. Ей не хотелось чувствовать себя тряпкой.

– Будто тебя это волнует! – парировала Хейли.

Бекка на самом деле просто хотела что-то сказать, чтобы нарушить неловкое молчание. Она глубоко затянулась сигаретой, желая побыстрее ее выкурить.

– Я просто спросила. А что, обязательно нужно быть стервой?

Хейли опустила взгляд на свои сапожки. Конечно, на ней были настоящие угги. Бекка видела ярлык на заднике. Образ Дженни может состоять из подделок – у ее мамы-одиночки не было денег, но Хейли наверняка носила фунтов двести только на ногах. Она счистила снег с задника носком второго сапожка, испачкав его, будто показывая средний палец дороговизне обуви. Бекка видела, что угги промокли. Несмотря на их

стоимость, у Хейли, наверное, ноги тоже замерзли.

– Что-то узнала от Таши? – спросила Хейли, не поднимая глаз.

Слова были легкими, как снежинки, но Бекка напряглась.

– А должна была?

– Я просто спросила, Бекс. – Хейли симитировала ответ Бекки, но ее голос был уставшим, и на секунду лоск, который ей придавали курение, макияж и дизайнерская одежда, исчез. – Только и всего.

– Нет, – ответила Бекка. – Ничего. – Она помедлила, держа сигарету возле самых губ, и посмотрела на Хейли, внезапно поняв причину ее вопроса. – А что? Ты тоже ничего не слышала?

Хейли неопределенно пожала плечами, но ответ был понятен. Жирное «нет».

– Знаешь, я просто переживаю за нее.

– Разве ты не можешь ей позвонить?

– Ее телефон сломан. Я пыталась звонить на домашний. Элисон сказала, что дала Таше свой «iPhone», а себе купила дешевый сотовый, с которого можно только звонить и отправлять сообщения. Она сказала, что наконец-то у нее мобильник, которым она умеет пользоваться. – Хейли слегка улыбнулась. – Ты знаешь, как у нее с техникой. – На самом деле Бекка не знала. Когда она в последний раз была в гостях у Хоулендов, телефоны и компьютеры не были для них так важны. Большую часть времени они строили укрытия и играли в пиратов. – Как бы то ни было, я потом звонила и писала сообщения, но она не ответила, – закончила Хейли.

– Может, она плохо себя чувствует. Возможно, ей до сих пор дают успокоительные.

Бекка не понимала, почему пытается успокоить Хейли. В конце концов, это Наташа была в больнице. Что такого, если она день не переписывалась с одной из Барби? Насколько они в ней нуждались? Она сделала медленную затяжку, в то время как Хейли бросила сигарету и затоптала ее в снег. Бекка докурила почти до фильтра, но ей не хотелось чувствовать себя неловко, возвращаясь в школу вместе с Хейли.

– Да, наверное, так и есть. – Хейли оттолкнулась от стены. – А может, ей не очень-то разрешают переписываться. Мы с Дженни хотим провести ее сегодня.

– Круто. – Бекка не знала, что еще сказать. Жало старого неприятия все еще кололо ее, когда Хейли проскочила мимо и, изящно пригнувшись, прошла сквозь кусты. Она исчезла, даже не оглянувшись.

Сука, подумала Бекка. *Долбаная сука.* Она потушила сигарету с большим усилием, чем требовалось.

После успокаивающего воздействия пары по рисованию с мисс Бордерс в расслабленной, словно у хиппи, атмосфере, уроков больше не было, и Бекка стала пробираться к коридору со шкафчиками старшеклассников сквозь толпу визжащих детей, бегущих к автобусам, машинам, в общем – к школьным воротам. Увидев собравшуюся там небольшую толпу, она нахмурилась. Это был редкий случай. В последние два года учебные требования находиться в стенах школы было не таким строгим, и, если не намечалось каких-то сборов или встречи с преподавателем, никого не волновало, что старшеклассники уходят раньше. То же относилось и к опозданиям. Как правило, к концу дня возле шкафчиков оказывалось всего несколько задержавшихся; большинство учащихся оставляли свои сумки в общем зале, если не брали их на уроки.

– Ах, Ребекка! – донесся мужской голос из толпы, которая медленно разделялась на маленькие разрозненные рои общего улья.

Она подняла глаза, пытаясь разглядеть говорившего сквозь просветы в толпе. Светло-каштановые волосы. Дружелюбная улыбка. Намечающиеся морщины на лице, которые постепенно станут глубокими, но сейчас они всего лишь делали его образ интересным. Старше нее. Пылкий.

– Мистер Джонс, – отозвалась она, чуть подняв руку.

Внезапно она поняла причину столпотворения. Мистер Джонс был руководителем драматического кружка, а сегодня должно было состояться прослушивание перед постановкой школьной пьесы.

Он протиснулся к ней через стайку девушек, пытающихся привлечь его внимание.

– Рад, что поймал тебя, – сказал он.

Бекка подумала, что это его поймали здесь, в коридоре, – дельфин, попавший в сеть для тунца. Ей было интересно, чувствовал ли он этот жар шестнадцати- и семнадцатилетних девушек, вьющихся вокруг него. То, как они буквально светились в его присутствии.

– Ты в этом году будешь участвовать в постановке? – спросил он. – Было бы здорово, если бы ты смогла. Ты лучшая. А сейчас, когда ты уже в старшей школе, ты могла бы всем этим руководить. Что скажешь?

Позади него Бекка увидела Хейли и Дженни, но проигнорировала их.

– А разве прослушивание не сегодня? – ответила она вопросом на вопрос. – Вы его отменили?

– Нет, – сказал он, держа одну руку в кармане джинсов. – Просто

перенес его на пятницу. Дженни попросила, чтобы мы подождали, пока Наташа выйдет из больницы, ведь она очень хотела попасть на прослушивание. Не мог отказать, да и задержка в несколько дней не сыграет особой роли.

– Если она вернется в пятницу. – Взгляд Бекки продолжал порхать над его плечом – она незаметно наблюдала за Хейли и Дженни. Почему они не ушли? Они торчат тут, чтобы пофлиртовать с мистером Джонсом? Возможно. Как печально!

– Да нет, она будет, – сказал он. – Я звонил в больницу, чтобы узнать о ее самочувствии. По-видимому, они собираются выписать ее утром. Ей очень повезло.

– Она была мертва тринадцать минут, – произнесла Бекка. – Какое-то странное везение.

– Не стоит об этом думать. – Его карие глаза излучали доброту. – Поверь, если думать обо всем этом, можно сойти с ума. С ней все будет хорошо, и именно это на самом деле имеет значение.

Бекка не смогла сдержать улыбку. Мистер Джонс не нравился ей в *таком* смысле, как всем остальным девушкам, но все же он был ей симпатичен.

– Ну так как, – сказал он, протягивая ей потрепанный экземпляр сценария, – я могу быть уверен, что ты сделаешь так, чтобы все это выглядело идеально, лейтенант? Тем более сейчас, когда я повышаю тебя до полковника?

Она уставилась на книгу, а затем на исчезающие светлые головы Барби и их приспешниц, которые, без сомнения, решили подождать мистера Джонса возле его кабинета. Бекка, подняв руку, устало отсалютовала.

– Ну что ж, давайте, сэр.

– Отлично! – Он улыбнулся и подмигнул ей. – Я просто воспрянул духом. Прочти и поразмысли. Нарисуй пару эскизов, а потом встретимся и обсудим. Не нужно ничего заумного. Яркого и поразительного будет достаточно.

– Лучше бы так выглядела моя анкета для университета, – сказала она.

– Ты же все именно так и сделаешь. – Мистер Джонс сжал ей руку. – Я тебя знаю.

– Да ладно! – Она закатила глаза, частично чтобы скрыть непонятно почему появившийся румянец, а потом подошла к своему шкафчику.

– Приходи на прослушивание в пятницу, – крикнул он, удаляясь. – Поможешь мне справиться с хрупкими эго!

Она фыркнула – он ее рассмешил. Мистера Джонса Барби тоже не

смогли одурачить. Он мог с юмором относиться к их заигрываниям, но не более того. Телефон завибрировал. Ханна.

Ты идешь домой? Или мечтаешь о горячем шоколаде в «Старбаксе»?

Она надеялась, что это Эйден, но он не слал ей сообщения, если ему на самом деле нечего было сказать. Она, скорее всего, поговорит с ним лишь вечером, а увидит его только завтра, да и то всего на пару часов. Это единственная проблема, когда встречаешься с парнем, который уже закончил школу. Вы даже не можете делать вид, что вместе занимаетесь.

Встретимся у ворот в пять.

Горячий шоколад с Ханной мог быть хорошим окончанием дня.

Взято из

МАТЕРИАЛОВ, СОБРАННЫХ ИНСПЕКТОРОМ КЕЙТЛИН БЕННЕТ:

ВЫДЕРЖКА ИЗ ДНЕВНИКА НАТАШИ ХОУЛЕНД

Я просматривала местные газеты, лежащие на кровати, когда появились Хейли и Дженни. Было так странно читать все это, напечатанное черным по белому, подаваемое как сенсация. Видеть свое лицо, смотрящее на меня со страницы. Наверное, мама дала им это фото (я бы точно выбрала другое). Оно было сделано в прошлом году на семейном обеде. Я на нем выгляжу пухленькой. Еще было фото места, где меня вытащили из реки, и странное фото человека, который спас меня, Джейми Мак-Махона, которого камеры явно застигли врасплох, когда он выходил из дома. Он жил в Лондоне, работал в адвокатской конторе, но потом решил сменить род занятий – так было сказано в одной из газет. Почему, черт возьми, ты приехал сюда после жизни в Лондоне? Они прозвали его «герой-собачник». *Музыкант-отшельник спасает «мертвого» подростка.* Часто ли, говоря о смерти, используют кавычки? Он мало рассказывал – стандартное «любой поступил бы так же». Все мы знаем, что большинство так не сделало бы. Он сказал, что в то утро вышел поздно и просто счастлив, что не опоздал.

«Ты счастлив? – размышляла я, глядя на его нечеткое фото. – А как ты думаешь, что я чувствую?» Я отложила газеты. Я просматривала их уже в третий раз и, перечитывая, обращала внимание на детали. Меня удивляло то, что они говорили обо мне. Интересно, что доктор Харви и ее пустые глаза увидят в этом? *Будто я когда-нибудь позволю ей прочитать этот глупый дневник!*

Мне скучно и меня раздражает то, что все время приходится валяться в постели, я хочу на свежий воздух. Болят ушибленные места, и мышцы тянет почти постоянно. Такое ощущение, будто я долго бегала по пересеченной местности или что-то вроде того. В последнее время я много бегала, и это стало чем-то бо`льшим, чем просто пробежки. Чем-то более мощным. Я никогда не буду настолько быстрой, как Хейли, но я стала

быстрее и крепче, чем была. Думая об этом, я смотрю сквозь оконное стекло в никуда. Я очень хочу домой.

Сейчас только пять вечера, но на улице уже совсем темно. Пустая, холодная темнота. Обычно никто не закрывает занавески, и я не против. Моя палата находится на самом верхнем этаже. Никто не заглянет в окно. Мне нравится смотреть на темноту за стеклом, даже если она напоминает мне о той, *другой* темноте внутри ледящего холода. Той, которая отняла у меня дыхание и остановила мое сердце. Если я буду достаточно долго смотреть в темноту, я смогу бросить вызов страху. Я его больше в себя не впущу.

Хейли и Дженни обе улыбались, когда вошли, но от этого сразу же возникла неловкость, будто мы вдруг стали чужими. Может, это больница так на нас действует. Такие места могут так влиять на людей.

Что ни говори, это было странным ощущением, и они в дверях выглядели такими скованными, но я им улыбнулась (потому что, если честно, мне так наскучили визиты родственников, и даже если на первый взгляд это было странно, они все равно в миллион раз веселее моей бабушки) и поправила свои светлые волосы, теперь почти такие же, как у них. Атмосфера разрядилась, когда мы обнялись и они запищали от восторга, радуясь моему спасению, и поняли, что я тоже рада их видеть. Они сняли свои пальто и шарфы, и я даже физически ощутила, как они расслабляются в жарком помещении.

Мама Дженни сохранила все газеты. Дженни сказала мне об этом, закатив свои красивые оленьи глаза, когда увидела их у меня на кровати. Судя по всему, они теперь в альбоме для вырезок, куда попадали и неудачные фотографии Дженни. Это выглядело так, будто всем хотелось взять себе частичку переживаний из-за того, что я чуть не погибла. Хотя это вызвало у меня улыбку. Мама Дженни не от мира сего. Она бедная, по крайней мере, если сравнивать с достатком среднего класса, в том числе и с нашими с Хейли семьями, и слишком часто выпивает. Она беднота, жалкая провинциалка, и Дженни очень сильно старается отмыться от этого – в переносном смысле. Но иногда ты все равно можешь почувствовать этот запах, исходящий от нее. Легкий *аромат отчаяния*. Я знаю, это недостойные мысли, но это правда.

– Я что, через много лет буду смотреть на эти вырезки и думать: «О-о... а ведь Таша однажды чуть не утонула! Как мило!» – покашливая как старушка, сказала Дженни.

Я отметила техническую ошибку в ее заявлении. Я *утонула*. Там не было никакого *чуть не*. Но я промолчала.

Затем настала очередь Хейли. Она не смотрела на меня. Сложив газеты и заправив идеальные волосы за уши, она небрежно сказала:

– Я писала тебе.

Она держалась настолько бесстрастно, что я поняла: ее очень обидело то, что я не ответила на ее сообщение. *Я все еще их* лидер. Даже после всего этого. Может, сейчас даже в большей мере.

– Меня навещала бабушка, и телефон был в беззвучном режиме, – пояснила я, нагло соврав. – Тут не особо приветствуют телефоны в палатах. – *Это было правдой*, но я могла им пользоваться, потому что медсестры меня жалели.

Они сидели близко друг к другу у изножья кровати, две мои лучшие подруги. Наблюдали за мной. Им хотелось расспросить меня о случившемся, но они не знали, с чего начать.

– Итак, – сказала Хейли, когда Дженни достала шоколадку и чипсы из сумки, – ты уже что-нибудь вспомнила?

Я ничего не помнила. И я покачала головой. Так странно. Я ничего не помню, начиная с обеда в четверг и до того момента, как я очутилась здесь. Я пожала плечами, и какое-то время Хейли молчала. Она просто изучающе смотрела на меня, затем слегка улыбнулась этой своей загадочной улыбкой. Я всегда знала, что происходит у нее в голове, но теперь могла лишь строить предположения на этот счет.

Дженни по-прежнему была увлечена содержимым своей сумки, в которой всегда трудно было что-либо найти, и я не видела ее лица, пока наконец она с улыбкой не вытащила три шоколадных батончика. Мои любимые.

Я взяла их, но сразу отложила в сторону. Как говорит моя мама, надо считать каждую калорию, а все, чем я здесь занималась, – это лежала в постели.

– Со мной все будет в порядке, – сказала я. – Я уверена, в какой-то момент воспоминания вернутся.

Затем мы немного поговорили об этом и о том, что я делала в тот день. Пошла в школу, вернулась домой, затем по непонятной причине ушла. Все это звучит так скучно – до момента, когда я оказалась в реке.

– Мы так боялись за тебя! – изливала чувства Дженни, перед тем как сообщить, что все в школе только и говорят обо мне, будто я еще этого не знала.

У нее это от мамы, эта привычка внезапно что-то ляпнуть. У нее получаются фразы-обрывки. Она не может контролировать себя, и это просто порывы чувств, облеченные в слова. Пока она говорила, ее лицо

покраснело, а взгляд метался по комнате. Выглядело это так, будто она нервничала, но я думаю, она просто не знала, как вести себя в подобной ситуации. Может, она чересчур старалась вести себя нормально. В конце концов Хейли ее оборвала, в противном случае, я думаю, она бы рассказывала о школе всю ночь.

– Эта женщина-полицейский вообще подумала, что ты, возможно, пыталась покончить с собой. – Хейли ухмыльнулась, сказав это. – Но это же бред!

Меня это тоже рассмешило. Я рассказала им о докторе Харви, о том, что мне нужно ходить к ней на консультации, и, закатив глаза и посмеиваясь, о том, какая она пресная и скучная (она действительно такая). Но я не рассказала им об этом дневнике. О том, что я должна все записывать. Во-первых, это личное, и я делаю это только потому, что мне очень скучно, а во-вторых, я не хотела, чтобы они думали, будто я записываю все, что мы говорим и делаем тут, и что кто-то еще может захотеть это прочесть. (Этого *не* произойдет! Доктор Харви может даже не пытаться залезть в мою голову.) Я не хочу, чтобы они из-за этого беспокоились.

– Ты правда в порядке? – спросила Хейли.

Это прозвучало настойчивее, чем предполагалось, и с их лиц внезапно исчезли улыбки. На какое-то мгновение я смогла увидеть, что у них под масками, потому что маски – это то, в чем мы, все три, *так* сильны. И я увидела, что они встревожены. Мы оказались на новой территории – в неизведанных водах. Я чуть не умерла. Я *фактически умерла*, и не помню почему. Это все меняет.

Я ответила:

– Да. – Мой голос уже не похож на глухое рычание, но все еще звучит так, будто у меня ужаснейший тонзиллит.

Я добавила, что очень хочу выйти отсюда, и Хейли сказала, что понимает меня, потому что тут везде пахнет стариками.

Это действительно так, мы все рассмеялись, и напряжение спало. Хейли не часто шутит, да и получается это у нее суховато. Все изменилось, но наш старый дух товарищества не так-то легко истребить, он жив – как и я.

Дженни вытащила из сумки экземпляр сценария «Сурового испытания». Наверное, взяла его у мистера Джонса. Она призналась, что пыталась найти мой экземпляр, когда они искали «iPod» и другие вещи, чтобы принести мне, но не смогла. Она слегка покраснела, говоря об этом. Я подумала, что они на самом деле основательно порылись в моих вещах.

Сколько ящиков вы проверили? Все? Коробки у меня под кроватью?

Экземпляр сценария, который она мне вручила, был сильно потрепан, но мне понравилось ощущение прикосновения к бумаге. По-видимому, теперь прослушивание будет в пятницу. Они упростили мистера Джонса его перенести, чтобы и я могла поучаствовать.

– Из тебя получится замечательная Эбигейл, – сказала Дженни.

На самом деле она думала, что замечательная Эбигейл получилась бы *из нее*, но никогда бы этого не сказала. Она не делала этого раньше и точно не сделает сейчас. Даже если ей предложат эту роль, могу биться об заклад, она убедит мистера Джонса отдать ее мне. Дженни так любит *угождать*. Во всяком случае, большую часть времени. Но дело в том, что она, скорее всего, ее получит. Я, конечно, хороша – намного лучше, чем думает мистер Джонс, – но Дженни просто блистает на сцене. Хотя она этого не осознает. Не вполне. Я думаю, что на самом деле она милая. В своем роде. Мы можем быть непохожими, три лучшие подружки, но всем нам нравится театр – в жизни и на сцене. Нам всем нравятся школьные спектакли. И тут мы правим.

– Может, он предложит Джеймсу Энсору роль Джона Проктора, – пошутила Хейли.

Мы рассмеялись. Я два раза ходила на свидание с Джеймсом, после того как по пьяни поцеловала его на вечеринке. Самый горячий парень в школе – так о нем говорят. Мне показалось, что его язык похож на мокрую рыбу, а руки у него какие-то неуклюжие и трясутся. Отношения так и не зашли дальше, но Джеймс с тех пор волочился за мной. Я никогда не говорила этого Хейли и Дженни – даже у нас есть свои секреты, – но я не совсем понимаю, в чем прикол секса. Я хихикаю и визжу вместе с ними, когда мы говорим об этом, но я, наверное, единственная девочка в школе, делающая вид, что все зашло дальше, чем на самом деле. Я остаюсь равнодушной при мысли об этом. Возможно, я в некотором роде как та река. Может, мне нужно быть Элизабет Проктор, а не Эбигейл.

Но это было бы не в стиле *Барби*, как нас называют в школе, а я *Барби*.

Я сказала, что мистер Джонс может сам сыграть эту роль и что не представляю, как с ней справится подросток, даже Джеймс. Для этого нужна более грубая кожа и крепкие руки. Затем я посмотрела на подруг. Они обе думали об одном – непрошенная фантазия о голом мистере Джонсе, который занимается *этим*; неправильность этой мысли делала ощущения даже сильнее. Эбигейл, Джона Проктора и все остальное заслонил образ всеми обожаемого преподавателя актерского мастерства. Я даже ощутила, как накаляется температура в комнате.

– Но, надеюсь, не предложит, – добавила я наконец. – Это было бы странно. И даже немного противно. Я имею в виду спать с кем-то такого возраста. Даже просто изображать это. – Я сделала вид, будто меня сейчас вырвет. – Жуть.

Они издали соответствующие звуки отвращения – конечно, они так сделали, но выглядели виноватыми. (Иногда они так предсказуемы!) Несмотря на это, я подумала о них с теплотой. Может, мне не стоит так много с ними играть?

– А что насчет того, кто тебе писал? – спросила Дженни, снова заговорив о моей истории – *моем событии*, чтобы перебрать все до последней детали. – Инспектор спрашивала нас об этом номере, но мы его не знаем.

Она пыталась говорить непринужденно, но я на это не купилась. Я сказала, что тоже его не знаю и что, должно быть, кто-то ошибся номером, и это не имеет никакого отношения к тому, что произошло со мной.

– Она и Бекку спрашивала, – сказала Хейли. Она перелистывала книгу, но смотрела на меня сквозь прямые волосы, спадающие на глаза, и я заметила, что ее брови изогнуты просто идеально. Мне тоже нужно подправить свои. – Будто Бекка могла что-то знать.

– Она была здесь, – тихо произнесла я. – Она читала мне, пока я была без сознания.

– Ты ее слышала? – спросила Дженни. Ей не было дела до Бекки. Она не участвовала в моем с Хейли предательстве. И она никогда не дружила с Беккой. – Это было бы странно.

– Я не знаю, – ответила я и, немного помолчав, продолжила: – Возможно, но как сквозь сон. – Я не была в этом уверена, но это то, что они хотели услышать.

– Как насчет... – Дженни наклонилась ближе, -...когда ты... ну, знаешь...

– Умерла? – закончила я.

Хейли шокировало это слово. Она ненавидит смерть. Как и все мы, когда осознаем, что однажды это случится с нами, хотя, наверное, я достигла этого момента немного быстрее, чем мои подруги. Мы ее ненавидим и восхищаемся ею, но Хейли испытывала настоящий ужас при мысли о смерти. Я думаю, она действительно это осознавала.

Несмотря на свою идеальность, она была хорошо осведомлена о хрупкости своей плоти. Я видела, как она переживает из-за веснушек, когда думает, что никто на нее не смотрит. У нее умер кто-то из близких, когда она была ребенком? Не помню. Возможно. Может, это было то, о чем она

не хотела говорить, но из-за чего перестала лазить по деревьям и взбираться на стены и строительные леса, – нечто большее, чем появление груди.

– Ну, это же правда, – помолчав, произнесла я.

Я улыбнулась, но могла думать только о темноте и подавляюще грандиозном страхе в том воспоминании, когда пыталась дотянуться до веток. Будто темнота ждала меня. Будто она надо мной смеялась. От этого у меня слегка перехватило дыхание. Но я не могу позволить этому проявиться. Я хочу выбраться отсюда в ближайшие несколько дней. Я должна. Мне необходимо оставаться *нормальной*. Я сказала им, что ничего не помню. Смотря на лицо Хейли, я не поняла, как этот ответ отразится на множестве ее страхов. Может, она хотела услышать историю про яркий свет, туннель и ангелов.

Когда пришла медсестра, чтобы сообщить, что мама Хейли приехала за ними, я на секунду задумалась о том, откуда она знает, кто из них кто, а затем вспомнила, что они все выходные прорыдали у моей кровати. Странно, что я была одновременно и здесь и не здесь. Я все еще вздрагиваю, думая об этом, несмотря на то, что в палате тепло. Это выглядело так, словно они справляли по мне поминки, а я была кем-то вроде вампира, восставшего из мертвых.

Подруги были разочарованы, но медсестра сказала, что мне нужен отдых (мне так надоело отдыхать!), и посмотрела на меня с такой теплотой, будто искренне меня любила. Она, должно быть, хорошая медсестра.

– Скоро уже принесут твой обед, – сказала она мне, а затем, прищурившись, посмотрела на чипсы и шоколад. – Если после всего этого в тебя еще что-то влезет.

Она была крупной, полной женщиной, но это не мешало ей чувствовать себя комфортно. Сомневаюсь, чтобы она когда-нибудь не доела шоколадный батончик. Она хоть раз чувствовала давление идеалов внешности? Да, я хочу шоколада. Такая, как она, съела бы сладкую вкусняшку, не раздумывая. Я ей почти завидовала.

Хейли и Дженни обняли меня, и мы превратились в сплетение волос, пальто и горячего дыхания. Поджарые руки сжимали меня крепче, и я знала, что это была Хейли. Когда они отстранились, я почувствовала, что кожа лица стала влажной от нашего дыхания.

– Пиши нам, – сказала Хейли. Она выглядела грустной. Помедлив, она добавила: – Мы правда тебя любим, Таша. Ты перепугала нас до смерти.

Дженни кивнула:

– Быстрее возвращайся в школу. Нам тебя не хватает.

Прошел всего день. Интересно, как они могли по мне соскучиться, если, без сомнений, все время говорили обо мне? Я знаю, что это плохая мысль. Я должна радоваться, что мы снова друзья.

В конце концов, именно этого я и хочу. В последнее время в наших отношениях появились *трещины*.

– Мне тоже вас не хватало, – сказала я.

В этой фразе я использовала прошедшее время, но они этого не заметили. Я *скучала* по ним по-своему. Они были моими лучшими подругами.

Может, сейчас все будет по-другому.

9

18.20

Дженни

Это было слишком странно. Не думаешь?

18.21

Хейли

Ты серьезно будешь писать мне с заднего сиденья?;-)

18.22

Дженни

Хочу об этом поговорить. Рrrrrr, твоей маме. И что это за дерьмовая музыка?

18.23

Хейли

Отстой из девяностых.

18.24

Хейли

Да уж, было странно. Она и правда ничего не помнит.

18.24

Дженни

Думаешь, вспомнит? Мне страшно.

18.24

Хейли

Мне тоже. Я позвоню тебе позже.

18.25

Дженни

Я хотела, чтобы она умерла.

18.25

Хейли

УДАЛИ! Все будет в порядке.

18.25

Дженни

Удалить весь разговор или только это?

18.26

Хейли

Разговор.

18.26

Дженни

Это такое идиотское дерьмо.

18.26

Хейли

Не волнуйся. Давай, удаляй.

Эйден скручивал косяки быстрее, чем кто-либо из знакомых Бекки, и они у него получались ровные. Его косяки были чертовски хороши, заключила Бекка, глубоко затагиваясь и наблюдая, как бумага тлеет оранжево-красным, а маленькие семена травки трескаются внутри. Три, пять или семь листов бумаги для самокруток – все они всегда были одинаковыми: идеальный баланс травки и табака, – и тебе не нужно было тянуть слишком сильно, и никакая хрень никогда не попадала в рот, как в случае, если самокрутка свернута слишком слабо.

Она хихикнула и закашлялась, когда ее начало накрывать, согревая лицо, которое все еще покалывало от холода, хотя в комнате было очень жарко. Мама Эйдена не экономила на отоплении. И да здравствует она хотя бы только за это. И еще за пиццу, которую она им купила.

– Хорошая дурь? – спросил Эйден.

Бекка, положив голову ему на плечо, смотрела в потолок.

– Хорошая дурь, – сказала она и улыбнулась. – А теперь покорми меня пиццей.

Он вытащил большой кусок из коробки и поднял его у нее над головой. Она потянулась, чтобы откусить, и он отодвинул его так, что она не могла достать.

– Меняемся.

Она поводила перед его лицом косяком, а затем с усилием поднялась, не обращая внимания на разлохматившиеся волосы. Улыбаясь ему, она откусила большой кусок гавайской пиццы, сыр вытянулся в длинную нить и, оторвавшись, мокро шлепнулся на ее подбородок.

– Сексуальненько.

Она пожала плечами:

– Я не Барби. Какая мне разница?

– Барби? – Эйден выдул ей в лицо полные легкие сладкого дыма, и она вдохнула его, убрав в сторону вредную пищу.

– Ну, знаешь, как Наташа и ее банда. Такое впечатление, что они никогда не едят. И, наверное, *вызывают у себя рвоту*. Как же это чертовски печально!

– Я думаю, что ты страдаешь булимией и амнезией, – задумчиво произнес Эйден. Он усмехнулся. – Ты объедаешься, а потом забываешь выблевать это.

– Засранец! – Она произнесла это не совсем отчетливо, потому что ее рот был набит ананасами и сыром. Бекка доела кусок и забрала у него косяк.

– Послушай, а почему ты вообще сейчас о них заговорила? Какое тебе до них дело? С Наташей все в порядке. Вся эта хрень скоро уляжется.

– Знаю, – ответила она. – Я думаю, что эта ситуация просто все вернула. Воспоминания о том, как хреново они со мной обошлись. – *И даже более того, хотела сказать она, это вернуло мысли о том, как сильно я хотела быть с ними. Что я позволила бы им быть со мной стервами, если бы только могла оставаться в их кругу. Я такая неудачница!* Правда, о некоторых унижениях лучше не распространяться, если хочешь удержать парня. Никому не нужно знать, какой тряпкой она могла быть, а особенно Эйдену.

– Джейми ходил ее навестить, – сказал Эйден, – но она, по-видимому, очень устала от всего этого. Думаю, поэтому он почувствовал себя идиотом. Он и в лучшие времена не очень-то ладил с людьми. – Она протянула ему косяк, но он покачал головой: – Докуривай. Мне скоро нужно будет поиграть на гитаре.

Это было единственным, что раздражало Бекку в работе Эйдена с Джейми Мак-Махоном, – они записывались по вечерам, с семи или восьми и до полуночи, а иногда и дольше, если сроки поджимали. Это означало, что иногда она не видела Эйдена по нескольку дней. А если бы они работали днем, как все нормальные люди, то он был бы свободен по вечерам.

– Если бы он спас меня, я бы захотел его увидеть, – продолжил Эйден. – Хотя бы просто чтобы поблагодарить.

– Она и Хейли не отвечает на сообщения. Может, ей не настолько хорошо, как все думают. Когда я читала ей в больнице, она была такой неподвижной. Было трудно поверить, что она не умирает. Она была как мертвая или что-то вроде того. Наверное, не так уж легко оправиться от подобного.

Почему она вдруг начала защищать Наташу? Как долго умирают старые привычки?

– Все равно странно. И это очень в ее стиле – наплевать на то, что он проделал такой путь, чтобы повидать ее. Она могла уделить ему хоть пять минут.

– И правда, – согласилась Бекка. – Ее мама звонила моей. По всей видимости, Наташа мало что помнит. А из того дня вроде как вообще ничего.

– Все больше оснований думать, что ей было бы желательно увидеться с ним.

– Да, но это Таша. Я не уверена, что свидания в больнице – это для нее.

Эйден вопросительно смотрел на нее.

– Без макияжа. Без выпрямителя для волос. Без бюстгалтера пуш-ап.

– О, мяу. – Эйден рассмеялся, притянув ее к себе. – Ты можешь быть такой стервой, – произнес он почти ласково и запустил руку ей в волосы, наклоняясь, чтобы поцеловать.

Ей нравилось, как он целуется. Трепетное и сладкое ощущение. Под кайфом было еще лучше – а так они проводили большую часть времени, если честно. Покалывание языка, и вот наркотик уже в венах, и всего через пару секунд все ее тело начинало пульсировать. Она никогда не уставала от Эйдена. Никогда. Наташа сглупила, отказав ему.

Она подобрала Наташины объедки. Бекка пыталась не думать об этом. Эйден любил ее, Бекку. Он бы никогда не полюбил Наташу, по крайней мере, так. Она бы не стала его второй половинкой. Но ее все еще беспокоило то, что он *хотел* Ташу, считал ее красивой. Она *действительно* красивая. От осознания этого Бекке было только хуже. Но даже если бы они стали встречаться, это продлилось бы недолго. В конце концов он нашел бы Ребекку. Как только с Таши стерлась бы сияющая позолота и под ней проявился дешевый металл, он бы понял, что Бекка – его бриллиант. Конечно, он бы это понял.

– Что? – спросил он, отстраняясь, будто почувствовав ее отвлеченность. Его глаза были мутными и красными, а улыбка – мягкой.

– Ничего, – ответила она. – Ерунда.

У них оставалось всего полчаса или около того, прежде чем он отвезет ее домой, а потом отправится работать над очередным саундтреком, который записывал мистер Мак-Махон. Она не хотела провести это время, думая о Наташе Хоулэнд. Она была частью ее прошлого, пусть там и остается. Даже если Таша приползет к ней – чего она никогда не сделает, – Бекка не захочет иметь с ней ничего общего. Если бы это Бекка оказалась возле реки, кто знает, вытащила бы она свою лучшую подругу? Вот тебе и навечно. Только умереть можно навечно. От этой мысли у нее похолодело внутри. Умереть и любить Эйдена. Она еще крепче обняла его за шею. Это – *навсегда*. Она была уверена в этом.

Выдержка из газеты «Брекстон Геральд», среда, 13 января

Несмотря на то, что до сих пор неясно, как получилось, что шестнадцатилетняя Наташа Хоуленд (на фото слева вместе с матерью) оказалась в местной реке, где ее нашли в субботу утром, полиция на данный момент не рассматривает версию умышленного преступления.

По словам источников из больницы, мисс Хоуленд, старшеклассница Брекстонской муниципальной школы, успешно восстанавливается после того, как ее вытащили из воды, и сегодня утром ее уже выписали из больницы. Когда ее нашли, возникли опасения, что она мертва, так что ее спасение и врачи, и семья восприняли как настоящее чудо. Она все еще не помнит, что с ней произошло той ночью. Хотя у этой истории счастливый конец, похоже, ее началу суждено остаться загадкой. Семья Хоуленд и полиция просят всех, кто мог видеть Наташу в ночь с пятницы, восьмого января, на субботу, сообщить об этом.

**МАТЕРИАЛОВ, СОБРАННЫХ ИНСПЕКТОРОМ КЕЙТЛИН БЕННЕТ:
ВЫДЕРЖКА ИЗ ДНЕВНИКА НАТАШИ ХОУЛЕНД**

Мама отправилась за покупками и взяла меня с собой. Неудивительно, что она так поступила. Чего ей не хватает, так это умения общаться, и она восполняет это наличными. Полагаю, что это, в общем-то, неплохая замена, учитывая, что папа зарабатывает достаточно, чтобы *поддерживать тот порядок, к которому мы привыкли*. Ненавижу эту фразу. Мама постоянно ее произносит, причем так, чтобы это прозвучало как шутка, но на самом деле это не шутка. Это, скорее, угроза. Напоминание о том, что делает брак крепким. Я уверена, что она любит папу, но только до тех пор, пока он в состоянии нас обеспечивать. Она старается быть с ним милой, хорошо выглядеть для него, ходит в зал и ухаживает за лицом, но все это имеет цену. А он, похоже, и не против. Ему нравится что-то покупать ей. Даже те вещи, которые ей совсем ни к чему, – например, уже несколько месяцев не используемый «MacBook Air» ^[3], такой же, как у меня, *соответствующий подарок – как мило!* Ее «iPad-mini» – единственное, что она хоть иногда берет в руки, а еще у нее есть «Kindle» ^[4] и множество других электронных устройств, которые, по его мнению, облегчают ей жизнь. А они просто накапливаются в доме. Если, конечно, я не нахожу им применения.

Все, чего мама действительно от него хочет, это чтобы он продолжал ежемесячно выплачивать задолженность по кредитке, когда она тратит несколько сотен на туфли, обеды и «вино для девочек». И он, конечно, так и делает. Потому что таким образом показывает свою любовь. Но это их жизнь, не моя. Я просто еще один аксессуар. Если от этого безумия они счастливее, то кто я такая, чтобы открывать им глаза? Особенно учитывая сумму на карманные расходы, которую получаю каждый месяц. И свободу. Все это в мою пользу.

Из больницы мы возвращались как семья, но как только переступили порог дома и они убедились, что я не инвалид, папа не знал, куда себя деть. Он отправился поработать в свой кабинет, так что у нас появилось

достаточно времени, чтобы поиграть в *дочки-матери*. Не знаю, как отнеслась к этому мама, но я от такой перспективы мысленно застонала. Я просто хотела расслабиться в своей комнате. Сделать то, что мне нужно было сделать. Подумать. Возможно, почитать пьесу перед прослушиванием. Подготовиться к возвращению в школу. Пойти на шопинг в одиночку. Я проверила на телефоне все свои страницы в социальных сетях, пока она заваривала чай и отрезала порции от шоколадного торта – совсем тоненькую для себя и побольше для меня, но такая доброжелательность начинала надоедать. С тех пор как стало ясно, что я не собираюсь продолжать свое оборвавшееся свидание со смертью, излишний любви стало значительно меньше. Драма закончилась. Хотя это окончательно произойдет, когда я вернусь в школу. Я посмеиваюсь над собой из-за этого – из-за всей этой суеты.

После того как мы допили чай и съели по куску чересчур сладкого торта, мама заявила, что ей придется отказаться от обеда, чтобы компенсировать калории, даже несмотря на то, что она худая как жердь. И я подумала, не стоит ли и мне пропустить обед, ведь я съела еще и батончики, и эта мысль меня раздражала. Мне не нужно худеть. Я знаю, что у меня хорошая фигура. Так же, как и у нее. Я с трудом поборола соблазн сказать ей, что худоба не всегда идет стареющей женщине, но зачем портить момент?

Интересно, в молодости она была такой же худой и подтянутой? Ее кожа отличается от моей. В некоторых местах она уже начинает обвисать. Моя же упругая, плотно прилегает к мышцам, мое тело – отлаженный и сильный механизм. Ее тело местами совсем старое. Обвисшая грудь. Свисающая кожа на локтях. Я никогда раньше не замечала этого шепота физической смертности. Последние пару дней я стала замечать за собой одержимость темой смерти. Думаю, этого стоило ожидать. Моя комната сейчас кажется мне немного странной. Войдя в нее после того, как я сбежала от разговора про калории, я уставилась на окно – надежно запертое, – а потом на дерево с веревочной лестницей на некотором расстоянии от дома. Выпало много снега. Я бы не хотела лезть по ней в такую погоду, несмотря на то, что я сильная.

Я сидела на кровати, лениво листая «Суровое испытание», и размышляла о том, когда меня позовут. (Она безумно предсказуема, моя мать. Но ведь большинство людей такие.) Оказалось, через двадцать минут. Я уже собрала сумку и обулась, когда она постучала в дверь, чтобы предложить мне проехаться по магазинам.

– Я бы хотела подарить тебе что-нибудь миленькое, – сказала она,

будто это помогло бы мне разобраться с тем, что со мной случилось. – Может, новое пальто для такой ужасной погоды?

У меня достаточно пальто, в чем можно убедиться, заглянув в мою гардеробную, но одежды никогда не бывает слишком много. Я улыбнулась в ответ. Во многих отношениях у меня далеко не худшая мать, это точно.

* * *

Я надела шапку и заправила под нее волосы – чтобы меня труднее было узнать. Не то чтобы я была знаменитостью, но сегодня утром под больницей были репортеры и фотографы, и могу поспорить, что я хреново получилась на их фотографиях. Они хотят сделать фото со мной и Джейми Мак-Махоном. Может, я и соглашусь. Я не могу решить, хочу я говорить с ним или нет. Я не захотела общаться с ним в больнице, но есть вероятность, что это может быть интересным. Мне кажется, что я уже знаю его. Может, стоит с ним увидеться. Подумаю об этом позже. Это не срочно.

Мы шли мимо магазинов, в которых в середине недели было безлюдно из-за противной погоды, и через час или около того – все-таки немало времени заняла покупка трех топов, юбки, пальто и пары зауженных джинсов – я упомянула, что хотела бы подарить Хейли и Дженни браслеты дружбы или что-то в этом духе, чтобы они знали, как много для меня значило их присутствие там. Я опустила глаза на свои ботинки и попыталась не покраснеть. Я не хотела выглядеть слишком благодарной за то, что они навещали меня, и не хотела, чтобы они думали, что я очень нуждаюсь в этом.

– В больнице у меня возникло странное ощущение, – объяснила я. – Я осознала, насколько все хрупкое.

Это правда. Мысль о том, что я чуть не умерла – *по-настоящему*, а не просто на тринадцать минут, – все еще вызывает у меня дрожь.

– Тогда давай так и сделаем, – сказала мама, улыбнувшись. – Но пусть для тебя это будет праздником вашей дружбы, а не страхом потери.

Иногда она слишком сентиментальна, но, возможно, в данном случае была права. Я тоже улыбнулась. А как же иначе? Мне ведь нужна была ее кредитка, чтобы за все заплатить.

– А что насчет Ребекки? – неуверенно спросила она, когда мы уже выбрали тонкие браслеты с брелоками и серебряными сердечками с надписью «Друзья навсегда». Может, они выглядели немного детскими – ладно, совсем детскими, – но они точно были не безвкусные. Цена это

подтверждала.

Я ненадолго задумалась. Бекка. Конечно. Но не браслет. Это было бы смешно, учитывая все, что произошло, но у меня появилась другая идея.

* * *

Когда мы пришли домой, позвонила невыносимо серьезная инспектор полиции Беннет – хотела убедиться, что все хорошо и я спокойно добралась домой. Она сказала родителям, что в данный момент расследование приостановлено, но чтобы они сразу же звонили, если я что-нибудь вспомню. Она говорила все это моему отцу, будто я из какой-то далекой страны и ни слова не знаю по-английски или, и того хуже, словно я пятилетка.

Ну а что, если именно отец толкнул меня в воду? Что, если это *так*, миссис умная инспектор полиции? Едва ли я смогу попросить у него твой номер, чтобы позвонить и сказать: «Эй, угадай-ка, что я вспомнила». Потерять память плохо и без того, что другие вдруг стали считать меня отупевшей.

Когда они договорили, папа спросил, хочу ли я заказать где-нибудь обед. Мы редко заказывали еду на вынос. Мама гордилась своими кулинарными навыками, но при этом настолько стеснялась быть домохозяйкой, что нам пришлось нанять горничную, которая приходит дважды в неделю и занимается глажкой. Среди ее подруг отказ от работы – это символ статуса, но иногда я думаю, что так много вина в обеденное время – не показатель полноценной жизни. Когда-то давно, до моего рождения, она работала. Тогда же она и встретила папу. Как бы то ни было, мама отлично готовит и гордится тем, что каждый вечер ставит на стол полезные, но вкусные блюда. Это как раз тот момент, который я *стараюсь* не пропускать, потому что тогда моя жизнь становится проще. Мои родители, похоже, не сильно озабочены тем, что не знают, где я нахожусь каждую минуту, но им действительно нравится, когда мы ужинаем всей семьей, даже если мама просто грызет салат, делая вид, что ест. Обычно я выделяю на это минут пятнадцать, а они, как правило, считают это приемлемым.

Видимость. Это все только видимость. Я думала о том, что мы пополдничаем тортом. Думала про лишние калории. «Хрен с ними!» – в конце концов заключила я. Я ведь чуть не умерла.

– Было бы неплохо заказать китайскую еду, – сказала я.

– Значит, китайскую, – согласился папа. – Как пожелает моя принцесса. – Он взял кофе и направился обратно в кабинет.

Было уже больше двух часов дня. Мне следовало пошевеливаться. У меня были дела.

– Я хочу отвезти эти подарки, – сказала я. – Чтобы для них это был сюрприз, когда они вернутся из школы.

Мама начала было говорить, что она отвезет меня, но я ее прервала:

– Все будет хорошо. Обещаю.

Я была твердой и крепкой. Как и моя кожа. И я знала, что она не станет со мной спорить. Она практически никогда не спорит. Если честно, за исключением этого почти смертельного происшествия, у нас все было гладко, а ведь я делала в общем-то все, что хотела, с шести лет. Никаких проблем или ужасных инцидентов. Кроме случая с классным хомяком в первом классе и того, что случилось с идиотским выходным платьем Бекки, когда нам было по шесть лет, но все это быстро забылось. Взрослые прощают детей. Это были хорошо усвоенные уроки.

Я пообещала, что вернусь приблизительно через час. *Я не буду долго гулять. Я все еще чувствую себя уставшей.* Последняя фраза была ложью. Я не была уставшей. Даже наоборот, я чувствовала себя бодрой.

Мама согласилась. Я надела новое пальто – только чтобы угодить ей. В целом я хорошая дочь. По крайней мере стараюсь быть таковой. А пальто это отличное, красное. Оно подходит к моим светлым волосам, но подойдет и к темным, если я перекрашусь. Хоть мне и нравится, что мы сейчас выглядим одинаково, я скучаю по темному цвету волос. Мне иногда хочется снова стать брюнеткой.

Я торопилась. На улице похолодало и надвигались снеговые тучи, а я уверенно шагала по ледяной каше. Это лучший способ. Падает на льду всегда тот, кто слишком осторожен. Я должна быть смелой. Решив начать с менее близкой подруги, я направилась к дому Дженни.

На пороге мне пришлось пережить удушающие объятия ее мамы, а потом я спросила, могу ли оставить подарок для Дженни на ее кровати. Лиз прослезилась, и ее слезы стали черными. Она плакала дешевой тушью.

– Ох, дорогая, это так мило! Они действительно переживали о тебе, обе. Знаешь, мне кажется, она совсем не спала с тех пор, как мы узнали. Она и не подозревает, что я в курсе. Я понимаю, что вам, девочкам, нужно собственное пространство, но я слышала, как она посреди ночи говорит по телефону. Слышала, что она встает попить. Наверное, в школе заметили, в каком она состоянии, потому что даже звонил один из учителей, спрашивал, все ли с ней в порядке. И, конечно, где же ей и быть, как не у

тебя в больнице вместе с Хейли? – Она гладила мои волосы. – Вы трое как сестры, не так ли? Двойняшки.

Я хотела указать на ее математическую ошибку, но вместо этого пробормотала да и взлетела по лестнице, на ходу расстегивая сумочку. Моя мама, наверное, наливает себе первый за день стакан, но Лиз, должно быть, уже прикончила бутылку. Не знаю, как Дженни справляется с этим.

Я сделала то, зачем пришла, – оставила красиво упакованную коробочку и маленькую открытку на ее подушке и наслаждалась моментом удовлетворения, перед тем как спуститься в гостиную. Лиз не пошла за мной. Наши спальни – это наши святилища, и Дженни способна была закатить истерику, если бы мама стала рыться в ее вещах. Лиз позволено только оставлять чистое белье Дженни у нее на кровати. Дженни нравится самой складывать свои вещи. У порога я опять обняла Лиз, а затем пошла к Хейли. Я считала повороты между их домами. Тринадцать. Я постаралась выбросить это число из головы.

У Хейли было легче. Ее мама больше похожа на мою – она заботливая, но сдержанная в проявлении чувств. Она пустила пару слезинок на пороге, увидев меня здоровой, но они не образовали разводов туши на ее щеках. На ее лице я читала облегчение от того, что это я чуть не утонула в реке, а не Хейли. Она смотрела на меня, на мои светлые волосы, а я понимала: она думает, что на моем месте вполне могла оказаться ее красивая дочь. Я также понимала, что она испытывает чувство вины из-за такой мысли, а затем облегчение от того, что в конце концов все хорошо закончилось. Я умею читать по лицам.

Ее объятия были слабее, чем у Лиз, а проводив меня к лестнице, она так и осталась там стоять, пока я не вернулась. Она не трогала мои волосы, не изливала своих чувств. Я управилась с визитом за пять минут.

Более странно было дома у Бекки. К тому времени, как я туда добралась, мое лицо разругалось от холода, а из носа начало течь. Я не считала повороты. Не хотела опять насчитать тринадцать. Я позвонила в дверь, и мое сердце заколотилось в груди от неожиданного волнения. Давно я здесь не была. Годы прошли.

При виде меня Джулия Крисп открыла рот от удивления, а затем сменила это выражение на радужное. Я видела, что она оценила мое пальто, гладкие волосы, все мое великолепие «соседской девочки». Я видела, что она размышляет о том, как выглядела бы Бекка, если бы мы все еще дружили. Она бы выглядела такой же запущенной, как сейчас? А может, она бы не была такой невзрачной?

Честно говоря, я не знаю, невзрачная Бекка или нет. В школе она

всегда выглядит угрюмой в своих черных футболках, поясах с шипами и с бесцветным макияжем. Почти как гот, но не совсем. Скорее рокер. Как бы то ни было, Бекка может выглядеть намного лучше, и Джулия это знает.

Они переделали кухню, с тех пор как я была здесь последний раз, и сделали ремонт в коридорах. Не знаю, почему меня так шокировало то, что теперь здесь все выглядит иначе. Я не заходила сюда четыре года, может, и больше. Я не решилась оставить подарок в комнате Бекки – было бы странно попросить об этом, да и не было такой необходимости, – так что я вручила его Джулии. Я чувствовала себя неловко и даже покраснела.

– Это просто... ну, своего рода благодарность, что ли. Знаете, за проведывания в больнице. Она не была обязана. И за то, что читала мне, ну и все остальное.

Беря коробку, она улыбалась так широко, что я думала, ее лицо сейчас расколется пополам.

– Ох, Наташа, какая ты внимательная! Я уверена, что она обрадуется. Вам всегда так нравилось вместе играть в шахматы.

Это был недешевый комплект – шахматные фигурки, вырезанные вручную из мыльного камня. Чуть больше ста фунтов. Интересно, как я могу научиться что-либо ценить, если моя мама готова так много тратить на знаки благодарности для моих друзей?

Нам нравилось играть в шахматы, в чем Бекка была очень сильна. Хотя и не настолько, как я.

– Жаль, что вам не удалось сохранить «шахматный клуб», – сказала она. – Бекка все еще иногда играет с отцом. – Она пожала плечами. – Наверное, шахматы просто недостаточно крутое занятие для подростков.

Я пожала плечами в ответ. Она была права. Шахматный клуб? Ну уж нет. Даже у меня не получилось бы одновременно быть хоть немного крутой и играть в шахматы. Да я и не особо хотела. Я видела лузеров, которые до сих пор играют. Сомневаюсь, что и Бекка сейчас практикует это, пусть даже она и торчит регулярно с Ханной Альдертон, которая фактически царапает дно социальной шкалы.

Хоть я никому и не говорю об этом, я иногда играю в шахматы на телефоне, в одном из тех приложений, где ты выступаешь против компьютера. Я все еще достаточно хороша в этом деле. Но это не то же самое, что играть с Беккой. Стоя тут, в ее кухне, я почувствовала, как мне ее не хватает. Остро не хватает. Ну разве это не странно?

К тому времени, как я вернулась домой, я действительно очень устала. Устала как собака. Глаза закрывались. «Слишком много свежего воздуха», – заявила мама и отправила меня в спальню вздремнуть перед ужином. Если я собиралась вернуться в школу в пятницу, мне нужно было как следует отдохнуть. Она, конечно, права.

Постель была только из стирки, и я наслаждалась запахом свежего белья. Переплетения нитей будто хранили в себе воспоминания из детства и вызывали чувство безопасности. Было почти четыре часа, и небо уже стало темно-синим на пороге тьмы.

Лежа на боку, я смотрела на него. Синева была красивой, но темнота наполняла меня ужасом. Я закрыла глаза. Эта темнота была еще хуже – она была внутри меня. В моей голове. Поедала меня. *Тринадцать поворотов по пути. Тринадцать минут смерти.* Я начала задыхаться и села. Мне нужно было взять себя в руки.

Я в порядке. Я знаю, что это так.

Я зажгла ночник и сделала три глубоких вдоха. Я не слабая. *Я выжила.* Это была просто темнота. Не смерть. И все же я оставила лампу включенной и опять легла. Когда я снова закрыла глаза, мир за веками был красновато-оранжевым, что напомнило мне об осени. С этим я могу справиться.

Темнота все же наступила, ну а как же иначе? Она охватила меня, когда дыхание замедлилось, а разум опустел. Она тянула меня вниз. Я запуталась в ветвях. Течение тянуло меня ко дну. Подо мной была пустота. Непроглядно темная. Голодная. Мир растворился – не было льда, холода, прутиков, царапающих мою замерзшую кожу. Просто темнота.

И что-то ждало меня в ней.

– Он помнит меня, – сказала она, когда Бисквит начал прыгать на нее, а затем, играя, прижался к полу; его хвост молотил по ковру, выбивая пыль, а потом он снова стал подпрыгивать.

– Должен помнить, – согласился Джейми, хотя Бисквит вел себя так со всеми – как с незнакомцами, так и со знакомыми.

Этот сумасшедший клубок вонючей шерсти, который практически не поддается дрессировке, был ошалелым, чересчур дружелюбным и жадным. Но сейчас, наверное, только Бисквит не чувствовал себя неловко. Джейми точно было неудобно, как и матери Наташи, которая сидела на самом краю дивана, сложив руки на коленях и одним глазом настороженно наблюдая за собакой. Если Элисон Хоулэнд и любила животных, то выглядела она как человек, который, скорее, завел бы кота.

– Я заварил чай. – Эйден, застыв на секунду в дверях, вошел с подносом и поставил его на кофейный столик, пролив немного молока из доверху наполненного молочника. Еще на подносе было шоколадное печенье – остатки от их перекусов в студии наверху.

– Эй, Эйден, как ты? – сказала Наташа, сверкнув идеальной улыбкой темноволосому парню. – Я едва узнала тебя.

– Хорошо. – Он пожал плечами, его взгляд скользнул с нее на Джейми. – Пойду наверх. Мы должны закончить записывать трек, а я хочу, чтобы партия второй гитары звучала идеально.

– Спасибо. – Джейми явно хотелось к нему присоединиться.

– Я надеюсь, мы не очень отвлекли вас от работы. – Элисон уже разливала чай, и Джейми на секунду задался вопросом, как она может выглядеть такой неловкой и в то же время держаться так уверенно в чужом доме. Противоречивая. Как и ее дочь.

– Нет, все в порядке. Мой рабочий график достаточно гибкий. – В отличие от Эйдена, Джейми не мог оторвать взгляд от Наташи.

Нет, он не испытывал к ней сексуального влечения, хотя она и была очень красивой девушкой, к тому же в поре идеально цветущей юности, – дело было в том, что она выглядела такой живой. Такой здоровой. Сегодня был четверг, так что видел он ее в последний раз меньше недели назад, и тогда она была холодной, синей и не дышала. В газетах, конечно, размещали ее фотографии, но они были сделаны *раньше*. Тогда она была другой. Ну, начать с того, что она была темноволосой.

Она вопросительно посмотрела на него, и он залился румянцем.

– Извини, просто это так странно – и, конечно, здорово – видеть тебя такой, но когда мы сталкивались в последний раз, я думал, что ты мертва. Это как встретить привидение.

– Я очень даже живая. – Она улыбнулась, слегка покраснев. – Благодаря вам. – У нее были идеально ровные белые зубы. Он не заметил этого, когда доставал ее из воды. Ее рот был приоткрыт, но он мог видеть только ужасную синеву ее губ. Теперь же эти губы были покрыты бледно-розовым блеском. Вроде как и не накрашены. Взрослая, но недостаточно. – Хотя все могло обернуться по-другому, если бы вы вышли гулять позже. – Ее голос звучал непринужденно, когда она взяла чашку чая, которую ей подала мать, но светлые волосы закрывали ее лицо, и он вдруг испытал ничем не обоснованное чувство вины.

– Ты знаешь, я тоже об этом думал, – сказал он. Потом наклонился и почесал собаку за ухом. Мокрый язык прошелся по его пальцам. – Это Бисквит виноват. Он спрятал свой ошейник.

– Я читала об этом, – отозвалась Наташа. – Но он также нашел меня в реке, так что я его прощаю.

Гости не брали печенье, и пес начал пускать слюни. Джейми взял тарелку и протянул им, но обе Хоуленд отрицательно покачали головами.

– Дома нас ждет ужин, – с улыбкой пояснила Элисон.

Эта более старая версия дочери хорошо выглядела. Джейми полагал, что в ее дневном рационе было не слишком много пирожных или печенья.

– Тогда я уберу его, – сказал он. – Бисквит не может устоять перед соблазном и в два счета утащит что-нибудь с тарелки, я не зря его так назвал. Наверное, хорошо, что у меня нет детей. У меня не очень получается приучать к правилам.

– Я просто хотела извиниться, что не смогла пообщаться с вами в больнице, – вставила Наташа. Она гладила Бисквита, но Джейми заметил, что делала она это осторожно, чтобы не нацеплять шерсти на одежду. Он ее не винил. Пахнуть мокрой собакой не очень-то приятно в любом возрасте, но точно не круто для подростков. – Это, вероятно, было грубостью с моей стороны, – закончила она.

Джейми покачал головой:

– Нет, конечно нет. – Это не было до конца правдой. Когда его не пустили к ней, он почувствовал себя идиотом, особенно когда репортеры на улице потребовали рассказать, каково ее состояние.

– Я попросила их сказать вам, что отдыхаю, но это было не совсем так. – Ее большие глаза, устремленные на него, были полны извинений и

просьб о понимании. – Я просто еще не была готова... ну, встретиться с вами. Это, наверное, странно звучит. Мне казалось, что, если я вас увижу, мне придется признать, что все это действительно случилось. Я же старалась думать, что все в порядке, но когда происходили странные вещи – ну, например, возможность увидеть вас, – меня это сбивало с толку.

– Я понимаю, – сказал он. – И все в порядке, правда. Самое главное, что тебе уже лучше.

– Хотя она до сих пор не может вспомнить, что произошло, – сказала Элисон, наклоняясь над столиком. – Ничего. Я бы хотела, чтобы она вспомнила. Я имею в виду, слава богу, что на нее не напали, но мне все же хочется знать, почему она там оказалась.

– Мама! – Наташа, смутившись, закатила глаза. – Это не должно волновать мистера Мак-Махона.

– Я бы хотел вам помочь, – сказал Джейми, – но я видел только девочку в реке. Никого больше. И не было никаких признаков того, что там был кто-то еще.

Он снова и снова перематывал свои воспоминания, переживая, что упустил что-то в то утро. Он был уверен, что нет, но все его внимание – та малость, что осталась вследствие шока, – было приковано к Наташе, и как только он вошел в воду, его чувства будто атрофировались.

– Не обращайтесь на нее внимания. Пожалуйста, – сказала Наташа.

Девушка явно была смущена, но Джейми удивило то, что она говорит о маме, как будто той здесь не было, будто они поменялись ролями ребенка и матери. Он еще больше удивился, что это сошло ей с рук. Элисон ничего не сказала, только виновато пожала плечами. Может, она просто испытывала огромное облегчение от того, что ее дочь вернулась домой практически целой и невредимой, и не хотела ее одергивать, но в этом было что-то давно укоренившееся. Наташа так привычно произнесла это.

– Мы знаем, что если бы вы что-то вспомнили, то рассказали бы полиции, – добавила она. – И я уверена, что память ко мне вернется, когда я буду готова, и окажется, что в этом виновата я сама, что это просто глупость, несчастный случай.

Она попивала чай. Сверху, из студии на чердаке, донеслись звуки гитары. Эйден, вероятно, неплотно закрыл дверь.

Бисквит, всегда искавший, что бы могло его привлечь, выбежал из комнаты, услышав шум.

– Растаяло очарование, – сказала Наташа.

– Ему нравится находиться в студии. Вечером там всегда теплее всего.

– Вы работаете по ночам? – Глаза Наташи моментально

расширились. – Допоздна?

– Иногда. Когда втягиваюсь в работу.

Она казалась ошеломленной.

– Вау. А как же вы тогда гуляете с собакой так рано? Вы это делаете перед тем, как лечь спать?

– Время от времени да, но я никогда не был любителем поспать. Как правило, я сплю не больше четырех часов. И предпочитаю вымотать Бисквита пораньше, иначе он потом сводит меня с ума.

– У меня тоже проблемы со сном, – мягко сказала она. Совершенство ее юности немного омрачилось, но ненадолго. Она снова заговорила о собаке. – Он такой милый! – Она погрозила Джейми пальцем: – Но не позволяйте ему снова прятать свой ошейник! От этого может зависеть еще чья-то жизнь.

Джейми рассмеялся вместе с ней, радуясь, что она может шутить над этим. Это облегчило его необъяснимое чувство вины. Она была в порядке. Все закончилось хорошо. Наташа поднялась, и мать последовала ее примеру.

– Что ж, нам пора. Я еще хотела успокоить вас насчет фотографий, которые просили сделать газетчики. Я им отказала. Я знаю, что вы частное лицо, – газеты не переставая об этом жужжали – и, честно говоря, я просто хочу вернуться в школу и привести свою жизнь в порядок. Могу поспорить, что вы тоже.

Джейми не мог не испытать облегчения.

– Да. Я бы согласился, если бы ты попросила, но это совсем не мое. Если бы я жаждал внимания, то играл бы в группе, а не работал над саундтреками.

– Я так и поняла. – Она поднялась на цыпочки и коснулась губами его щеки. – Еще раз спасибо.

Он смотрел на них, пока за ними не захлопнулась дверь. Бисквит, уловив какое-то движение внизу, сбежал по лестнице и теперь метался у его ног. Оставив поднос на столике, Джейми понес свой чай в студию.

– Они ушли? – спросил Эйден.

Он кивнул.

– Она, похоже, хорошая девочка.

Эйден пожал плечами:

– Да, наверное.

Джейми хотел спросить, что он имел в виду, но решил промолчать, когда увидел, что Эйден опустил голову так, что его лица не было видно за волосами. Иногда Джейми забывал, что Эйден сам не так давно закончил

школу. Ту же, в которую ходила Наташа. Может, между ними что-то было. Впрочем, его это не касалось, и он не собирался совать свой нос куда не следует. Сев за стол, он впился взглядом в экран монитора.

– Правильно, – сказал он. – Давай сделаем из этого микс. И закрой дверь. Тебя слышно внизу.

Бисквит проскочил внутрь и плюхнулся на свою лежанку; дверь закрылась и, не слышимый внешним миром, Эйден начал играть.

Бекка не знала, как отнестись к комплекту шахмат. То, как сверкнули мамины глаза, когда она вручила ей подарок, мгновенно заставило Бекку его возненавидеть. Мама будто говорила: *Смотри! Смотри! Ты тоже можешь быть Барби, просто надо прихорошиться. Ты могла бы стать такой дочерью, какую я всегда хотела. Ты могла бы быть девочкой, которую выловили из реки, а не сидеть на скамейке запасных.*

Но он *на*правда был красивым, все фигуры были изящными, а в руке они ощущались объемными. Ей нравились их размер и вес. В школе они всегда играли небольшими фигурками, и почему-то Бекке это казалось неправильным. В шахматах был важен каждый ход. Данные фигуры отражали это.

– Красивые, правда? – спросил папа, когда она разложила доску на журнальном столике.

Ей пришлось согласиться. Они действительно были такими.

У нее засосало под ложечкой, когда она осознала, ужасаясь этому, что воодушевилась. Может, Наташа решила снова стать ее подругой? Может, они будут, как раньше, играть в шахматы долгими зимними вечерами, сев по-турецки на полу и жуя какой-нибудь фастфуд? Это была глупая мысль. Они слишком взрослые для такой фигни. Их жизнь была много чем загружена. Тем не менее внутри вспыхнула маленькая искорка, этакий звенящий светлячок, от которого она не могла избавиться.

Ты не Барби, прошептал голос из глубины души. *Помни об этом. Помни, как они к тебе относились.* Но все же, когда она подписывала открытку с благодарностью, которую ее мама должна была завезти Хоулендам на следующий день, Бекка уже с нетерпением ждала момента, когда Наташа вернется в школу.

Это чувство продлилось примерно до 9.05 четверга, когда, пока она убирала шарф и перчатки в свой школьный шкафчик, гудение улья не достигло ее ушей. *О боже, вы видели браслеты Хейли и Дженни? Разве они не красивые?* Прошло еще пару часов, до того как она сама их увидела во время перерыва. Она их не рассмотрела, просто заметила вспышку серебра, сопровождавшуюся побрякиванием подвесок и воркованием: *Ох, это так мило, друзья навеки. Так классно! Боже, вы, должно быть, так рады, что она в порядке. Вы трое так близки...*

После этого Бекка полностью абстрагировалась. На их браслетах с

подвесками было написано «Друзья навеки». Может, Наташа действительно считала этих двух таковыми. Она прикусила язык и отвернулась, чтобы не сказать им всем, что Наташа когда-то была ее *лучшей подругой навеки*, и посмотрите, что из *этого* вышло. Она не хотела, чтобы кто-то решил, что это ее волнует. Ей все равно. Разве могло быть иначе? Это было давно. Теперь шахматный комплект казался ей громоздким и глупым. И у нее, конечно же, отпало всякое желание прикасаться к нему.

Она несколько раз срывалась на Ханне во время ланча и объяснила свою нервозность воображаемой менструацией, когда увидела, что подруга расстроилась, но пытается это скрыть. Под конец дня, когда в тринадцать вместе с последним звонком пришло облегчение, она отправилась прямо к Эйдену и вволю накурилась травки. Потом они занялись смешливым, сонным сексом, и она пыталась не издавать звуков, пока его мама заваривала чай в соседней комнате. Секс не был отличным – она не была уверена, что уже знает, какой он, *отличный секс*, – но этот был теплым и близким, и ей нравилось слышать, как его дыхание у нее над ухом все ускоряется. Будто из-за нее он теряет над собой контроль. *Из-за нее*. Бекки. Не Барби. Из-за простой замарашки. Это заводило ее больше всего остального.

Когда они закончили, ему нужно было снова возвращаться к мистеру Мак-Махону, хотя он уже пробыл там почти весь день. Но сначала он завез ее домой, от морозного воздуха она немного пришла в себя, так что вполне могла встретиться со своими строгими родителями.

– Значит, Таша завтра уже будет в школе, – сказал он, когда машина остановилась.

Она кивнула.

– По крайней мере теперь все может вернуться в свое русло.

– Да уж, – отозвалась она, глядя сквозь ветровое стекло на снег, лед и чистое темное небо.

Стекло не полностью оттаяло за короткую поездку до ее дома, и потрескавшийся лед все еще покрывал его в тех местах, куда не доставал теплый воздух от нагревателя, обрамляя вид. Она думала о том, какие чувства испытываешь, когда погружаешься в черную ледяную воду. Наверное, это как вывалиться в открытый космос, где из тебя медленно высасывается кислород. Впервые за все это время она действительно задумалась о том, что произошло с Ташей в ту ночь. Полицию это, похоже, не сильно заботило – она больше не видела инспектора Беннет, так что все это еще оставалось загадкой. Наташа. Всегда в центре внимания.

– Да, я думаю, именно это имеет значение.

Она подумала, а не разбить ли ей этот комплект шахмат?

* * *

– Привет.

Бекка не ждала прослушиваний с нетерпением и редко на них ходила, но мистер Джонс натолкнулся на нее в коридоре во время обеда, улыбаясь и махая расписанием перед ее носом, вот и все. С другой стороны, почему она не должна идти? Ей действительно нравилось работать с декорациями и светом, следить за тем, чтобы все прошло гладко, а в этом году ей предстояло руководить всем этим. Мистер Джонс прав. Такие вещи могут как сделать, так и испортить шоу.

Первая пятница в двухнедельном школьном расписании была лучшим днем. Первой пары не было, значит, можно подольше поваляться утром, а после обеда опять было окно. Совсем не думая о пьесе до этого, она использовала свободное время, чтобы, найдя тихий уголок возле батареи, пробежаться по тексту, записывая идеи о том, как можно было бы воплотить на сцене это суровое и сильное произведение. Все должно быть просто. Можно было придерживаться черно-белой гаммы, которая бы подошла по тематике и соответствовала одежде пуритан.

Она должна была признать, что это великая пьеса. Произведения Шекспира ее не трогали – слишком много усилий приходилось прикладывать, пытаясь докопаться до глубинного смысла поэтических фраз, а вот история Миллера об истерии, лжи и правде взывала к ней. Столько эмоций! Ничего общего с романтической любовью, о которой мечтали все. Это был рассказ о темной, всепоглощающей страсти, и некоторые места она читала, затаив дыхание. Ложь честной обиженной женщины, пытающейся спасти мужа. Защита доброго имени и все, что с этим связано. Она видела себя в роли Элизабет. Не блестящей Эбигейл, или робкой Мэри Уоррен, или кого-либо из остальных девушек, танцующих под заклинание Титубы, – это были Барби. Будет сложно поставить ее как следует, но мистер Джонс выбрал идеальную пьесу для этой своры злобных сучек.

Какое-то время она была полна энтузиазма, но когда прозвенел последний звонок, нервы у нее снова стали как натянутые струны. Если бы Ханна, ее преданная помощница, не встретила Бекку, чтобы вместе пойти в театр, она бы, наверное, слиняла. Придумала бы предлог, чтобы пропустить прослушивание, если бы не было другого выхода. Благодаря сегодняшнему

расписанию она весь день не видела Наташу, к тому же они с Ханной провели обеденный перерыв у батареи в коридоре, куда выходили двери кабинетов естественных наук. Они там прятались, хотя никто из них не признался бы в этом. Улей был слишком оживленным и шумным, и сегодня рой кружился вокруг Наташи, Хейли и Дженни. Бекка не хотела всего этого видеть, она подождет, пока это жужжание утихнет.

Она пришла на прослушивание рано, зная, что остальные будут толочься у своих шкафчиков или пойдут перекурить перед тем, как отправиться в театр. Барби решат прогуляться и придут на десять минут позже остальных, чтобы их появление стало событием. Мистер Джонс уже был на месте, и она села на стул возле него, лицом к входу. Благодаря этому она должна была чувствовать себя более сильной, но это не сработало. Она ощущала себя незащищенной. Бекка, опустив голову, стала шуршать бумагами, но лишь для видимости, а когда подошла Ханна, чтобы поговорить о новой осветительной установке, она огрызнулась, заявила, что это может и подождать. Начали собираться люди, первыми пришли одиннадцатиклассники, потом кое-кто из десятиклассников – талантливые *придворные особы*, как называл их мистер Джонс. Все выглядели беззаботными, будто было неважно, кому какая роль достанется.

Бекка *ощутила* появление Барби раньше, чем даже услышала их голоса. Всплеск энергии прошелся по прохладному помещению. Для нее это не имело значения. Ей все равно. Ей давно уже было все равно.

Почему же тогда она так странно себя чувствовала?

– Привет, Бекс.

Она подняла голову и увидела Наташу, светившуюся жизнью. Невредимую. Здоровую.

– Привет, – сказала Бекка. Она была уверена, что ее шея покрылась пятнами из-за внезапно охватившего ее жара. – Рада, что ты в порядке. Спасибо за шахматы, – торопливо пробормотала она.

– А я рада, что они тебе понравились! – Таша улыбнулась. – Мама купила Хейли и Дженни браслеты, но я подумала, что ты предпочла бы шахматы. Не думаю, что браслеты с подвесками – это твое.

На мгновение кровь в жилах Бекки буквально вскипела, когда она решила, что это издевка, намек на то, что она приземленная мужланка или что-то в этом роде, но в Наташином голосе не было и тени ехидства, а боковым зрением Бекка увидела, что Барби смотрят на них. Она бросила взгляд в их сторону. Несколько девушек, выбирающих, где лучше сесть, уставились на нее с презрением, недоверием и даже оттенком ужаса. Это могло быть чем угодно, но точно не подставой. *Мама купила Хейли и*

Дженни браслеты. Наташа не выбирала их сама.

– Что ж, мне пора поискать место. Просто хотела поблагодарить за то, что приходила в больницу, и за все остальное.

– Все нормально.

Мистер Джонс хлопнул в ладоши, чтобы привлечь их внимание.

– О, сегодня будет вечеринка, хочешь пойти? – поспешно сказала Наташа, наклоняясь вперед. – После прослушивания мне нужно на этот идиотский сеанс психотерапии, но тусовка все равно начнется не раньше девяти или даже десяти. У Марка Притчарда. – Она развернула к себе блокнот Бекки и, нацарапав на листе адрес и телефон, вырвала его и вручила Бекке. – Тут адрес, где будет вечеринка, и еще мой номер, пока полиция не вернет мне телефон. Они не разрешают мне купить новую сим-карту. – Она поморщилась. – Хрен знает почему. В общем, будет здорово, если ты придешь.

Бекка взяла листок и кивнула, не зная, что сказать, но ее спас мистер Джонс, который начал зажигательную речь перед прослушиванием. Таша поспешила занять место в зале, и, наблюдая за ней, Бекка поймала взгляд Хейли. Спокойный, холодный, оценивающий взгляд. Бекка ответила таким же. *Давай, сучка!*

– Что все это значит? – прошептала Ханна, подвинув стул так, что оказалась чуть позади Бекки. – Ты в порядке?

– Да. Просто вечеринка. Сегодня.

– Она тебя пригласила? – недоверчиво уточнила Ханна, и Бекке захотелось повернуться и врезать ей кулаком в лицо. Что вообще эта Ханна знает? У нее никогда не было много друзей. Никогда не было такой подруги, какой Наташа была для Бекки в детстве. Может, едва не умерев, Таша вспомнила об этом.

– Да.

Длинная пауза. Пит Крамер и Дженни читали первыми. Они были хороши, но Бекка не могла сконцентрироваться. Хотя этот разговор был коротким, они сказали друг другу больше, чем за все последние три года. Почему она была так взволнована? Что это было? И разве она сразу побежит только потому, что Наташа предложила? Ни за что! С какой стати? Бекка посмотрела на Хейли и Дженни, самодовольных и совершенных. Как же они будут злиться, если Наташа опять начнет разговаривать с Беккой! Они не будут знать, что делать.

– Я, наверное, не пойду, – сказала она, чувствуя тяжесть на сердце от тревожного взгляда Ханны. – Мы с Эйденom договорилась встретиться сегодня вечером.

Она не смотрела на Ханну, когда шептала ей это. Это было ложью. Она, скорее всего, *пойдет*, но ей не хотелось брать Ханну с собой. Если она и пойдет, то одна. Может, там будет дерьмово, они поведут себя, как стервы, и если так, то ей совсем не нужно сострадание Ханны. Кроме того – и эта мысль расплзалась нефтяным пятном вины, – если она возьмет с собой Ханну, то над ними точно все станут смеяться, и в результате они будут весь вечер сидеть в углу, мечтая оказаться где-нибудь в другом месте. Бекка не считалась крутой, но она была особенной. Ханна же была просто пустым местом в социальной конструкции улья.

– Будь осторожна, – сказала Ханна. – Ты знаешь, какие они.

Бекка не могла понять, что звучало в голосе Ханны – неодобрение или обида. Наверное, и то и другое. Голос у нее был как у *жертвы*.

– Я же уже сказала, что, скорее всего, не пойду. – Бумажка, зажатая у нее в кулаке, становилась влажной, и она убрала ее в карман.

Наташа выступала с Джеймсом Энсором, который был в очереди на роль Джона Проктора. Таша хотела быть Эбигейл, это ясно. Она тоже была бы хороша в этой роли – не настолько, как Дженни, но хороша, – и она, судя по всему, репетировала те сцены, которые смотрелись бы выигрышно. Когда они закончили, собравшиеся разразились аплодисментами, а Таша покраснела и улыбнулась. До этого они не хлопали друг другу.

– Они аплодируют ей только за то, что она жива, – пробормотала Ханна. – Будто это что-то большее, чем случайность или судьба.

Бекка ничего на это не сказала. Ханна, конечно, права. Но в этом было нечто большее. Они хлопали, потому что хотели ее одобрения. Она стала особенной. Все они хотели с ней дружить, теперь даже больше, чем раньше.

* * *

– Ты же придешь завтра, правда? – спросила Ханна, когда они направлялись к воротам после окончания прослушивания.

Наташа больше не разговаривала с Беккой, но озарила ее улыбкой и, обернувшись, произнесла одними губами: «До встречи вечером», уходя вместе с Барби.

– Завтра? – Она нахмурилась. – А что завтра?

– День рождения моей мамы. – Ханна выглядела обиженной, ее близорукие глаза на одутловатом лице, которое так и не очистилось полностью от подростковых высыпаний, оставивших на подбородке

розовые шрамики, были печальны.

– Придешь на обед?

– Да, извини, – сказала Бекка. Конечно она все время помнила об этом. Это просто на секунду выскользнуло из ее памяти. – Да, я приду.

Ханна засияла, и Бекка внезапно ощутила, как ее переполняет нежность к ней. Ханна ее подруга. Она должна об этом помнить. То, что она не такая яркая, как Наташа, и то, что Бекка иногда расстраивается из-за отсутствия у нее внутреннего стержня, совсем не значит, что она плохой человек. Она хорошая. И умная. И умеет слушать.

Может, она и не пойдет на вечеринку. Может, будет просто смотреть фильмы дома.

Может быть.

*Выдержка из***КОНСУЛЬТАЦИИ ДОКТОРА АННАБЕЛЬ ХАРВИ ПАЦИЕНТКИ
НАТАШИ ХОУЛЕНД, ПЯТНИЦА, 15/01, 18.30**

НАТАША: А чего вы ожидали? Что все быстро станет на свои места только потому, что я снова нахожусь в школе и дома?

ДОКТОР ХАРВИ: У меня не было никаких ожиданий. Это то, чего ты ожидала?

НАТАША: Боже, да вы действительно психотерапевт! (Смешок, затем пауза.) Наверное, моя мама этого ждала. Думаю, она хочет знать, как я оказалась в реке, даже больше, чем я.

ДОКТОР ХАРВИ: А ты разве не хочешь этого знать?

НАТАША: Нет. Думаете, это странно? Нет, не отвечайте. Вы скажете: «Но не считаешь ли ты, что это странно?» Может быть, немного. Но я нормально себя чувствую. Меня не избили, не изнасиловали, ничего такого. Полицию это больше не беспокоит. И я полагаю, что можно сойти с ума, размышляя об этом, не так ли?

ДОКТОР ХАРВИ: Как прошел день в школе?

НАТАША: Хорошо. Знаете, все пялились на меня, но с этим я могу справиться. У нас было прослушивание – будем ставить пьесу. Все прошло отлично. Хейли и Дженни – я считаю их своими лучшими подругами – прилипли ко мне как банный лист, что, в общем-то, мило. Мне так кажется.

ДОКТОР ХАРВИ: Звучит неубедительно.

НАТАША: Нет, все хорошо. Они чудесные, пытаются избавить меня от любого, кто начинает задавать вопросы. Это довольно смешно выглядит. Будто у *них самих* нет вопросов.

ДОКТОР ХАРВИ: Каких именно вопросов?

НАТАША: В основном о том, на что это было похоже. (Пауза.) О том, как это – быть мертвой.

ДОКТОР ХАРВИ: Что ты им говоришь?

НАТАША: А что я могу им сказать? Я ничего не помню. Я

думаю, они ждут, что я расскажу что-нибудь про яркий свет и тоннели. (Пауза.) Я пригласила Бекку на вечеринку.

ДОКТОР ХАРВИ: Вечеринку?

НАТАША: Сегодня. Ее устраивают в честь того, что я все еще жива. Я пригласила Бекку. Даже не знаю почему.

ДОКТОР ХАРВИ: Ты уже собираешься на вечеринку? Не рано ли?

НАТАША: Ха, в вас больше родительского, чем в моих предках.

ДОКТОР ХАРВИ: Они не против, что ты пойдешь?

НАТАША: О, уверена, что против. Хотя они этого не скажут.

ДОКТОР ХАРВИ: Бекка, похоже, важна для тебя.

НАТАША: Она была моей лучшей подругой. Очень давно. Я просто заметила, что стала больше о ней думать после того, как все это случилось. Раньше были я и она. Потом я, она и Хейли. Затем я, Хейли и Дженни.

ДОКТОР ХАРВИ: Вы поссорились?

НАТАША: Нет. Не совсем. Просто... в школе все меняется и все такое, правда же? Другие вещи становятся более важными. То, с кем ты общаешься. Что-то в этом роде.

ДОКТОР ХАРВИ: Но ты пригласила ее на вечеринку.

НАТАША: Да. Но она, наверное, не придет.

ДОКТОР ХАРВИ: Значит, Бекка была твоей первой лучшей подругой? Сколько вам было лет, когда вы познакомились?

НАТАША: Может, нам было по семь. Я не уверена. Мне кажется, я всегда ее знала.

ДОКТОР ХАРВИ: Возможно, ты с ней чувствуешь себя защищенной?

НАТАША: Что?

ДОКТОР ХАРВИ: В каждом из нас живет ребенок. Тебе шестнадцать. Ты почти взрослая. Но этот случай... Полученная тобой психическая травма могла повлиять так, что тебе захотелось почувствовать себя в безопасности, как в детстве. Возможно, твои родители не могут вполне удовлетворить это желание. И может, ты ждешь этого от Бекки?

НАТАША: (Смеется.) Мне кажется, вы слишком много об этом думаете. (Пауза.) Кстати, у меня бессонница.

ДОКТОР ХАРВИ: Почему?

НАТАША: Я не знаю.

ДОКТОР ХАРВИ: Что мешает тебе уснуть?

НАТАША: Ничего. В моей комнате все так же, как и было.

ДОКТОР ХАРВИ: Может, ты не такая же.

НАТАША: (*Молчит.*) Это темнота. Я боюсь темноты.

ДОКТОР ХАРВИ: Что тебя в ней пугает?

НАТАША: (*Длинная пауза. Ерзанье. Кашель.*) Я думаю, в ней что-то есть. Что-то плохое.

Бекка особо не наряжалась, во всяком случае, оделась не так, как обычно одеваются на вечеринки, – просто черная футболка на одно плечо и джинсы, но она сделала боевую раскраску, обвела контуры глаз темным карандашом, нарисовала длинные стрелки. Она думала, что благодаря этому будет выглядеть жесткой. Она *была* жесткой. Хотя до того момента, как она остановилась перед домом, который буквально пульсировал от музыки, не была уверена, что таки пойдет на вечеринку.

Она сказала маме, что встречается с девочками из школы и может остаться у них ночевать, успокоив ее, взволнованно кудахчущую, фразой: «Конечно я сообщу, когда мы будем дома», а потом написала Эйдену, чтобы узнать, сможет ли он забрать ее около часа ночи, может, раньше, и добавила, что ее отпустили на всю ночь. Вспомнив об этом, она улыбнулась, несмотря на то, что сильно нервничала.

Марк Притчард не был так богат, как Наташа, но у его семьи был большой дом с двумя гостиными внизу, просторной кухней и небольшим кабинетом в тыльной части, окна которого выходили в сад. Сначала, когда Бекка зашла с холода и ее живот вдруг скрутило от волнения, она никак не могла сориентироваться. Люди в яркой разноцветной одежде, которые топтались повсюду, выглядели, как вспышки. Некоторых она знала только в лицо. Несколько парней, выпускников прошлого года. Музыка, звучащая в холле, была слышна во всем доме. Тут она никогда не найдет Ташу. Бекка решила, что прийти сюда было самой большой глупостью, которую она когда-либо совершала. Они все будут над ней смеяться?

Все. Плюнь на это. *Кто такие все? Ты ведь только Барби имеешь в виду. Ты не Ханна. Никто больше не посмеивается над тобой. Тебя не замечают, но ты не та, над кем шутят.* Но, может, она только выходкам Барби и придавала значение. А если они сделают что-то, чтобы унижить ее здесь, перед всеми сверстниками, тогда она *точно станет* посмешищем. Еще одной Ханной. Может, ей прямо сейчас стоит написать Эйдену. Может, ей просто...

– Бекс!

Она подняла голову. Со стороны кухни ей помахала рука, а затем Наташа начала пробираться мимо пьющих и разговаривающих в коридоре людей. И вот она схватила Бекку за руку.

– Разве тут не отлично? Мама Марка даже оставила нам запас еды и

выпивки. Пойдем!

Пути назад не было.

Она сняла пальто в кухне, приветственно кивая всем, кто попадал в ее поле зрения, и осторожно отыскивая взглядом Хейли и Дженни, а Наташа тем временем наливала им обоим крепкий коктейль, состоящий из водки и клюквенного сока.

– Ну, давай! – Они чокнулись пластиковыми стаканчиками. – За то, чтобы быть живыми.

Пока Бекка пила – слишком быстро, нуждаясь в заряде для уверенности, – она думала, что Таша никогда не выглядела лучше, чем сейчас, после того как чуть не умерла. Ее кожа сияла даже под бронзатором, мерцающим, как звездная пыль, на обнаженных руках и шее. Она выглядела изящной, просто идеальной в своих зауженных джинсах и блестящем полосатом топе. Рядом с ней Бекка почувствовала себя регбистом во всем облачении. Она опустила взгляд на свои удобные ботинки «Dос Martens», а потом на Наташины кремовые десятисантиметровые шпильки. Они и правда были лучшими подругами? Как так вышло, что они теперь настолько отличаются друг от друга?

– Так рада, что ты пришла! – От Наташи пахло духами и жевательной резинкой. От Бекки же, без сомнений, разило сигаретами. – Можешь спасти меня от Марка? Он начинает меня бесить. Сколько раз мне нужно сказать «нет»? Тебе не кажется, что как-то странно хотеть встречаться с девушкой в основном из-за того, что она чуть не утонула? Он мог бы встречаться с Хейли. Ей он как раз нравится.

– Где Хейли? – Она пыталась говорить непринужденно, но взглядом настороженно сканировала тусовщиков.

– А, она и Дженни пошли поразвлечься. Они скоро вернутся. Пойдем потанцуем.

Бекке впервые совсем не хотелось танцевать, поэтому, прежде чем последовать за Ташей туда, где играла музыка, она схватила бутылку водки и налила себе так много, что от клюквы остался еле заметный розовый след. До сих пор «танцевали» только пять или шесть девочек, покачиваясь в такт музыке, смеясь и разговаривая. Они кинулись обнимать Наташу и подвинулись, освободив для нее место. Затем одна из них, Викки Спрингер, которая тоже была на прослушивании, посторонилась, впуская в круг Бекки.

– Бекка! Если ты знаешь, как мистер Джонс распределил роли, давай, поделись! А еще лучше, если бы ты вычислила, кого из нас он бы трахнул, я бы заплатила за информацию! – Ее глаза были стеклянными – видно, она

немало выпила. Наверное, рано приехала на вечеринку. – Он вполне может на это рассчитывать. Ты скажи ему. Учитывая, насколько он популярен, думаю, ему не терпится добраться до кого-нибудь из нас.

– Может, он разрешит избраннице поделиться с нами, – подхватила Джоди.

Все взвизгнули и расхохотались. Спиртное ударило Бекке в голову, и она тоже смеялась, соглашаясь с тем, что мистер Джонс – горячий парень, и все они хотели бы с ним перепихнуться, хотя она совсем об этом не думала и не могла представить, что можно изменить Эйдену с кем угодно. Они порхали вокруг нее, желая услышать больше подробностей о нем, будто у Бекки был «специальный допуск», раз она занималась оформлением сцены. Может, так оно и было, но, возможно, еще и потому, что она была единственной, кто *не пытался* залезть ему в штаны.

«А здесь довольно весело», – подумала она, в то время как ее взгляд метался по комнате. Все парни делали вид, что им пофиг, но тайком наблюдали за танцующими красотками, а девушки думали о том, как бы переспать с кем-нибудь намного старше их. У нее слегка кружилась голова, и она смеялась без причины, покачиваясь вместе с остальными. Она часто курила травку, но пила не так регулярно, и водка сразу ударила ей в голову. Теперь она была в улье и участвовала в гудении. Осознав это, она громко рассмеялась.

Внезапно появился Марк и схватил Наташу за руку. Она пыталась высвободиться, но он наклонился и прошептал что-то ей на ухо. Она кивнула, а затем взяла Бекку за руку:

– Пойдем. Они вернулись.

Было непривычно ощущать теплые тонкие пальцы Наташи на своей руке. Она почувствовала себя снова десятилетней, отправившейся на поиски приключений со своей *лучшей подругой навеки*. Это казалось странным сном, где прошлое растворилось в настоящем и все стало каким-то нереальным. Она одновременно чувствовала себя как дома и при этом не в своей тарелке. Последнее чувство взяло верх, когда она втиснулась вслед за Барби и парой парней в кабинет и за ней закрылась дверь.

– Ну, ты в деле? – спросила у нее Хейли, пока Дженни собирала деньги у семи, а может, восьми подростков, которые были здесь. – Если да, то понадобится наличка. Дженни собирает на университет. Так что без халавы. – Она пристально смотрела на Бекку.

– Будто Дженни поступит хоть в какой-то, – хихикнул Марк. – Маленькая Мисс Пересдача математики.

– Я заплатила за грамм, – сказала Наташа, – так что Бекка может взять

у меня, если хочет. Не будь такой стервой. – Это было сказано беззаботно, но Бекка видела, как Хейли дернулась. – Марк, это и тебя касается. Дженни умнее, чем ты думаешь.

Хейли не сводила холодного взгляда с Бекки на протяжении всего разговора, а на этой фразе ее взгляд метнулся к Дженни, потом к Наташе и снова остановился на Бекке.

– Ты будешь или нет? – спросила она.

– Что это? Мет ^[5] или кокс? – спросила Бекка.

– Мет, – ответила Дженни, засовывая свернутые купюры в кошелек. – Качественная хрень. Унесет все твои заботы. – Она достала упаковку сигаретной бумаги и отдала ее парням, которые уже начали разворачивать свои порции. – Лучше не нюхай, а выпей. Так сильнее накрывает. Да и держит дольше. И ты не будешь следующие полчаса думать, что у тебя горит нос.

– Остаться друзьями с дилером, с которым встречалась твоя мама, лучшее, что ты когда-либо делала, – сухо сказала Хейли.

Когда парни начали аккуратно насыпать мерцающий белый порошок на сигаретную бумагу, Бекка посмотрела на их сверточек, лежащий на кофейном столике, чувствуя на себе тяжелые взгляды Барби.

– Конечно. Почему бы и нет? – сказала она.

– Так начнем же вечеринку! – воскликнула Наташа.

– Уверена, что тебе тоже стоит? – спросила у нее Бекка, сразу же возненавидев себя за то, что проявила благоразумие. – Ну, знаешь, после того, что случилось.

– Я физически хорошо себя чувствую, – сказала Наташа.

– Да, точно. – Марк подмигнул ей и, сунув в рот завернутый в бумагу наркотик, запил пивом.

Наташа посмотрела на Бекку и закатила глаза. Хейли слегка выставила вперед свой идеальный подбородок. Дженни переводила взгляд с одной подружки на другую, насыпая наркотик на бумажки. Бекка задала себе вопрос, было ли это расколом в лагере Барби? Из-за идиота вроде Марка Притчарда?

– Поехали, – сказала Дженни, протягивая руку с четырьмя свернутыми бумажками на ладони. – Они все одинаковые, так что берите любую.

Они выжидающе смотрели на Бекку, и она глубоко вздохнула. Значит, она первая. Это что, какая-то проверка? Пожалуй. В улье все было проверкой. Она взяла одну порцию. Не закончится ли все это плохо? Ну, не хуже, чем выглядеть идиоткой перед крутой школьной компанией. Она положила пакетик в рот, думая, не засунуть ли это за щеку или еще каким-

то образом не проглотить. Вариантов не было. *Хрен с ним*, решила она. *Поехали*. Она подняла стакан и сделала большой глоток, запивая самодельную таблетку.

Бекка вызывающе посмотрела на Хейли.

– Так начнем же вечеринку! – сказала она.

* * *

К полуночи ее накрыло. Все происходило постепенно. Когда бумага в желудке растворилась и наркотик начал всасываться в кровь, она сначала ощутила покалывание, а затем внезапный всплеск тепла и яркости. Сердце забилось быстрее. У Бекки мелькнула мысль: *я не уверена, что мне это нравится*, – но тут же эту мысль унесла волна блаженства. Музыка проходила как бы сквозь нее, и ее тело пульсировало в такт. Наташа танцевала, но Бекка получала удовольствие, просто наблюдая за всеми. Это не ее сцена. Ей нравилось быть невидимкой.

Она пошла в кухню и налила себе водки. Хейли и Дженни в углу комнаты были увлечены разговором, наклонив свои светлые головки друг к другу. Они посмотрели на Бекку, и даже сквозь дымку наркотического опьянения она уловила их антипатию. Была ли это неприязнь? Настороженность? Что-то было. Когда они подошли, она, не в силах сдержаться, по-идиотски им улыбнулась. Если бы они только могли быть друзьями! Если бы они только...

– Что тебе надо, Бекка? – тихо спросила Хейли.

– Что она тебе сказала? – подхватила Дженни.

Она покусывала нижнюю губу, ожидая ответа Бекки. Та еще раз улыбнулась. По крайней мере, она думала, что это была улыбка. Ее челюсти сжались, и она понимала, что вместо улыбки могла просто гримасничать как ненормальная.

– Вы такие красивые! – сказала она. – В смысле это правда. Даже без всего этого искусственного дерьма типа макияжа и тому подобного. Вы правда красивые.

– Ты издеваешься? – произнесла Хейли.

Бекка нахмурилась. Взгляд Хейли был жестким. Такой же был и у Дженни. Как вышло, что они не были такими же убитыми в хлам, как она?

– Что происходит? – спросила Бекка. – Что с вами двумя?

Они переглянулись, их взгляды выражали идеальное взаимопонимание.

– Пусть тебя это не беспокоит, – сказала Дженни и потянула Хейли прочь, оставив Бекку в одиночестве.

Барби. Ей никогда их не понять. Она вдруг осознала, что соскучилась по Эйдену. Вернее, не столько соскучилась, сколько ей отчаянно захотелось его увидеть. Обвиться вокруг него и навечно закрыться в их мире для двоих. Она его любила. Очень сильно любила.

Они были половинками одного целого. Так она чувствовала. Хейли и Дженни могут смотреть на нее свысока сколько хотят. Но у нее-то был Эйден. И никто другой не имел значения. Даже Наташа.

Она достала телефон и чуть влажными пальцами набрала сообщение – спрашивала, скоро ли он освободится. Потом Бекка взяла пальто и вышла в холодную ночь покурить, не защелкивая входную дверь, чтобы попасть обратно.

От наркотика ей стало жарко, а колючий холодный воздух бодрил. Она села на ступеньку и затаилась, глядя на звезды над головой. Ночь была ясной, значит, к утру слякоть и снег превратятся в ненадежный лед. Она слышала, как в доме гремит музыка и шумят люди, но ей казалось, что это происходит где-то вдали от ночной тишины. Все остальные курильщики были на заднем дворе, откуда было легко добраться до выпивки в кухне. И Бекка, осознав это, мысленно подытожила весь свой школьный опыт: всегда в стороне от всего.

Она улыбнулась. Ее это не беспокоило. Как бы то ни было, сейчас она всех их любила. Все эти попытки прослыть крутыми, вписаться в компанию и быть совершенными... На самом деле они все одинаковые. Ее ровесники, одноклассники. И она любила их.

Телефон зажужжал. Эйден. Он заберет ее через десять минут. Она широко улыбнулась. При мысли о скорой встрече с ним испытала еще один прилив наркотического удовольствия. Хорошая хрень, чем бы она ни была. Так же мягко действует, как и травка, но остается ясность восприятия, чистота эмоций. Так тепло! Ей это нравилось. Может, Эйдену удастся достать немного, и они попробуют это вместе. А потом *займутся этим*. Она хихикнула от собственной шутки.

– Что смешного?

Бекка повернулась и увидела Наташу, закрывающую за собой дверь.

– Ничего, просто глупые мысли.

– Хорошее дерьмо, да? – сказала Таша, присаживаясь возле Бекки на ступеньку. Ее зрачки были расширенными, напоминая черные дыры, поглотившие вселенную ее глаз.

– Да уж. – Бекка протянула Таше сигареты, но та отрицательно

покачала головой. Хотя Бекка только что докурила, тут же прикурила вторую сигарету. Было приятно затягиваться. Это усиливало приливы. – Ты часто пробуешь?

– Нет. Просто сегодня захотелось оторваться.

– Ну, это твое дело.

– А ты почему здесь сидишь?

– Жду Эйдена, – ответила Бекка. Она не поэтому пошла туда, где было потише, но это подходило в качестве объяснения.

– Уже уходишь?

– Да, у меня завтра много дел. И все же спасибо, что пригласила, было весело. – Она помолчала. – Даже несмотря на то, что Хейли и Дженни явно против моего присутствия.

Лицо Наташи омрачилось, и она глубоко вздохнула, выпустив пар в ночь.

– Они бывают странными, но в последние несколько дней были такими милыми, не отходили от меня, как сторожевые собаки, в общем, снова стали нормальными.

– Что ты имеешь в виду? – Бекка неотрывно смотрела на нее. – Не все было в порядке?

Наташа пожала плечами:

– Я не совсем уверена. Просто это как-то странно. – Она сжала руку Бекки. – Но все, что произошло, заставило меня по-другому посмотреть на вещи. Наверное, поэтому я захотела вернуть нашу с тобой дружбу. Я просто... Это тяжело объяснить. Я думала о тебе, когда очнулась, и знала, что нужно загладить перед тобой свою вину. Я была такой сукой.

– Не переживай, – сказала Бекка то, что на самом деле хотела сказать. Может, из-за мета, может, из-за того, что Наташа чуть не умерла, или потому, что с тех пор утекло много воды. – Мы выросли очень разными. Нам, наверное, было суждено разойтись. А с Хейли и Дженни, ну, наверное, вам судьба была сблизиться.

Наташа опять пожала плечами и опустила взгляд на свои туфли.

– Полагаю, что так. Но мы все меняемся. Иногда я думаю... не знаю. Они...

Из-за поворота показалась машина и медленно поехала в их сторону, водитель пытался разглядеть в темноте номера домов.

– Это Эйден. – Бекка поднялась, но потом нахмурилась и повернулась к Таше. – Что – они?

– А, ничего. Я говорю глупости. Просто пьяна. И под кайфом. Лучше пойду в дом. – Она протянула руку, и Бекка помогла ей встать. – Мои

поклонники будут волноваться, не зная, куда я пропала. Ну, по крайней мере Марк будет. – Она изобразила рвотные позывы, и они обе заулыбались. – Я оставила его с Хейли. Может, она начнет действовать и спасет меня.

– Он не так уж плох, – сказала Бекка. – Ты слишком строга к нему.

Эйден подъехал к тротуару и помигал фарами. Бекка помахала рукой в ответ, а затем повернулась к Таше и обняла ее.

– Еще раз спасибо.

– Желаю хорошего продолжения вечера, – сказала Таша, подмигнув Бекке. Она посмотрела в сторону машины. – Я видела Эйдена вчера. Он так изменился! Типа такой взрослый. Что между вами? Это действительно любовь?

Бекка кивнула.

– Да. Действительно.

Таша улыбнулась.

– Круто! Ну иди, вынеси ему мозг.

Они обе рассмеялись, Таша выглянула из-за Бекки и помахала Эйдену рукой.

– До скорого, – сказала Бекка и метнулась вниз по дорожке.

– До скорого! – крикнула Таша ей вслед.

* * *

В машине Эйдена было тепло, как в кружке с горячим шоколадом. Бекка, скользнув на пассажирское сиденье, первым делом захотела его поцеловать. Она обхватила его лицо холодными руками и прижалась губами к его рту. От ощущения теплого, влажного поцелуя, приливы кайфа накрывали ее снова и снова. Наркотик был удивительным. Может, он и другая дурь *вредны*, но они реально крутые.

– Потише, нимфоманка, – со смехом сказал он, отодвигая ее от себя. – Давай для начала уедем отсюда.

Бекка, улыбаясь, откинулась на спинку сиденья, затем взяла наполовину выкуренный косяк из пепельницы и подкурила его.

– Хорошая вечеринка?

– Было довольно круто. – Травка и мет оказались классной комбинацией. Уличные огни кружились и мелькали в темноте, пока автомобиль несся по улицам.

Эйден взглянул на нее.

– Вы с Наташей вроде как стали ближе.

Бекка пожала плечами. Что это с ним? Она нахмурилась, на секунду отвлечшись от приятных ощущений в теле и вспышек огней снаружи.

– Ты не говорил, что виделся с Наташей.

– Они с мамой приходили к Джейми. Я их практически не видел – принес им напитки, а потом свалил обратно в студию.

Бекка уставилась в ночь. Даже находясь под действием мягкого наркотика, она почувствовала укол ревности. *Сначала ему понравилась Наташа.* Бекка же появилась позже. Была на втором месте.

Эйден потянулся к ней и игриво ткнул ее в бок, от чего она закашлялась, выпустив целое облако душистого дыма.

– Не дури из-за этого. Пустая и недалекая Наташа мне абсолютно неинтересна.

– Она не так плоха, – сказала Бекка.

– Дай ей время прийти в себя. – Он забрал у нее остаток косяка и, докурив его, выбросил окурочок в темноту. – Тогда ты изменишь свое мнение.

– Я думаю, это все Хейли и Дженни, – ответила она. – Мне кажется, это они ее изменили.

– Или она изменила их.

Бекка промолчала. Она на самом деле не хотела слишком активно защищать Ташу – вдруг Эйден снова влюбится в нее. Бекке внезапно стало смешно. Она зря переживает. Он никогда не любил Ташу – он ее практически не знал, просто когда-то давно пригласил ее прогуляться. *Смотри на вещи проще, Крисп,* сказала она себе. *И успокойся, наконец.* Но Наташа, без сомнения, была горячей штучкой. И, возможно, Эйден иногда думал об этом жаре, когда двигался между ног Бекки.

– Может, и так, – сказала она, сев боком, чтобы смотреть на него, и подтянув колени к подбородку, насколько позволял ремень безопасности. Она не хотела думать о Наташе. Они снова общались, как подруги, и ей не стоило позволять своей паранойе изгадить все это. – Какая разница, в конце концов.

– Вот именно.

– Ты такой красивый! – сказала она. Слова исходили из самого сердца. – Ты правда-правда такой. Ну, в смысле очень привлекательный. Как нарисованный. – Она захихикала, и Эйден присоединился к ней.

– Я так тебя люблю, – продолжила она. – Правда. Ты удивительный. – Он пару секунд смотрел на нее изучающим взглядом, а затем она увидела, что он наконец-то все понял.

– У тебя глаза убитые, – сказал он. – Ты под чем?

– Неважно. Ну, немного мета.

– Кто тебе его дал?

– У Дженни был. Я не покупала, Таша поделилась со мной своей порцией. Было бы невежливо отказаться. – Она вдруг почувствовала, что защищается, будто говорит с родителями.

– Что-то осталось? – наконец спросил он.

Она покачала головой.

– Он был не мой. – Эйден был таким красивым, и он принадлежал ей. Она хотела к нему прижаться. – Твоя мама никуда не собиралась уходить? – спросила она.

– Не знаю. Она не сообщает мне о своих планах. А что?

Она по-кошачьи потянулась, ее ноги слегка раздвинулись, а футболка задралась, обнажив живот.

– Я хочу пошуметь, – промурлыкала она.

Бекка ощущала себя сексуальной. Живой. Она видела, как задвигался его кадык, когда он с трудом сглотнул. От этого она почувствовала себя сильной. Он хотел ее. Не Ташу. Только ее. Ее рука потянулась к его бедру и, наблюдая за его реакцией, она дразнила его прикосновениями, а потом ее рука скользнула к промежности. Он прижал ее руку к твердой выпуклости.

Они не доехали до его дома. Заехав на парковку возле леса, Эйден выключил фары. Она за считанные секунды сняла джинсы и оседлала его; стараясь, чтобы он поглубже проникал в нее, она прыгала на нем так, будто ей все было мало. И так оно и было. Впервые секс для нее не был чем-то таинственным. И когда он с остекленевшими глазами, тяжело дыша, задрал вверх ее футболку и лифчик, она одной рукой начала ласкать себя, продолжая трахаться.

– Господи, Бекка! – произнес он, и острое желание, прозвучавшее в его голосе, усилило ее похоть.

Она отдалась ощущениям, прыгая на нем и мастурбируя. Чувствуя, как он пытается контролировать желание кончить, она застонала, сильно и повзрослому. Наконец она упала на него, уткнувшись лицом в плечо, и наступила его очередь вскрикнуть. И желание, и злость, и похоть, и любовь вбивались в нее с его несколькими последними толчками.

Когда они, насытившись, немного пришли в себя, то заулыбались друг другу и захихикали. Пока Бекка надевала джинсы, ее ноги успели замерзнуть – двигатель не работал и обогреватель был выключен. Эйден скрутил еще один косяк, и они раскурили его в уютной тишине, глядя в ночь и наслаждаясь послевкусием. Бекку уже не накрывало, но она все еще была под легким кайфом, поэтому не чувствовала неловкости после секса,

как это часто с ней бывало. Обычно она думала о том, что хорошо бы не заморачиваться и делать то, что ей нравится. Сегодня же было, как в первый раз. Только теперь она чувствовала себя не девушкой, а настоящей женщиной.

Когда они передавали друг другу косяк, Эйден смотрел на нее чуть ли не с благоговением, и она была поражена мыслью, что нет ничего плохого в том, чтобы наслаждаться своим и его телом, и что, возможно, ему на самом деле может понравиться, если она просто будет делать все, что ей хочется. Тут нечего было стыдиться. Он не разлюбит ее из-за этого. Судя по тому, как он сейчас на нее смотрел, от этого он может только сильнее ее полюбить.

Секс получился странным. А может, он не был настолько странным, каким казался из-за наркотиков. Все время, пока ты взрослеешь, тебе говорят, что ты не должна этого пробовать. Затем ты пробуешь и чувствуешь себя прекрасно. Почему никто никогда не говорит об этом? Ну, секс, по крайней мере, – это не что-то запрещенное, но почему-то испытываешь чувство вины, делая то, чем можно было заниматься с шестнадцати лет. Хотя этот возрастной лимит мало кого останавливал в школе. Взять ту же Дженни. Все знали, что она спит со всеми. Даже мама Бекки знала. Когда они столкнулись с Дженни, которая со своей мамой покупала одежду, они вежливо поприветствовали друг друга и сразу разошлись, и тогда мама Бекки, посмотрев им вслед, фыркнула: *яблоко от яблони*. Это было все равно, как если бы она прошипела: *шлюхи*. Это читалось в ее взгляде. А может, маме было просто завидно. Может, папа в спальне был не на высоте. Это были та мысль и тот образ, которые она хотела поскорее отогнать, – всех наркотиков мира не хватило бы, чтобы ей захотелось представить, как занимаются сексом ее родители, поэтому она включила радио и позволила музыке себя отвлечь.

Когда они докурили косяк, Эйден завел двигатель, и они поехали к нему домой. Бекка положила голову ему на плечо, хотя ей пришлось неудобно выгнуться. Ей было все равно. Она любила его. Ей нравилось к нему прикасаться.

Уже перевалило за два часа ночи, когда они, голые, заползли в его холодную постель, прижимаясь друг к другу под одеялом, пока не согрелись ноги, а когда утихла дрожь, они занялись этим еще раз. На этот раз спокойнее. Нежнее. *Заниматься любовью – вот как это называется*, подумала Бекка, и эта мысль заставила ее съежиться. Но именно этим они и занимались.

Взято из

МАТЕРИАЛОВ, СОБРАННЫХ ИНСПЕКТОРОМ КЕЙТЛИН БЕННЕТ:

ВЫДЕРЖКА ИЗ ДНЕВНИКА НАТАШИ ХОУЛЕНД

Я позволила Марку Притчарду поцеловать меня. Хейли видела это, и я смотрела прямо на нее, как победительница. Я и *была* победительницей. Она же выглядела как Снежная королева, будто это она замерзла чуть не до смерти, а потом ожила. Возможно, Хейли красивее меня, но у нее нет того, что есть у меня. У нее нет моей *загадочности*. По крайней мере сейчас. И за ней не бегают Марк Притчард.

Мы встретились с ней взглядами, когда он прижал меня к стенке. Он пытался вести себя как мужчина, но чересчур торопился и больно придавил меня спиной к бетонному выступу. Несмотря на это, я больше внимания обращала на Хейли, чем на него. Мы смотрели друг на друга, пока он облизывал мои губы, проталкивал толстый язык мне в рот. Она попыталась улыбнуться, но ее шея покрылась пятнами, будто она злилась из-за того, что потерпела поражение.

Я притворилась, что сделала это потому, что была очень пьяна, и якобы по той же причине мне захотелось поехать домой, а не к ней вместе с Дженни, но это была неправда. Я не знаю, в чем правда. Я не хотела зажиматься с Марком. Мне просто было приятно видеть Хейли побежденной. Сдержанную, невозмутимую Хейли. Звезду атлетики. Кростоку с идеальным прессом. Девушку, которая после меня была вторым номером, а сейчас становится самостоятельной. Иногда я думаю, что они мне чужие. Мы все чужие, хотя постоянно соприкасаемся.

Я наблюдаю то же самое у мамы и ее подруг из «группы дамских обедов». Они шутят, смеются и говорят, как сильно любят друг друга, но также верно и то, что они все равно выискивают у каждой слабые места. Щели в броне. Мне кажется, мужчины не такие. Они как собаки. А женщины как кошки. Индивидуалистки по своей природе. Мы не стадные животные. А теперь мы, неразлучная тройца, обожаемые правители

школьного насеста, стали почти женщинами, и, возможно, это начинает проявляться.

Хейли не кричала на меня, не огрызалась, ничего такого. Она делала вид, что все хорошо. Она сказала, что он ей вовсе не нравится и я могу забрать его себе. Это меня рассмешило. Мне не нужен Марк Притчард. Он придурок. Думаю, большинство парней в школе – придурки. Может, для Хейли было еще хуже услышать, что я его не хочу. Это было жестоко. Честно, но жестоко. Я просто хотела показать ей, что *могу* его получить, что он предпочел меня.

Дженни не так хорошо умеет скрывать свои чувства. В конце концов, она наша овечка. Милая, смешная, сексуальная овечка. Иногда мне кажется, что у нее вообще нет своего мнения или это просто смесь мнений моего и Хейли. Дженни пребывала в замешательстве. Собиралась что-то сказать, но промолчала. Когда я заявила, что поеду домой, а не к Хейли, никто особо не протестовал. Похоже, они даже испытали облегчение. Думаю, так и было. Они опять шепчутся между собой, как иногда делали до того случая со мной. Они думают, что я не замечаю, но я все вижу. Может, поэтому я и зажималась с Марком. Может, мне нужно было напомнить им, кто главный.

Мне все еще жаль, что я не пошла к Хейли, несмотря на то, что так было лучше. Не стоило идти, пока я еще была под кайфом.

Если бы я пошла к Хейли, я бы могла не уснуть. Я думала, что, если буду под чем-то, это избавит меня от страха темноты. Думала, это защитит меня от кошмаров. Но это не помогло. В конце концов я все же уснула, а проснулась вся в поту и подумала, что вновь оказалась в реке, попав в ее ловушку навсегда.

Я не могла вспомнить весь сон. Только фрагменты. Я была в ужасной бесконечной темноте. Она поглощала меня. Я была одна. Было невероятно холодно. Я не могла дышать. Я не должна была там оказаться, это было неправильно. Я пыталась плыть брасом к поверхности воды, но почему-то не двигалась. Во всяком случае, не думаю, что двигалась. Трудно сказать. Я ничего не ощущала – ни воды, ни течения, затягивающего меня. Я просто была подвешена в темноте.

А потом кто-то прошептал мое имя.

Я замерла, оставаясь в невесомости, не в состоянии ничего разглядеть. Опять этот шепот. Я знала, что этот голос должен быть мне *знаком*. И вот он звучит уже ближе. А потом я беззвучно закричала в темноте.

Барби, наверное, умерли бы от стыда, если бы их увидели в настолько невзрачном заведении, как «У Френки и Бенни», но Бекка, все еще немного возбужденная, не отошедшая после вчерашнего, была рада калорийной углеводной пище, тем более что уже было два часа дня.

«И все же, – думала она, допивая еще одну диетическую колу и мечтая о том, чтобы во рту было не так сухо, – как-то неправильно приглашать свою лучшую подругу на праздничный обед по случаю дня рождения твоей мамы». Празднование родительских дней рождений и в старые добрые времена было обузой – и явно не лучшим событием, чтобы заставлять еще кого-то проходить через это. Но, с другой стороны, не все так ладили со своими семьями, как Ханна. Бекка посмотрела на них. Все улыбались и явно были рады находиться вместе. Может, это было следствием того, что ты самый некрутой ребенок в школе? Поэтому приходилось дружить с родителями?

– Ханна говорила, что ты занимаешься декорациями для сцены и дизайном, – сказала Аманда, мама Ханны. – Это большая ответственность.

– Она занималась этим и в прошлом году, – вставила Ханна, будто Бекке нужна была поддержка, несмотря на то, что Аманда, женщина с тестообразным телом и обвисшей грудью, сама была тем человеком, который всегда поддержит. – И это было прекрасно. На самом деле. – Ханна улыбнулась ей, и на мгновение Бекка увидела в ней копию мамы, более худую версию Аманды, но преисполненную того же стремления жить для кого-то, вместо того чтобы рискнуть пожить для себя.

– В прошлом году большую часть работы выполнила Кэти Грауд, но она теперь в университете.

– Уверена, что все будет замечательно. – Аманда перевела взгляд с Бекки на Ханну и обратно. – Я даже мысли не допускаю, что может не получиться, учитывая, что вы будете над этим работать вдвоем.

В ее взгляде и улыбке было столько тепла, что Бекка чуть не покраснела. Ханна умная и сдаст все экзамены на отлично, а потом, без сомнений, уедет учиться в Оксфорд или в какое-нибудь подобное место, но иногда Бекка думала, что именно она в глазах родителей Ханны выглядела наибольшим школьным достижением дочери. Раз у Ханны есть такая подруга, как Бекка, значит все не так плохо. Она не из тех девочек, у которых нет друзей и над которыми издеваются онлайн, после чего те

вешаются.

Бекка хотела сказать Аманде, что ей не стоит волноваться. Над Ханной не глумились даже тогда, когда они были в младших классах. Она была для этого слишком слабой и незаметной. Всегда была такой и всегда будет. По крайней мере в школе. Одноклассников *меньше всего* заботят издевки над Ханной. Бекка впилась в свой бургер, сок стекал по подбородку, а в животе урчало. До чего же она дожила – стала лучшей подругой Ханны! Как же это произошло? Наверное, оказалась не в том месте и не в то время. Они обе ходили на пары по естественным наукам как раз тогда, когда Наташа бросила ее. И вот где в результате она оказалась – в кафе «У Френки и Бенни» на дне рождения мамы Ханны, будто они все еще были детьми. Это угнетало, несмотря на то, что она считала такие мысли неправильными.

– Ну а как твой парень? Нет ли у него хорошего друга для Ханны? – спросила Аманда.

– Мам, пожалуйста! – Бледная кожа Ханны вспыхнула румянцем. – Пап, скажи ей.

– Не позорь ее, Аманда, – пробормотал мистер Альдертон из-за горки липких ребрышек.

– Что такого? Я просто спросила.

– Он в прядке. – Бекка прожевала кусок бургера и говорила, ощущая на зубах остатки мяса; она старалась побыстрее ответить и не позволить Аманде зайти дальше. Мама Ханны, в отличие от дочери, не обладала скромностью девственницы. – Но я сомневаюсь, что кто-то из его друзей подойдет Ханне.

Бекка поймала взгляд Ханны, оборонительный и сигнализирующий об обиде.

– Ханне нужен какой-нибудь интеллектual, – добавила Бекка, улыбаясь. – Она слишком умна для большинства знакомых Эйдена. Ей бы подошел кто-то вроде доктора.

– Тут ты права. – Аманда одобрительно кивнула. – Она просто академик. Ей нужен кто-то ей под стать.

– Пойдем со мной в туалет, – сказала Ханна, потянув Бекку за рукав. – Восстановим душевное равновесие.

– Я думал, то, что девушки ходят в туалет парами, – просто стереотип, – сказал мистер Альдертон. – О чем вы там можете сплетничать, если обедаете только с нами?

Аманда игриво шлепнула его по руке салфеткой.

– Они подростки. У них всегда есть о чем посплетничать, разве не так? – Она подмигнула девочкам, и они, послушно улыбнувшись в ответ,

быстро выскользнули из-за стола.

Это какая-то дешевая комедия, подумала Бекка. *Ханна живет в ситкоме, где комичные ситуации случаются ненамеренно.* Ей вдруг стало ее жалко. Должно быть, тяжело, когда ты все время нравишься своим родителям. Приходится постоянно быть милыми друг с другом. Она не помнила, чтобы Ханна хоть раз угрюмо буркнула Аманде: «Привет!», когда они приходили к ним после школы. Ни разу. Всегда была улыбка и недолгий разговор о том, как прошел день, пока они брали себе напитки и закуски. У нее дома было все иначе: от одного только немного странного взгляда матери Бекка могла, что типично для подростка, убежать в свою комнату.

– Извини за это, – сказала Ханна, когда за ними закрылась дверь женского туалета. – К сожалению, она становится все невыносимее.

– Она все равно лучше моей мамы, – сказала Бекка, хотя на самом деле не была уверена, что захотела бы поменяться местами с Ханной.

Потом они молча, зная, что их могут услышать посторонние, зашли в соседние кабинки и позволили мочевым пузырям опустошаться.

– Ты вчера ночевала у Эйдена? – спросила Ханна через тонкую перегородку. – Ты выглядишь уставшей. И твои глаза еще немного пьяные.

– Да, – ответила Бекка и вспыхнула румянцем.

Ханна вышла как раз в этот момент, они подошли к раковинам. Бекка опустила голову, сосредоточившись на мытье рук.

– Я заходила на вечеринку.

– Наташину? – Ханна с недоумением уставилась на нее.

– Я недолго там была. Просто подумала, что стоит появиться, ну, знаешь, она же *пригласила* меня, и все такое.

Ей было неловко. Она не хотела говорить Ханне про то, что была на вечеринке, но это было бы глупо. Ханна все равно слышала бы об этом в школе. И в самом деле, почему она должна врать? Она не сделала ничего плохого. Ханна все равно бы не захотела идти. Это просто вечеринка. Ничего страшного.

– Конечно, – сказала Ханна.

Она замолчала, хотя явно сказал не все, что хотела.

– Что?

– Просто будь осторожна.

– Что ты имеешь в виду?

– Ты знаешь. Это *Наташа*. Будь осторожна. Я ей не доверяю. Она может быть жестокой. Помимо всего прочего.

– Ты ее не знаешь, – резко произнесла Бекка. *Может, она жестокая с*

тобой. Она хотела сказать это вслух, но прикусила язык, потому что да, Наташа и Барби глумились над Ханной все эти годы, но они также насмеялись и над Беккой. Ханна об этом знала. И Бекка знала. – Слушай, – сказала она уже спокойнее, – я не планирую снова с ней сблизиться. Тех дней не вернуть. Она пригласила меня, и я подумала, что было бы невежливо не пойти. Всего-то. В смысле, она чуть не умерла, и мы все еще не знаем, из-за чего это произошло.

Ханна пожала плечами:

– Я просто беспокоюсь о тебе.

– А теперь ты говоришь, как моя мать. – Бекка закатила глаза, а потом сжала Ханне руку. – Ну ладно, я действительно хочу того шоколадного мороженого, от которого тебя под конец начинает тошнить.

Возвращаясь к столу, они хихикали, и Аманда одобрительно улыбнулась им.

Как раз тогда Бекка заметила на экране телефона сообщение.

*Если хочешь, приходи к 18.00? Покутим
4/5? Дай знать. Таша.*

Сердце забарабанило. Что происходит с Ташей и остальными Барби? Почему она захотела встретиться с Беккой, а не с Хейли и Дженни? Или они тоже будут там? Почему Таша опять стала дружелюбной? Она набрала ответ:

Конечно приду. До встречи.

– Эйден? – спросила Ханна. – Он тебя люююбит? Он хочет тебя поцеловать?

Бекка улыбнулась.

– Типа того, дурында.

Это даже не было откровенной ложью. Она не врала. Она же не сказала, был это Эйден или кто-то другой. Это не имело значения. Им обоим позволялось дружить и с другими людьми. Пусть Ханна тоже с кем-то подружится, если когда-нибудь появятся желающие.

Она съела только половину мороженого, а когда они вышли на холод и Ханна взяла ее за руку, Бекку не покидало чувство, что она в какой-то степени ее предает. Может, не идти к Таше? Может, написать ей, что она будет занята?

Было странно снова находиться в Ташином доме. Элисон достала остатки огромного шоколадного торта и отметила, что Бекка выглядит по-современному, отрезая им по большому куску, несмотря на уверения Бекки, что в нее уже ничего не влезет, но это, похоже, только вызвало еще большее одобрение Элисон Хоулэнд. Они сидели за кухонным столом, вежливо беседуя, пока Бекка, ставшая из-за своей застенчивости неуклюжей, не разлила колу на стопку журналов, аккуратно лежащих на тонком «AirBook».

– Не волнуйся, все в порядке, – сказала Элисон, когда Бекка схватила салфетку, чтобы вытереть газировку. – Они мне не нужны. Намокло всего лишь лицо какой-нибудь знаменитости. – Она подняла мокрый журнал. – Видишь?

– Ну, мы уже пойдем наверх, – сказала Наташа. – Идем, Бекс. – На ее тарелке остался почти нетронутый торт, как и у Бекки, которая с облегчением встала из-за стола.

– Рада была снова увидеться с вами, миссис Хоулэнд.

– И я, Ребекка. – Женщина сжала ее руку. – И спасибо за то, что была там. Это правда помогло.

– Не стоит благодарности. – Бекка сильно покраснела.

Благодарность взрослого подростку – это нечто странное. И немного пугающее. Будто теперь они были на равных, а значит, подросток уже не мог чувствовать себя в безопасности. Ее детство кончилось. Она находится в комнате ожидания на пороге взрослой жизни. На ничейной земле. Временами это было чудесно. А иногда совсем хреново.

Наташина комната изменилась. Розовые стены и постеры мальчиковых групп заменили бледно-желтые обои, стильные зеркала и туалетный столик. На одной из стен висел фотоколлаж, и Бекка стала его разглядывать. На нем в основном были селфи Барби, причем сделанные год или два назад, еще до появления «Instagram». Теперь их жизни были полностью онлайн. На виду у восхищенных зрителей, а Барби, безусловно, в них нуждались.

– Если хочешь, можешь курить. – Наташа заперла дверь на замок, а

потом открыла окно.

– Твои родители позволили тебе врезать замок? Они так отличаются от остальных!

– Девушке нужна личная жизнь. Я уже в том возрасте, когда не хочу, чтобы неожиданно сюда зашел папа и увидел мою грудь. Или и того хуже.

– Как грубо, Таша. Большинство отцов обычно стучат.

– Ты же знаешь моих родителей, им нравится спокойная жизнь. Я хотела замок – я его получила.

Они обе свесили по одной ноге через старый подоконник и сидели наполовину внутри, наполовину снаружи Наташиной комнаты. С одной стороны – холодный воздух, а с другой – тепло центрального отопления. Они много раз так делали в далеком прошлом, но сейчас Бекка почувствовала себя Алисой в Стране чудес, когда та пила или ела что-то, от чего росла. Подоконник казался значительно меньшим, чем раньше. Когда Бекка в последний раз так сидела, ей не нужно было пригибать голову, а ее свисающая нога не ощущала силы тяжести. Она приподняла ее и поставила на ветку старого дерева, по которому Наташа спустилась в ту ночь, а потом оказалась у реки. До него было легко дотянуться.

Она не настолько комфортно чувствовала себя на высоте, как Таша или Хейли, но и она без проблем добралась бы до веревочной лестницы и спустилась в сад. Ветви были толстыми и надежными, и Бекка сразу определила, какие Таша использовала в качестве опоры, – некоторые ветки потоньше были сломаны, чтобы не мешали спускаться. Снег на улице наконец начал таять, и на дереве его уже не было, как, скорее всего, и в ту ночь.

– Ты до сих пор ничего не вспомнила? – спросила Бекка и быстро добавила: – Извини, тебе, наверное, надоел этот вопрос. Судя по всему, ничего не прояснилось.

Таша покачала головой:

– Ничего. Ничего реального. Иногда мне что-то снится, но обычно – что я в воде и очень напугана. Кажется, там что-то есть, что-то, чего я не могу разглядеть.

– Может, это твоя память пытается вернуться. – Бекка выпустила длинную струю дыма. – Просто что-то вне досягаемости?

– Ты говоришь, как психоаналитик. – Таша бросила взгляд в комнату. – Она заставляет меня писать дневник. Записывать, чем я занимаюсь и о чем думаю. Я не собиралась делать это, но... Наверное, это помогает. – Она пожала плечами.

Наташа явно было смущена. Было странно видеть ее такой

неуверенной, и сердце Бекки немного оттаяло. Она взглянула на блокнот и ручку, лежащие возле кровати. Должно быть, это мучительно – не знать, как все произошло.

– Я очень надеюсь, что ты не писала о наркотиках, – сказала она с улыбкой.

– Нет! Я собиралась просто понаписывать там что-нибудь на случай, если она когда-либо попросит меня почитать его. Кстати, может, пофантазировать, чем можно заняться втроем с мистером Джонсом и мистером Герриком, преподавателем английского?

– Фу, какая гадость, – сказала Бекка.

– Ну, не все же могут быть паиньками, как ты.

– Как вышло, что у тебя нет парня? Ты не хочешь?

Солнце уже садилось, раскрашивая горизонт в оранжевые тона, пламенеющие под сгущающимися холодными темно-синими. Бекка смотрела на закат, и ей в голову внезапно пришла дикая мысль, будто Таша сейчас заявит, что сделала ужасную ошибку, все это время она любит Эйдена и надеется, что Бекка сможет его ей одолжить, и они все равно останутся друзьями.

– Не думаю, что хочу, – тихо ответила Таша. – Я просто не понимаю, из-за чего все так суетятся. Я, конечно, не могу сказать это Хейли и Дженни. Они не поймут. Дженни трахается, как кролик, практически все, что ты о ней слышала, – правда, причем не вся. А Хейли переспала бы с Марком Притчардом *и даже* с его отцом, если бы после этого они начали встречаться. Но я не очень понимаю, в чем прикол – иметь парня.

Слова были резкими и грубыми, особенно из уст Таши. Она не такая. Хотя Бекка вынуждена была признать, что теперь не знает, какая она.

– У вас все в порядке? – спросила Бекка.

Она изучала Ташу. Худое колено одной ноги под подбородком, другая все еще висела за окном. Она сидела, сгорбившись. Задумчивая. Лицо напряжено, глаза потемнели. Но она все равно была красива.

– Думаю, да.

– Просто вчера ночью ты собиралась что-то о них сказать, но передумала. – Она потушила сигарету о нижнюю часть карниза, а затем перекинула ногу через подоконник, чтобы пойти в туалет и смыть окурочек в унитаз. Она во многом завидовала Таше. Замок на двери и собственная ванная. Не нужно кричать через дверь, чтобы ее не беспокоили. Не нужно, завернувшись в полотенце, стараться побыстрее проскочить лестничную площадку. Она думала, сможет ли когда-нибудь перестать завидовать Наташе Хоулэнд, или это ее судьба.

– Все как-то странно, – наконец сказала Таша. Бекка села на кровать. – Не знаю, просто раньше все было иначе. До этого несчастного случая.

– Как – иначе?

– Сложно сказать. Такое впечатление, что я им уже не так нравлюсь.

Бекка не могла этого представить. Наташа была ядром Барби. Дженни и Хейли были просто спутниками.

– Может, я стала *третьей лишней*, – закончила Таша.

Бекка прикусила язык, чтобы сдержать колкость о том, каково это, когда вдруг остаешься не у дел, когда тебя прогоняют, как последыша, самого слабого из помета, и даже миллиона метафор не хватит, чтобы передать, насколько это больно. Таша извинилась. И это было очень давно. Они все выросли, стали другими, лучше или хуже.

– Но это было всего лишь сразу после того. Сейчас они ведут себя вполне нормально. Даже лучше, чем обычно. Постоянно пишут эсэмэски, интересуются моим состоянием. Хотят прийти в гости. Мне пришлось сказать им, что должна съездить в больницу после обеда, просто чтобы они на какое-то время отстали.

– По крайней мере, их это заботит.

– Думаю, что-то в этом роде. Эй, – внезапно воскликнула Таша, – может, сыграем партию в шахматы?

– Что, сейчас?

– А почему нет? Давай начнем, а потом будем писать в сообщениях, какой следующий ход. Ты можешь дома расставить фигуры на доске, которую я тебе подарила, так, как они будут стоять здесь в конце.

– Тогда ладно. – Лицо Бекки прояснилось. Она не скрывала своей радости. Часы пошли вспять, назад к лучшим временам. – Хотя ты все равно выиграешь.

– Может быть. – Глаза Таши блеснули азартом. – Так или иначе, это может быть нашим секретом.

Бекка кивнула. Конечно, это будет секретом. Сплетни о Наташе Хоулэнд, играющей в шахматы с Ребеккой Крисп, были нежелательны. Бекке стало интересно, когда наконец эти вещи перестанут быть важными, если такое вообще когда-либо случится.

Через полчаса игру прервал папа Наташи, постучав в дверь.

– Быстро! Прячь сиськи, – сказала Таша, схватившись за грудь, что заставило Бекку захихикать. – Тревога, папа!

Играли они не торопясь, чередуя ходы с разговорами о школе и заявлениями типа того, что обе разучились играть после такого длительного перерыва. Хотя Бекка подозревала, что Таша тоже иногда

брала в руки доску после развала «шахматного клуба».

– Я вам тут кое-что принес, – сказал Гэри.

Он стоял в дверях с двумя банками колы, Таша поднялась и забрала их у него. Он несколько удивленно окинул взглядом комнату. Волосы у него были влажными и взъерошенными. «Как из раздевалки теннисного клуба», – подумала Бекка. Струя цитрусового аромата геля после бритья столкнулась с остатками сигаретного дыма. Если Гэри и заметил это, то не подал виду. Он удивленно посмотрел на Бекку и сразу же улыбнулся:

– Извини, я услышал голоса и подумал, что это Хейли.

– Нет, это я.

– Рад тебя видеть. Что ж, я вас оставлю. Помни, что тебе рано ложиться, Таша-птичка. Это предписание врача.

– Да, пап, – сказала Таша, закрывая перед ним дверь.

– Он до сих пор называет тебя Таша-птичка? – со смехом спросила Бекка.

– Это было забавно, когда мне было девять, – сказала Таша. – Мне пришлось накричать на него, чтобы он перестал называть меня так на людях.

Она нахмурилась, явно раздраженная, что удивило Бекку. Наверное, милые семейные прозвища не вызывают умиления, когда ты Барби. Бекка посмотрела на часы. Было еще рано, но она чувствовала себя уставшей из-за недосыпа и вчерашних наркотиков, и если ей не удастся отдохнуть и собрать себя в кучу, завтра она будет совсем изможденной, а ее мама хотела, чтобы они в воскресенье всей семьей выбрались куда-нибудь пообедать. Ей нужны были ее восемь часов сна. Когда была возможность, она позволяла себе все десять.

– Я уже пойду домой, – сказала она. – Сообщу тебе свой следующий ход эсэмэской, когда у меня голова будет лучше работать. Я все еще никакая после вчерашней ночи.

– Ого! – Таша иронически приподняла бровь.

– Не от этого. Ну, может, немного и от этого. – Она усмехнулась.

Говоря с Ташей о сексе или о *чем-то подобном*, она чувствовала себя более опытной. Многое изменилось с тех пор, как они разошлись. Пусть Бекка не Барби, но у нее есть парень, уже закончивший школу, и они занимаются сексом. Ну и что, если это был тот, кого Таша отвергла?

– Как бы то ни было, спасибо, что позвала к себе, – сказала она, когда они спускались по лестнице.

– Было очень здорово! Я была рада с тобой увидеться. – Таша сжала ее руку. – Правда. И я... знаешь... – Она покраснела и смутилась, устремив

взгляд вниз. – Еще раз извини. За все.

– Забудь, – сказала Бекка. – Правда. – В этот момент она так и считала. Вся боль, слезы и неприятие не имели значения. По крайней мере пока.

В кухне что-то шкварчало, до Бекки донесся запах обжаренного на сковороде лука. Что бы Элисон ни готовила, это отлично пахло. Несмотря на то что Бекка не была голодна, у нее все равно заурчало в животе.

– Спасибо за гостеприимство, миссис Хоулэнд.

– Приходи в любое время, Бекка.

– Да, и еще кое-что, – тихо сказала Таша, когда они стояли на крыльце и обе дрожали от сырого холодного воздуха. – Не говори об этом никому, ладно? Ну, знаешь, в школе.

– Конечно. – Бекка почувствовала себя обиженной, и это, наверное, было заметно.

– Дело не в тебе – я просто хочу прикрыть тылы от Хейли и Джен. Мне не хочется, чтобы они потом устраивали сцены. Я не хотела их сегодня видеть, а они этого не поймут.

Бекка улыбнулась.

– Все в порядке. Я ничего никому не скажу.

Ей это вполне подходило. Значит, Ханна тоже ничего не узнает. Не то чтобы Бекке нужно было что-то скрывать от нее, но она знала, что Ханна точно этого *не одобрит*. Учитывая то, что она сказала в туалете в кафе. И более того, ее ведь ранило то, что Бекка солгала. На секунду она испытала чувство вины, хотя тут, на пороге дома Таши, она думала о своих взаимоотношениях с Ханной как о чем-то очень далеком.

– Увидимся в понедельник, – сказала Таша.

– Класс! Уже будут результаты пробного экзамена по английскому.

– Ох, черт! Но, может, будут и результаты кастинга для постановки.

– Действительно. Удачи! – Для Бекки не имело особого значения, кто какую роль получит. Она отвечала за сцену. Это был ее мир.

Таша притянула ее к себе и крепко обняла на прощанье, и Бекка почувствовала себя при этом неловко. Затем дверь закрылась, и она отправилась домой. Единственное, чего ей хотелось, – это свернуться калачиком в постели и уснуть. Но сначала она расставит шахматные фигурки. Она закурила. Они начали разыгрывать партию Рюи Лопеса ^[6] – ничего удивительного! Но что это давало? Может, она выведет второго слона. Она слишком устала, чтобы сейчас думать об этом. Играть против Наташи было совсем не то, что против папы. Он был импульсивным и никогда не думал больше чем на ход вперед. И Бекка воспринимала это не совсем как игру в шахматы. Она тяжело вздохнула. Боже, она просто ботан!

Неудивительно, что Таша предпочла держать все это в тайне. Несмотря на это, она улыбнулась. Не могла сдержаться. Было приятно снова иметь друга.

19

18.03

Дженни

Возьми трубку!

18.04

Хейли

Не могу. С папой в машине. Забираю еду на вынос.

18.05

Дженни

Она соврала. Она не ходила в больницу. Почему?

18.07

Хейли

Что? Ты уверена? Откуда ты знаешь?

18.09

Дженни

Проезжала мимо ее дома на велосипеде. Свет был включен, поэтому я немного подождала напротив. Видела, как выходила Бекка Крисп. Они даже обнялись на прощанье???

18.10

Хейли

Чего?

18.12

Дженни

Почему она нас проигнорировала? Мне страшно. Думаешь, она начинает вспоминать?

18.14

Дженни

Ты тут?

18.15

Хейли

Я думаю.

18.16

Дженни

Если она вспомнила, то почему ничего не сказала? Может, нам с ним поговорить? Рассказать ему? Я думаю, что следует.

18.18

Хейли

Нет! Он придет в ярость. Может, она не помнит, но мы вроде как поругались. Просто продолжай вести себя как обычно.

18.20

Дженни

Я переживаю.

18.22

Хейли

Может, она просто хотела провести время с Беккой. А нам не хотела говорить. Она знает, что меня это разозлило бы. Может, она хотела узнать результаты прослушивания? Думает, что Бекс это знает?

18.23

Дженни

Если она вспомнила, то могла рассказать Бекке. Мне плохо.

18.24

Хейли

Она бы не стала. Не в ее стиле. Я позвоню, когда буду дома.
Удали, удали, удали!

18.25

Дженни

Я знаю!!

18.26

Дженни

; -)

Взято из

МАТЕРИАЛОВ, СОБРАННЫХ ИНСПЕКТОРОМ КЕЙТЛИН БЕННЕТ:

ВЫДЕРЖКА ИЗ ДНЕВНИКА НАТАШИ ХОУЛЕНД

После того как Бекка ушла, я невольно думала о сексе, пока мама не позвала пить чай. Даже у Бекки был секс. Было странно размышлять об этом.

Когда Марк Притчард целовал меня, я чувствовала через джинсы, как его член выпирает. Он терся им об меня, будто это должно было меня впечатлить. Может, я и должна была впечатлиться.

Я уже как-то раз видела член, стручок, пенис – как бы это ни называлось. Твердый и оголенный. От всех этих слов я немного съежилась. Это было в прошлом году с Альфи Джоной на вечеринке перед выпускном тринадцатого года ^[7]. Вначале я рассмеялась. Не могла сдержаться. Он так странно выглядел, торчащий из клубка волос у него в паху, такая необычная бледная колонна из кожи и вен. Из дырочки наверху, на окружности перед складками, вывалилась капля жидкости, а он сидел и ждал, чтобы я его потрогала. Он выглядел таким уязвленным, когда я хихикнула, и я сделала вид, что смеюсь над тем, как у него наполовину спущены штаны и трусы, но на самом деле смеялась от того, что это жалко выглядело. И почему вокруг *этого* столько шума? До этого Альфи мне немного нравился. Он нежно целовался. Неагрессивно.

Было неловко. Он смотрел на меня, как нетерпеливый щенок, а я не знала, что делать. Я коснулась *его*. На нем кожа была нежнее, чем я ожидала, вся твердость оказалась внутри. Альфи положил свою руку на мою и, будто я была куклой, сделал так, чтобы я его сжимала, пока он двигал мою руку вверх и вниз, и кожа двигалась вместе с рукой.

Тогда, к счастью, все закончилось довольно быстро – просто стон и влажная липкая субстанция у меня на руке. Мы никогда с ним больше не общались. Во всяком случае, при мне он больше не был в таком виде.

Бекка делает это – и гораздо больше – с Эйденем. Не знаю почему.

Долговязый Эйден с неформальной прической, когда волосы закрывают большую часть лица. Эйден, который даже не мог нормально посмотреть мне в глаза. Эйден, который шлепнулся, приглашая меня на свидание, и просто сидел на земле, молча уставившись на меня, пока я смеялась. Он выглядел таким обломанным, и от этого я только сильнее смеялась, хотя это было ужасно и оскорбительно. Я ничего не могла с этим поделать. А потом Хейли и Дженни тоже начали смеяться, и все смотрели на него так, будто он был больным на всю голову.

А теперь Бекка его любит. Он уже не такой странный неудачник, каким был в школе, но и привлекательным его не назовешь. Думаю, он и сейчас бросил бы ее, чтобы переспать со мной, если бы я позволила. Не представляю, как они спят. Она, наверное, даже берет его штуку в рот.

В моем представлении секс – это нечто отвратительное. Я знаю, что так не должно быть. Но это так. Может, я никогда не стану этим заниматься. Думаю, иногда ты имеешь власть как раз потому, что *не занимаешься* этим. Я чувствую в себе ее, когда вижу, как на меня смотрят мальчишки. Они так этого хотят! Но насколько хорошо это может быть со мной? Так же, как и с любой другой девушкой? Но они хотят меня потому, что не могут получить. Вот взять Дженни. У нее ни над кем нет власти. Она говорит, что это ее не волнует, но я не уверена, что это на самом деле так. Это ей только вредит, также как и ее маме. Я это чувствую. У меня такое впечатление, что после несчастного случая я стала интуитивно чувствовать, и это странно. Ей кажется, что это все, что у нее есть, и она просто хочет быть любимой. Насколько это ужасно? Она делает *это* в обмен на «любовь». Не думаю, что хотела бы, чтобы меня так же любили.

И тем не менее они так этим гордятся. Бекка и Дженни, и даже Хейли, которая, как мне кажется, еще ни с кем не спала, но точно мастурбировала кому-то. Гордятся липкой, хлюпающей спермой. Будто это какая-то тайна. Может, именно это секс и дает людям. Тайны.

Но у меня уже есть свои тайны. И секс мне для этого не нужен.

Часть вторая

Выдержка из газеты «Таймс», понедельник, 18 января

Тело, найденное прошлой ночью в реке Риббл, между Мейпулом и Брекстоном, графство Ланкашир, опознали как пропавшую более двух месяцев назад из своего дома в Мейпуле девятнадцатилетнюю Николу Монро.

Выдержка из газеты «Мейпул Газет», понедельник, 18 января

Родители Николы Монро официально опознали тело дочери после того, как ее нашли в реке Риббл в ночь на воскресенье. Источники утверждают, что опознание проводилось по вещам мисс Монро и затем подтвердилось по слепку зубов, поскольку из-за двух месяцев в воде и большой степени разложения лицо и тело девушки стали неузнаваемыми. Отец Николы, Джерард Монро, изъявил желание, чтобы его семье позволили скорбеть в узком кругу. Супруги Монро собираются подать жалобу на полицию из-за того, что, разыскивая их дочь, они не искали в реке. Никола Монро была в академическом отпуске, после которого собиралась продолжить учебу в университете Лидса и стать бакалавром музыкальных технологий. Она недавно вернулась из поездки в Таиланд, где преподавала английский язык как иностранный, и работала на полставки в пабе «Нэг и Пайнэпл» на Честер-стрит.

Выдержка из газеты «Брекстон Геральд», вторник, 19 января

Причина смерти Николы Монро, чье тело было найдено в реке неподалеку от Брекстона в воскресенье ночью, остается загадкой, поскольку полиция отказывается разглашать какие-либо подробности. Все еще не ясно, тело мисс Монро отнесло течением к месту, где оно было найдено, или оно было там все

эти два месяца. То, что тело обнаружили вблизи участка реки, где спасли подростка из Брекстона Наташу Хоуленд, заставило здешнее сообщество заговорить о связи между этими случаями. Мисс Хоуленд, которую спас местный музыкант Джейми Мак-Махон во время прогулки с собакой, находилась в состоянии клинической смерти тринадцать минут, прежде чем ее реанимировали медики, а теперь она снова готовится к выпускным экзаменам в Брекстонской муниципальной школе. Она не помнит, что происходило в день, предшествующий инциденту. Ее семья отказалась от комментариев.

В среду на последнем уроке никто, даже Дженни, которая, как ни странно, любила уроки английского и на них блистала, не обращал особого внимания на мистера Геррика. Когда день за окном незаметно превратился в темноту, Эмили под столом что-то писала своему парню, а Бекка набрасывала эскизы декораций для сцены. Мистер Геррик опоздал и, захлопнув за собой дверь, стал что-то бормотать об экзамене, который бывает только раз в году, и о других абсолютно неинтересных им вещах, прежде чем неловко улыбнулся и взял сборник «Свадьбы на Троицу» Филипа Ларкина.

Бекка надеялась, что он на больничном и их отправят в учебную зону старших классов, поручив какую-нибудь «работу». Но нет – он явился на урок. Мистер Геррик входил в экзаменационную комиссию и проводил много времени, комплектуя курсовые работы и разбираясь с пересдачей экзаменов.

По мере того как приближался конец урока, ерзанье на стульях становилось более явным. На этот предмет ходило много старшеклассников, около двадцати, и это по крайней мере означало, что можно было среди них затеряться. К тому же мистер Геррик был отнюдь не глуп и знал, что последний урок – не лучшее время, чтобы заставлять кого-то активно работать. Если бы было подходящее видео, он мог бы вместе со всеми его посмотреть.

Бекка размышляла, сможет ли она убедить его показать им фильм «Суровое испытание». Может, он согласится. В этом смысле он классный. Он не такой крутой, как мистер Джонс, и на пару лет его старше, но зато добрый. Милый. Как классический неуклюжий профессор, только выглядит получше. «Да, наверное, стоит его попросить, – решила она. – Даже те, кто не участвует в постановке, будут не против. Все же лучше этих нудных стихов».

Она подумала о Таше. Бекка хранила их тайну про воскресенье и ожидала, что ее будут полностью игнорировать в школе, но этого не случилось. На самом деле они не общались, но несколько раз в коридоре приветствовали друг друга взмахом руки. Ханна это заметила. Она была немного ошарашена всем этим, особенно тем, что вчера Бекка обедала с Ташей, обсуждая пьесу. Ханна выглядела очень уязвленной, и Бекка сделала вид, что не обратила внимания, как быстро она ушла.

В понедельник был назначен сбор исполнителей ролей – в обед на доске объявлений появился список, вызвавший много восторженных возгласов, и, как она и предполагала, Барби были на высоте. Таше досталась роль шикарной, энергичной, но мстительной Эбигейл, Дженни предстояло играть несколько пугливую Мэри Уоррен, а Хейли получила роль холодной, спокойной Элизабет Проктор. Бекка особо не расстроилась, частично потому, что сама никогда не хотела быть *на* сцене, и частично оттого, что это был действительно сильный актерский состав. Она видела, как Хейли и Дженни сияли от радости за Ташу, получившую роль Эбигейл, будто она значительно превосходила их в актерском мастерстве, но Бекка знала, что, хотя она отлично *подойдет* для этой роли, Дженни справилась бы лучше, и была практически уверена, что Барби тоже об этом знают. Но Дженни нужно было пересдать экзамен по математике, чтобы получить четверку в аттестате, и мистер Джонс не хотел ее перегружать. «Правильное решение», – подумала Бекка. К тому же роль Мэри Уоррен была непростой, во многих отношениях даже сложнее роли Эбигейл.

– Этот урок никогда не закончится, – пробормотала Эмили, все еще пряча телефон за открытым сборником стихотворений и водя пальцами по экрану.

Бекка тихо согласилась, но ей не было скучно – она наблюдала за Хейли и Дженни, сидящими впереди. Барби передавали друг другу исписанную бумажку, ведя какую-то переписку, и делали они это прямо перед носом у мистера Геррика. Он, наверное, решил их игнорировать. А может, ему вообще было пофиг.

Бекка сделала еще пару эскизов. После уроков должна была состояться первая полная репетиция, и она хотела проверить осветительные приборы и все остальное вместе с Кейси, пока была такая возможность. Кейси завалила экзамены, и было маловероятно, несмотря на то что театральные технологии – один из ее предметов, что она сможет в полную силу заниматься постановкой. Самим представлением – да, но не репетициями и подготовкой. Получалось, что Бекке будет помогать только Ханна, которая отлично справлялась под чьим-то руководством, но была недостаточно уверена, чтобы проявлять инициативу. Бекка весь день не видела Ташу, и если та не появится, придется читать за нее, вместо того чтобы заниматься технической подготовкой.

– Ну наконец-то, блин! – простонала Эмили, когда раздался звонок. Они с Беккой вскочили до того, как он успел прозвенеть. Эмили, набросив сумку на плечо, направилась к двери. – До завтра, сучка.

– Пока, шлюшка, – отозвалась Бекка.

Она взглянула на Хейли и Дженни, которые все еще собирались. К черту, подумала Бекка. Почему она должна нервничать из-за того, что предстоит с ними поговорить?

– Привет, – сказала она, подойдя к их парте. – Где сегодня Таша?

Хейли посмотрела на нее с презрением:

– Какая тебе разница?

– Хейли, можно тебя на пару слов? – сказал мистер Геррик, которому явно не нравилось то, что между тремя девочками ощущалось напряжение.

Бекка его понимала.

– Конечно. – Хейли посмотрела на Дженни: – Я тебя догоню.

– До свидания, мистер Геррик, – сказала Дженни, улыбнувшись, и Бекка пробормотала то же самое.

Дженни протиснулась мимо нее, но Бекка не отставала. Был подходящий момент для разговора – Барби разделились.

– Я просто хотела узнать, стоит ли сегодня устраивать читку. Если Таши нет в школе, я скажу мистеру Джонсу.

– Я скажу мистеру Джонсу, – заявила Дженни. – Ты что, нянька? – Она уставилась на Бекку. От возмущения ее грудь вздымалась, и она не сразу смогла продолжить. – Я не знаю, что сейчас происходит между тобой и Ташей, но она уже предавала тебя раньше. Помнишь? И она сделает это снова.

– А тебе какое дело? – огрызнулась Бекка. – Она моя подруга, поэтому не может быть твоей? – Последнюю фразу она произнесла издевательски, с хныканьем, как обиженный ребенок, и выражение очаровательного лица Дженни стало таким, будто ей дали пощечину. – Как бы то ни было, изначально она была моей подругой, – закончила Бекка, зная, насколько по-детски это прозвучало. Но это было правдой. Она, пожалуй, знала Ташу лучше, чем кто-либо из одноклассников, ну, может, не считая Хейли.

Да и вообще, блин, кто такая эта Дженни? Тупая шлюха из муниципального района, у которой просто подходящий внешний вид. Она может идти на хрен.

– Да, была, – сказала Дженни, подойдя ближе, так что ее розовые губы, слегка покрашенные блеском, оказались всего в паре сантиметров от лица Бекки. – И что? Теперь она тебе рассказывает все свои секреты? Что, например, Бекка? Что Таша тебе рассказала?

В ее голосе звучало отчаяние, а глаза были широко раскрыты и в них блестели слезы, но было видно, что она все еще злится. Теперь, когда они стояли лицом к лицу в коридоре, Бекка заметила, что ее зрачки расширены.

Дженни под кайфом? В школе? Под чем? Она сразу же взглянула на нос Дженни. В ней было слишком много запала, как для травки.

– Ты что, под чем-то? – спросила она. – Что-то с тобой не так.

– Отвали, Бекка, – сказала Дженни, вдруг немного ссутулившись. – Просто *отвали*.

– Ребекка?

Она повернулась и не сразу смогла узнать женщину, назвавшую ее имя. Знакомое лицо, но не из тех, с кем она общается. Кто-то, с кем она встречалась. Кто-то...

– Инспектор Беннет. Мы виделись в больнице, – сказала женщина. Она по очереди посмотрела на девочек, в том числе и на Хейли, которая уже вышла из класса, поговорив с мистером Герриком. – У вас все в порядке?

– Да, – сказала Бекка. – Все хорошо. – Дженни кивнула, неохотно соглашаясь, но для Беннет этого было вполне достаточно. Ее не волновали их разборки.

– Я бы хотела с тобой поговорить, – продолжила женщина-полицейский.

Бекка решила, что она имеет в виду Барби, но женщина назвала ее имя и смотрела сейчас тоже на нее. Бекка внезапно похолодела.

– О чем?

О чем инспектору нужно с ней поговорить? Дженни и Хейли отошли, но не очень далеко, чтобы все слышать. Наверное, паника отразилась на ее лице, потому что инспектор улыбнулась:

– Не переживай. Это всего лишь несколько стандартных вопросов. Не из-за чего так нервничать.

– Наташа была с вами? – спросила Хейли у инспектора. – Это касается того несчастного случая?

«Значит, они тоже не знают, где сегодня была Таша», – подумала Бекка. Парочка хитрых сучек. Почему они постоянно пытаются ее унижить? Они что, не могли сказать прямо?

– Наташа пошла на прием к психологу. Она скоро вернется домой, – сказала Беннет, игнорируя вопрос Хейли. – Это стандартный опрос, – продолжила она, обращаясь к Бекке. – Пойдем в кабинет директора. Когда закончим, я попрошу кого-нибудь подвезти тебя домой.

– Но у нас репетиция пьесы! – слабо возразила Бекка. Почему-то ее пугала заботливость этой суровой женщины. Она никуда не хотела с ней идти.

– Репетицию отменили.

*Выдержка из***КОНСУЛЬТАЦИИ ДОКТОРА АННАБЕЛЬ ХАРВИ ПАЦИЕНТКИ
НАТАШИ ХОУЛЕНД, СРЕДА, 20/01, 16.30**

НАТАША: На вашем цветке тринадцать листьев. Вы знали?
(Пауза.) Ну, так и есть. Посмотрите. Пересчитайте.

ДОКТОР ХАРВИ: Это так важно?

НАТАША: Тринадцать. Я продолжаю везде видеть это число. Будто этот номер преследует меня. Тринадцать горошин осталось на папиной тарелке. Тринадцать капель на окне. Тринадцать человек на втором этаже автобуса. Это число везде.

ДОКТОР ХАРВИ: Почему так?

НАТАША: (Смеется.) Вы серьезно? Будто вы сами не знаете.

ДОКТОР ХАРВИ: Ты же понимаешь, что это лишь приблизительное число. Нельзя наверняка сказать, сколько времени ты была в таком состоянии. Это могло длиться четырнадцать минут, а могло двенадцать.

НАТАША: Но было тринадцать. Я просто хочу, чтобы это число оставило меня в покое.

ДОКТОР ХАРВИ: Ты все еще видишь плохие сны?

НАТАША: (Длинная пауза.) Интересно, там ли она утонула.

ДОКТОР ХАРВИ: Кто?

НАТАША: Та девушка из Мейпула. Никола... как ее там?

ДОКТОР ХАРВИ: Никола Монро.

НАТАША: Да, точно. Они считают, что ее смерть и случившееся со мной могут быть связаны.

ДОКТОР ХАРВИ: А ты что думаешь?

НАТАША: Я ничего не помню. (Ерзает на стуле.)

ДОКТОР ХАРВИ: Тебя что-то беспокоит?

НАТАША: Я думала о ней еще до того, как инспектор Беннет пришла поговорить со мной. С тех пор, как узнала об этом из новостей. Ну, знаете, ее нашли в реке рядом с тем местом, где

и меня. Мне от этого поплохело. Я глотала воду, в которой она гнила. Она умерла там. Я умерла там.

ДОКТОР ХАРВИ: Ты не умерла. Тебе не стоит так на это смотреть.

НАТАША: Вам легко говорить. Мое сердце остановилось так же, как и ее. Я так же, как она, не дышала. Может, это ее я вижу во сне. В темноте.

ДОКТОР ХАРВИ: Тело Николы обнаружили только в воскресенье ночью – у тебя и до этого уже были кошмары.

НАТАША: Может, она злится, что я не умерла. Завидует.

ДОКТОР ХАРВИ: Никола Монро умерла задолго до того, как ты оказалась в реке. Она уже не способна проявлять какие-либо эмоции. Может, у тебя чувство вины выжившего. Ты живешь, а она умерла. Ты знала Николу Монро?

НАТАША: Нет.

ДОКТОР ХАРВИ: Тогда ты не можешь делать предположений о том, какие чувства она могла бы испытывать. Даже если бы она и сейчас могла что-то чувствовать, наверняка было бы естественнее радоваться тому, что одна из вас выбралась из воды живой.

НАТАША: *(Смеется.)*

ДОКТОР ХАРВИ: Что в этом забавного?

НАТАША: Вы хоть что-нибудь знаете о девочках-подростках? *(Молчит. Шмыгает носом.)*

(Спокойнее.) Не думаю, что он имеет к этому какое-то отношение. Я правда так считаю. Да, я не могу ничего вспомнить, но я уверена, что почувствовала бы что-то. Ну, знаете, когда увидела его.

Взято из

МАТЕРИАЛОВ, СОБРАННЫХ ИНСПЕКТОРОМ БЕННЕТ: 20 ЯНВАРЯ

(КОПИЯ ТАКЖЕ ПРИОБЩЕНА К ДЕЛУ НИКОЛЫ МОНРО)

Учитывая крайнюю степень разложения тела Николы Монро, все еще неизвестно, была ли она под воздействием наркотиков

или алкоголя перед смертью. Образцы тканей отправлены на исследование. Также неизвестно, была она живой или уже мертвой, когда оказалась в воде. Помимо местонахождения ее тела, существуют следующие сходства с делом Наташи Хоулэнд:

1. Обе девушки попали в воду полностью одетыми, хотя Монро была одета значительно теплее Хоулэнд – на ней были зимнее пальто и сапоги.

2. У обеих девушек с собой были мобильные телефоны.

3. В обоих случаях нет очевидных признаков нападения или изнасилования, хотя в случае Монро судмедэксперт не может утверждать это наверняка, учитывая состояние тела.

4. Обе девушки белой расы, из среднего класса, среднего и старшего подросткового возраста.

5. Обе блондинки.

6. Обе знали Эйдена Кеннеди.

Взято из

***ЗАМЕТОК ИНСПЕКТОРА БЕННЕТ (НЕОФИЦИАЛЬНАЯ ЗАПИСЬ)
ВО ВРЕМЯ БЕСЕДЫ С НАТАШЕЙ ХОУЛЕНД И РЕБЕККОЙ КРИСП
20 ЯНВАРЯ, 14.00/15.45 СООТВЕТСТВЕННО.***

***ОБЕ ДЕВУШКИ СОГЛАСИЛИСЬ С ТЕМ, ЧТО ДИРЕКТОР ШКОЛЫ
КРИСТИНА СОЛСБЕРИ ВЫСТУПИТ В КАЧЕСТВЕ
ОТВЕТСТВЕННОГО ВЗРОСЛОГО***

Наташа Хоулэнд

То, что тело Монро обнаружили так близко к месту, где была найдена Наташа, явно выбило ее из колеи. Несколько раз упоминала о том, что они обе находились в воде в одно и то же время. Менее собранная, чем во время предыдущих разговоров. Я задавала стандартные вопросы. Подняла вопрос об Эйдене Кеннеди. Обе девушки знакомы с Кеннеди.

Хоулэнд видела его дважды с момента происшествия: один раз дома у Джейми Мак-Махона, когда они с матерью ездили его

поблагодарить, а второй раз – когда он забирал Бекку с вечеринки у Марка Притчарда в ночь с пятницы на субботу. Ее смутили мои вопросы. Удивилась, что я упомянула имя Эйдена. Не имела с ним ничего общего с тех пор, как он пригласил ее на свидание два года назад. Стыдится этого. Говорит, что посмеялась над ним. (Это интересно!) У Джейми Мак-Махона он вел себя с ней как обычно – по ее словам, Э. К. никогда не смотрит ей в глаза. (Застенчивость? Чувство вины? Одержимость?) Говорит, что, насколько она знает, у него серьезные и сексуальные отношения с Ребеккой Крисп, и Крисп выглядит счастливой. Она спрашивает, почему нас интересует Эйден. Какое он имеет к этому отношение. Неподдельное удивление. Никаких вспышек воспоминаний. Закончив беседу, отправила ее еще раз посетить врача. Нужно вернуть ей память. Сбивает с толку!

Ребекка Крисп

Умный ребенок в скорлупе. Спрашивает, почему я говорю с ней, а не с двумя другими девочками. Интересная подростковая динамика. Спросила ее о ночи происшествия. Она подтверждает, что была с Эйденом, пока он не завез ее домой около полуночи. Разговаривала ли она с ним после этого? Отвечает, как и в прошлый раз, что уснула, смотря ТВ– программы на компьютере. На вопрос, куда он отправился после этого, отвечает, что домой. Из ответов ясно, что она не может знать этого наверняка, просто он ей так сказал. Занимает оборонительную позицию – осознание чего-то? Неуверенная. Злая. Напуганная. Советует спросить об этом у матери Эйдена. Затем спрашивает, проверили ли мы это. Упоминает о том, что Э. К. приглашал Н. Х. на свидание. Как он о ней отзывается? Крисп взрывается эмоциями. Плачет. Они не говорят о ней. Это было давно. (Ревнует? Чувствует себя неуверенно из-за Н. Х.? Он говорит о Н. Х.?) Не сразу успокаивается. Крисп подтверждает, что у них сексуальные отношения. Ничего аномального. (Ей явно неловко. Не дерзит. Может, в сексуальном плане не удовлетворяет все его потребности? Э. К. разочарован? Фантазирует о других?) Видится ли Э. К. с другими девушками? Он когда-либо изменял ей? Злится. Нет, они любят друг друга. (Умница!) Ненадолго

прерываюсь. Делаю записи. Она спрашивает, почему я задаю так много вопросов об Э. К. Настороженная. (Нервничает?) Я спрашиваю, знала ли она, что Эйден был знаком с Николой Монро, девушкой из Мейпула...

– О чем она говорит? – Бекка осознавала, что кричит, но ничего не могла с этим поделать. Ее трясло с того момента, как инспектор ее отпустила. – Почему ты не отвечал на мои звонки?

Теперь, когда они оказались лицом к лицу, она хотела наброситься на него. Из школы она побежала к нему домой, а потом к мистеру Мак-Махону, и за это время ее гнев не утих. Он был там. Потрясенный, бледный и красивый. Он пытался удержать ее, но Бекка отстранилась. Она была слишком злой. Слишком злой и расстроенной, и ужасно напуганной.

– Со мной не было телефона. Они его забрали. Я пошел и купил другой, как только они меня отпустили. – Он вытащил дешевый мобильник из кармана. – Но в нем не записан твой номер. Я пришел сюда, чтобы посмотреть, есть ли он в телефонных квитанциях Джейми. Я иногда звоню тебе с его городского – ты же знаешь, какая в этом доме хреновая связь.

– Почему бы нам всем не успокоиться? – Мистер Мак-Махон – Джейми – стоял в углу гостиной, чувствуя себя неловко в собственном доме. Пес сидел у его ног, периодически грустно поскуливая. – В любом случае, это всего лишь недоразумение.

– Она говорит, что ты ее *знал*! – Бекка практически выплюнула эти слова Эйдену в лицо, а потом, к своему стыду, расплакалась.

Сильные руки, бо`льшие, чем у Эйдена, взяли ее за плечи, и она почувствовала, что ее ведут к дивану. Она тяжело опустилась на него, боевой дух ее покидал.

– Эй! – Джейми присел рядом и протянул ей носовой платок, который вытащил из кармана. – Он мятый, но чистый.

– Спасибо, – промямлила она, ненавидя себя за слабость. – Извините.

– Все в порядке. – Голос у него был мягким. Добрым. Ей снова захотелось расплакаться. Весь ее мир если не выбили у нее из-под ног, то очень сильно встряхнули. – Но ты же знаешь, что это просто недоразумение, так ведь?

Бекка подняла глаза на Эйдена, который сразу подошел и сел рядом. От него пахло чистотой. Шампунем и мылом, а еще она улавливала его собственный уникальный запах. Она так сильно любила Эйдена, что могла сломаться от всего этого. Даже сейчас.

– Они сказали, что у Николы Монро была копия телефонных контактов на «MacBook». – Его голос дрожал. – Там был и мой номер.

Мир вокруг Бекки стал мерцать, свет резко преломлялся на краях кофейного столика, когда она смотрела на него, не в силах взглянуть на Эйдена.

– Почему? – спросила Бекка. – Откуда у нее взялся твой номер?

– Я не знаю. – Эйден беспомощно пожал плечами, и ей одновременно захотелось и обнять его, и ударить. – У меня тоже есть ее номер. Она ведь была музыкантом. Я хожу на музыкальные тусовки, и там все знают, что я занимаюсь музыкой профессионально. Думаю, мы обменялись номерами на какой-то из них.

– Почему ты ничего *не* сказал?

Обменялись номерами. Это имело значение. То, о чем говорят, хихикая, девочки в школьных раздевалках, или в автобусе, или в «Макдоналдсе». Обменялись номерами. Писали сообщения. Переписывались по почте. Это было прелюдией к первому поцелую. Все об этом знают.

– Это не приходило мне в голову. Когда мне вернут телефон, можешь посмотреть, сколько там номеров. Я не знал, что у меня есть и ее номер. Наверное, я был под кайфом, когда она мне его дала. Ну, знаешь, одно из этих знакомств в баре после концерта.

Она не знала и плохо это представляла, но все равно кивнула. Иногда три года разницы между ними совсем не ощущались, но иногда казались целой жизнью.

– Ты должна верить мне, Бекка. – Он взял ее за руку. Его ладонь была потной. – Послушай, ну какое я имею ко всему этому отношение? Как и к Наташе?

– Значит, ты никогда не приглашал Николу на свидание? – Она ненавидела себя за то, что в ее голосе прозвучали сомнение и подозрительность.

Эйден отшатнулся, в его голубых глазах, *в которых она могла утонуть*, читались обида и боль.

– Нет. Не приглашал. Охренеть, Бекс, на что ты намекаешь? Получается, если я приглашу девушку на свидание и она откажет, я просто брошу ее в реку и позволю ей умереть?

Бекка уставилась на него. Она чувствовала себя глупой. Нет, не глупой. Чувство мучительной неуверенности росло, вызывая странные ощущения в животе.

– Нет, конечно нет. Я просто... просто не понимаю.

– Почему они спрашивают вас об этом только сейчас? – произнес Джейми. – Никола Монро пропала несколько месяцев назад. Они наверняка

проверили ее звонки и контакты еще тогда.

– Проверили, но я не был важен для следствия. До тех пор, пока ее тело не нашли рядом с местом, где ты нашел Ташу. Наверное, всю информацию передали этой инспектору Беннет, и мое имя оказалось ей знакомым. Мы с ней разговаривали, когда я забирал тебя из больницы.

– Она и со мной там говорила, – сказала Бекка. Она чувствовала себя уставшей. Чрезвычайно уставшей. – Извини, извини. Я просто напугана. – Снова потекли слезы. – Она задавала мне все эти вопросы о нас с тобой, а потом о тебе и Таше, а потом, когда она упомянула Николу, похоже, я окончательно запуталась. – Она обняла его за шею и разрыдалась так, что его кожа стала мокрой от ее горячих слез.

– Все нормально. Все в порядке. – Он крепко ее обнимал. – Ты знаешь, что я ничего такого не делал, и я знаю, что ничего такого не делал, вот и все. Это просто совпадение. И вовсе не странное совпадение. Мы же живем не в каком-то огромном городе. Если подумать, то нет ничего удивительного в том, что у меня был номер девушки моего возраста, которая ходила на все местные концерты. – Он чуть отстранился. – Просто мне чертовски не повезло. – Он улыбнулся. – Ты разволновалась больше, чем моя мама. Думаю, даже больше, чем я.

– Я уже успокаиваюсь. Просто для меня это был шок.

– Я тебя понимаю.

– Они и с вами говорили? – спросила она у Джейми.

– Угу, – ответил он. – Я мало что смог им сказать. Только то, что Эйден абсолютно нормальный – во всех смыслах – и счастлив с тобой, и никогда при мне не упоминал ни об одной из этих девушек. Тем более, сказал я им, что он знает, что я гуляю с Бисквитом каждое утро, очень рано, поэтому он должен быть очень глупым, чтобы толкнуть Наташу в реку, зная, что я могу в любую секунду проходить мимо того места.

Эта простая логика успокоила ее больше, чем все проникновенные заверения Эйдена. Он не был тупым. Даже если он был сумасшедшим маньяком, нападающим на женщин, – и от таких мыслей она почувствовала себя еще более безумной, – он бы не стал так рисковать из-за возможности быть пойманным.

– Они должны проверить все версии, – сказал Джейми. – Это их работа.

Бекка знала, что это имеет смысл. Она глубоко вздохнула. Беннет просто расставляла все точки над «i», как сказал бы ее папа. Конечно, она должна была проверить Эйдена. Иначе она бы не выполнила свою работу. Вдруг Бекка почувствовала, как глупо было сразу же нестись к Джейми, по

крайней мере, примчаться сюда в таком взвинченном состоянии.

– Ребята, вы же работали? – спросила она. – Я пойду. Извините. Я не должна была вести себя как идиотка.

Ей хотелось на свежий воздух. Нужно было взять себя в руки. Она вела себя как какая-то истеричная стерва. И почему она так разволновалась? Это после разговора с инспектором она начала подозревать Эйдена или из-за того, что у него был номер мертвой девушки, а он никогда не говорил ей об этом? Она хотела думать, что по первой причине, но не была полностью в этом уверена. Бекка знала, что эта неуверенность может сделать из нее сумасшедшую ревнивицу. Она и так все время боялась, что Эйден влюбится в кого-то другого. В какую-нибудь утонченную музыкантку. Она пыталась как-то с этим справиться или, по крайней мере, не показывать этого.

– Да, работали, – сказал Эйден. – Я считаю такое твое эмоциональное поведение нормальной реакцией. И ты не идиотка. Только дай мне свой номер, я позвоню тебе перед сном.

Она взяла у него мобильник и записала номер в контакты под своим именем, а потом отправила себе сообщение, чтобы у нее тоже был его новый номер.

Он проводил ее до двери, и она почувствовала себя почти так же неловко, как когда они уже испытывали взаимное влечение, но ни у кого не хватало смелости заговорить об этом.

– Извини, я вела себя как дура, – наконец сказала она.

– Ты не вела себя как дура. Извини, что полиция решила, будто я могу быть сумасшедшим маньяком.

Она рассмеялась, он присоединился к ней, и напряжение совсем спало, когда они поцеловались на прощанье. Это же Эйден, теплый, красивый и раскованный! Ну и что, что в его телефоне был номер какой-то музыкантки? Он не ребенок. Это ничего *незначит*.

– Я позвоню тебе позже, – сказал он. – Люблю тебя.

– И я тебя люблю.

Дверь закрылась, и она глубоко вдохнула влажный воздух. Думать, что Эйден имел какое-то отношение к тому, что произошло с Ташей, было сумасшествием. Она была с ним в ту ночь. Он был расслабленным и довольным. Они оба. И он был не совсем в себе. Он был не в состоянии бросить кого-либо в реку.

Когда она направилась вниз по гравийной подъездной дорожке к короткому проходу, ведущему к главной дороге, ее телефон завибрировал. Это была Ханна. Поскольку репетицию отменили, она хотела узнать, куда

пропала Бекка и все ли с ней в порядке. Это было так похоже на Ханну! Никогда не хватает духу разозлиться. Если бы Бекка была на ее месте, ее сообщение выглядело бы примерно так: «Где, блин, тебя носит???» Она быстро набрала ответ, пообещав позвонить ей позже, и спрятала руки в карманы, чтобы не мерзли. Снег уже растаял, но все еще было холодно, особенно вблизи реки.

Дойдя до короткого прохода, она заметила что-то странное. Отблеск металла за ветками. Кто-то припарковался в переулке. Кто-то следил за домом Джейми Мак-Махона. У нее душа ушла в пятки. Это инспектор Беннет или кто-то из ее подручных, они следят за Эйденом! Сразу же забыв про холод, она начала набирать ему сообщение, но потом остановилась. Зачем его волновать? Пусть смотрят! Они ничего такого не увидят. Эйден невиновен. *Иди на хрен, инспектор Беннет*, подумала она. *Иди. На хрен.*

Взято из МАТЕРИАЛОВ, СОБРАННЫХ ИНСПЕКТОРОМ КЕЙТЛИН БЕННЕТ:

ВЫДЕРЖКА ИЗ ДНЕВНИКА НАТАШИ ХОУЛЕНД

Итак, у меня наконец есть зацепка и союзник в том, чтобы выяснить, что на самом деле произошло в ту ночь. Мне уже немного лучше. День был долгим, но я хочу все это записать перед тем, как (попытаюсь) уснуть.

У меня что-то зудит в голове, и это досаждало мне всю прошлую ночь, так что даже когда я проснулась (хватая ртом воздух, что уже вошло в привычку с тех пор, как я вернулась домой), это было первым, о чем я подумала. Не о шепчущем голосе в пустоте моих снов. Не о числе тринадцать, которое мне мерещится повсюду. (Вчера на моей расческе осталось тринадцать волосков. Точно тринадцать. Я осторожно вытаскивала их и пересчитала. Я разложила их на туалетном столике. Тринадцать мертвых минут, тринадцать мертвых волосков. Поди разберись.) И не о Николе Монро и ее раздутом трупe. Я, пожалуй, считаю, что это подсознательное нечто есть дар. Но ощущается это так, будто это короста, которая зудит и сводит меня с ума.

Они думают, что Эйден имеет какое-то отношение ко всему этому. Но это же смешно. Он не убивал Николу Монро и уж точно не бросал меня в реку. Я это знаю. Я знаю это, поскольку что-то зудит в моей голове. Не память – она все еще не возвращается, – но что-то другое. Что-то, что я *должна была* уловить, но оно остается вне досягаемости.

Когда я проснулась, была всего лишь половина пятого утра, но я вытаскивала свою форму для бега с нижней полки шкафа. Я оделась в темноте, собралась, а потом вылезла в окно, спустилась по дереву и вышла через боковую калитку, так же, как должна была сделать в ту ночь. Я поймала свой обычный темп и позволила моему сознанию расслабиться. Странно, что мне так

понравилось бегать. Мне этого не хватало всю прошлую неделю или около того, и я радовалась возможности размять ноги и стряхнуть с них тяжесть бездействия. Я выросла сильной. Мне нравится чувствовать, как работают мышцы и сухожилия, когда я бегу по темным дорожкам. Через пару минут я уже не чувствовала холода и покраснелась, хотя мне было не так уж тяжело дышать. Я знала свой ритм. Интересно, как бы это прокомментировала Хейли, если бы меня увидела? Наташа бегунья. У всех свои секреты.

Было темно, и город почти весь еще спал. Я держалась подальше от главной дороги, и тут было устрашающе тихо, только *глухой стук* кроссовок и мое ровное дыхание. Я бежала через лес вдоль реки. Я думала, что мне должно быть страшно находиться здесь одной в темноте и так близко к реке, но это было не так. Я, пожалуй, ощущала себя воодушевленной. Когда я направилась домой сразу после пяти, я хорошо себя чувствовала. Гордилась собой. Я даже могла бы проигнорировать то, что мысленно считала шаги и начинала заново каждый раз, когда доходила до тринадцати.

День прошел как в тумане. В школе, встретившись с Хейли и Дженни, я рассказала им о том, что полицейские думают, будто мое происшествие и смерть Николы Монро могут быть связаны. Но на самом деле мысли мои были не об этом. Они спросили, почему полиция решила допросить Бекку, и я пожала плечами. Я не сказала им про Эйдена. И хотя они обе кивнули, я видела, как они переглянулись, и короста в моей голове зачесалась сильнее. Я думала о том, что они скрывают. Было ли что-то, о чем они мне не говорят? В течение всего дня они душили меня своим обожанием, и когда после уроков мы пошли на репетицию, я уже с трудом могла это переносить. У меня было такое чувство, что я снова в реке.

Я улыбнулась Бекке. Она выглядела уставшей. Интересно, она уже проснулась, когда я бегала этим утром? Она улыбнулась в ответ, и я видела, что она испытывает облегчение от того, что между нами все в порядке. Рядом с ней стояла Ханна, которая смотрела на меня, как мышка на кошку. Я лишь мельком взглянула на нее. Она на самом деле никто. Возможно, Бекка решила, что я буду игнорировать ее из-за этой неразберихи с Эйденем. Она ошиблась. Я подумала, а не отправить ли ей

эсэмэску с моим следующим шахматным ходом, пока я не участвовала в читке пьесы? От мыслей об эсэмэсках короста снова зачесалась. Я посмотрела на Хейли и Дженни. Короста в голове затихла, и я поняла, что меня терзало: сообщение с незнакомого номера.

Тогда я осознала, что нужно поговорить с Беккой.

* * *

Она, конечно, не хотела выходить на улицу, потому что собиралась встретиться со своим парнем. Бекка все спрашивала, какого черта мы тут делаем и как это поможет Эйдену. Но я нуждалась в ней, а она никогда не могла мне отказать. Она продолжала ворчать, хотя я видела, что она испытала облегчение от того, что я никому не рассказала о том, какие вопросы полиция задавала нам об Эйдене. Она замерзла и выглядела жалкой, да и я так толком ничего ей не объяснила, но мне нужно было, чтобы она пошла со мной. Чтобы тоже увидела это, если там вообще есть на что смотреть.

У нас были фонари, огромные отцовские квадратные фонари из нашего гаража, не такие, как мамы держат под раковиной. Я сказала маме, что буду у Бекки, она предупредила свою, что будет у меня. Они обе не обрадовались бы, если бы узнали, что мы отправились в лес в темноте. Пожалуй, они обе впали бы в истерику.

– Это касается сообщения, которое я получила в ту ночь, – пыталась объяснить я, наклоняясь, чтобы не задевать ветки.

Тропинки были скользкими от грязи и талого снега. От фонариков перед нами падали широкие полосы белого света, и казалось, будто мы идем при свете двух лун.

– А что с ним? – спросила она.

– Мне незнаком этот номер, так что оно могло быть от кого угодно, но в нем говорилось о встрече в *обычном месте*.

– И?

Бекка, идя позади меня, выругалась себе под нос, зацепившись за ветку.

Я продолжала энергично шагать, на ходу все еще пытаюсь разъяснить Бекке ситуацию. Я сказала полицейским, что мне это

ни о чем не говорит, что было правдой. Не говорило. Но потом я подумала, что это из-за того, что я не знала, чей это номер. В противном случае, возможно, это что-то значило бы. Я идеально рассчитала конец пути и рассказа – для драматического эффекта. Отодвинув последнюю ветку, я вышла на круглую поляну – наше с Хейли и Дженни тайное место встречи.

Узнав, что мы здесь встречались, Бекка удивленно распахнула глаза.

Мы не встречались здесь постоянно, но это всегда было нашим местом, куда можно было уйти от всех. Место, где мы могли бы нанюхаться. Слушать музыку. Ничем не заниматься.

Я видела, что это ранило Бекку из-за того, что она не была частью этого.

– Мы иногда его так называли, когда по телефону назначали встречу. «*В обычном месте?*» или «*На нашем месте?*» – очень похоже на то сообщение.

– Но почему ты тогда не ответила? – спросила Бекка. – И зачем бы кому-то из них использовать другой телефон?

Хорошие вопросы. Я не знаю на них ответов. Бекка курила, глубоко затягиваясь.

– Я не знаю, – медленно произнесла я. – Но мысли об этом не дают мне покоя. Я весь день думала об этом, и у меня возникло странное ощущение, как будто ко мне возвращается память. Может, мы приходили сюда в ту пятницу ночью? В смысле, могут ли они действительно подтвердить свое алиби? Они сказали, что были дома, но я тоже должна была быть дома. А в моих снах я нахожусь в ужасной темноте и слышу, как эта девушка шепчет мое имя, и не могу пошевелиться. Может, это не страх воды. Может, это имеет какое-то отношение к ним.

Бекка пристально смотрела на меня, и я не могла понять, считает она меня сумасшедшей или нет. Я бормотала, как идиотка, это точно. Нужно было найти доказательство. Нормальное доказательство, чтобы убедить ее.

Я стала светить фонарем на землю, двигаясь в сторону упавшего бревна.

– У меня целый день зудело в голове, и я все-таки решила прийти сюда и посмотреть. Мне нужно было, чтобы ты пошла со мной, я не хотела идти одна. Давай все здесь осмотрим, может, что-нибудь тут и найдем. И тогда я перестану думать, что схожу с

ума.

Было видно, что Бекку тронуло то, что я обратилась к ней. Но кого, как не ее, я могла попросить? Кому я могла доверять так, как доверяла ей?

Бекка светила фонариком, внимательно все осматривая, я занималась тем же. Мы обе затихли.

– Смотри. – Бекка присела и уставилась на что-то.

Я тоже посветила туда, и свет стал таким ярким, что даже резало глаза.

А потом я их увидела. Грязные и разваливающиеся, после того как пробыли какое-то время под снегом, но я знала, что это. Что это означает.

Она произнесла это первой.

– Окурки от сигарет «Vogue», – сказала она, взяв один.

Хейли.

Я стала рассуждать.

– Они не могут быть слишком старыми. Она не так давно курит эти сигареты. С тех пор как пару месяцев назад она упала и ходила с фиксатором запястья. Тогда она и перешла на них – я это помню, потому что Дженни написала «Vogue» на ее повязке. Но мы очень давно не приходили сюда. Наверное, не были здесь с прошлого февраля.

Бекка задумчиво посмотрела на меня.

– Может, ты и не была, а они приходили? Ты говорила, что они странно себя ведут. Стали скрытными? Может, они ходили сюда без тебя.

Я тоже размышляла об этом. Бекка на самом деле умнее, чем она считает. Поэтому она хорошо играет в шахматы. Она просчитывает все возможные ходы и помнит предыдущие. Я повернула фонарик, луч скользнул по земле к дереву, и там блеснуло что-то золотое и серебряное. Легче заметить, чем окурки. Обертка от шоколадного батончика. Я произнесла это вслух, для Бекки:

– Я была здесь: «Кранчи» стали моим шоколадным наркотиком только в этом году.

Бекка осторожно пересекла небольшую поляну. Она не прикасалась к обертке.

– Дженни вечно на диете, а Хейли ест шоколад, только когда тренируется перед зачетным забегом, – я снова размышляла

вслух.

– Ты и правда ничего не помнишь?

Я покачала головой, совершенно сбита с толку. Уже была ночь, начинало холодать, и мы в свете фонариков, наверное, выглядели, как персонажи какого-то псевдодокументального фильма ужасов.

– Ну да, в последнее время Хейли и Дженни ведут себя иначе, будто они что-то от меня скрывают, но они ведь не *причинили бы мне вреда*, правда?

Я уставилась на Бекс, ожидая услышать от нее подтверждение этому, но она промолчала и посмотрела за дерево, а потом начала водить лучом вниз и вверх по стволу. Ее лицо было напряженным, серьезным. Она побледнела, и не только от холода.

– В смысле, это же ненормально, – сказала я. Вдруг мне захотелось покурить, несмотря на то, что я вообще-то не курю, так, пробовала один раз, когда мне было тринадцать, но у меня тогда сильно закружилась голова и меня чуть не вырвало. Все становилось слишком реальным. – *Это сумасшествие*. О чем я вообще думаю? Они мои лучшие подруги.

– Посмотри вон туда, – сказала Бекка. – С той стороны дерева.

Я подошла ближе, чтобы увидеть то, на что она указывала. Это был обрывок потертой веревки, зеленой палаточной веревки, из-за мха на коре дерева почти не различимой.

– Может, они привязали тебя к дереву, – сказала Бекка. – Твою ж мать! В смысле охренеть, Таша. Как они могли такое сделать? *Сделали* ли бы они такое?

Пару секунд мы молчали, тишину нарушало только наше прерывистое дыхание. У нас обеих учащенно забилося сердце даже от одной лишь мысли об этом.

– Зачем им это делать? – спросила я.

Она не ответила. Я заметила, что она напряглась, насторожилась. Стала сосредоточенной. Бекка предложила осмотреть всю поляну, искать что-то странное, и я, как и она, нагнувшись, стала выискивать любую подсказку для понимания того, что здесь произошло. Мы низко склонились над раскисшей землей. У меня текло из носа, видно, у Бекки тоже, потому что мы обе громко шмыгали.

– Но зачем им меня связывать? – все же спросила я через несколько минут. – И зачем потом отпускать?

Бекка снова посмотрела на дерево.

– Может, тебе удалось освободиться и ты убежала? Может, это была шутка, которая зашла слишком далеко? Может, ты упала в реку после того, как убежала?

Я уставилась не нее:

– Но мы же говорим о Хейли. Хейли и Дженни.

Она, не пытаясь сгладить впечатление, еще раз прошла по фактам:

– Мы все еще не знаем, что здесь произошло, но вот что известно: в сообщении предлагалось прийти на обычное место. И оно выглядит так, будто вы все тут были, к тому же недавно. И если вы все тут *были* и просто проводили время... – она сделала паузу, чтобы подчеркнуть то, что я не хотела слышать, -...тогда почему они ничего тебе об этом не сказали? *Почему они ничего не сказали, когда тебя нашли?*

– Я не знаю, – пробормотала я, притопывая, чтобы согреться.

– Раз ты привела меня сюда, – продолжила Бекка, – значит, какая-то часть тебя считает, что они как-то с этим связаны.

– Но что случилось с Николой Монро?

– А что с ней? – Бекка выпрямилась и снова принялась рассуждать. – Ее нашли в реке. Это не доказывает связи с тем, что произошло с тобой; она могла упасть в реку или ее бросили выше по течению, возле Мейпула, а потом ее снесло сюда. Эйден пока остается единственным связующим звеном, а он практически ее не знал, да и вообще не сделал ничего плохого. – Меня умилило то, как вызываяще Бекка вскинула подбородок, говоря это. Хотя ей не нужно было меня убеждать в этом. Я ей верю. Я знаю, что Эйден невиновен. – И он же не преследовал тебя или что-то в этом роде, так ведь? – закончила она.

Ей явно хотелось, чтобы вопрос прозвучал как утверждение, но я уловила в нем сомнение – ей была необходима поддержка.

– Конечно нет. Я уже практически о нем забыла. – Я очень осторожно подбирала слова. Даже если мне этого было не понять, он был целым миром для Бекки. Я не хотела ее расстроить или оттолкнуть. Она мне нужна.

– Вполне возможно, что случившееся с ней и с тобой – это никак не связанные события, – заключила Бекка, окидывая

взглядом поляну. – Может, стоит позвонить этой Беннет. Рассказать ей об этом. – Она посмотрела на меня. – Я не могу этого сделать, она подумает, что я просто пытаюсь избавить Эйдена от неприятностей.

Я поняла, что я ей тоже нужна.

– Но что это доказывает? – Я беспомощно пожала плечами. – Ничего. Просто не так давно мы все были здесь. Или они могут сказать, что приходили сюда без меня и одна из них съела этот батончик. Или что кто-то совершенно незнакомый выгуливал собаку тут в лесу. Здесь нет ничего, что бы доказывало, что мы приходили сюда той ночью.

Она знала, что я права. Это выглядело в лучшем случае неубедительно. И они мои подруги. Я не хочу идти в полицию и обвинять их в том, в чем сама не уверена. В смысле, черт... А что, если у меня просто проблемы с головой? Они, наверное, тут вообще ни при чем.

Бекка положила окурок своей сигареты в карман – наверняка не хотела *наследить на месте происшествия*, – а потом прикурила другую. Она прищурилась, о чем-то напряженно размышляя.

– Нам нужно выманить их, – наконец сказала она. – Проверить.

Лицо стало щипать от холода, я так разволновалась, что у меня внутри что-то начало вибрировать.

– Притворись, что начинаешь вспоминать, – сказала Бекка; она оживилась, когда в ее голове начал выстраиваться план. – Ничего серьезного, просто скажи, что время от времени возникают расплывчатые образы, но ты пока не понимаешь, что они означают. Держись с ними слегка настороженно. Что-то в этом роде.

– И что потом? – Я знала, что она собирается сказать, но хотела услышать это от нее.

– Посмотришь, как они будут реагировать. Что будут *делать*.

Она уже дрожала от холода, и мы пошли обратно, осторожно пробираясь между деревьями к такой знакомой мне узкой тропинке, а потом к реке. Наконец мы вышли на главную дорогу. Когда мы уже могли спокойно идти рядом, я взяла ее под руку, будто она была моим парнем. С тех пор как мы в последний раз так ходили, прошло много времени. Я ощущала ее тепло, и меня

это успокаивало. Мне не хватало Бекки, я была удивлена, осознав это.

– Я напишу тебе, приглашу пообедать с нами, – сказала я. – Тогда я это и сделаю. Так мы обе сможем понаблюдать за их реакцией.

Бекка, к моему облегчению, не попросила пригласить и Ханну. Я правда не хочу, чтобы кто-то видел, как я обедаю с Ханной. Это не должно иметь значения, но имеет. Бедная Ханна, ее так легко бросают!

Бекка все еще пыталась разобраться в случившемся.

– Что-то произошло в тот промежуток времени, которого ты не помнишь, – сказала она. – Должно было произойти. Что-то вынудило тебя встретиться с ними посреди ночи и, в конечном счете, чуть не погибнуть. – Она говорила еле слышно, будто это было настолько ужасно, что невозможно было говорить об этом громко.

– Но что могло случиться? Мама говорит, что в четверг ночью я была дома, в своей комнате, а в пятницу, как всегда, пошла в школу. Судя по тому, что говорят все остальные, это был совершенно обычный день.

– Может, со стороны это так и выглядело, – заметила Бекка. – Но кто знает, как оно было на самом деле? Моя мама понятия не имеет, чем я занимаюсь. Если бы ее спросили, что я делала в прошлую пятницу, она бы и словом не обмолвилась о наркотиках и выедании мною мозга у моего парня.

– А что, если они ничего не сделали? Если они просто мне угождают? – спросила я.

– Тогда все Барби воссоединятся и...

От этих слов я замерла и пристально посмотрела на нее.

– *Барби*? – переспросила я. – Даже ты нас так называешь?

Ее рука под моей напряглась.

– Иногда. Это просто прозвище. Я была первой, кто вас так назвал. Несколько лет назад. – Она помедлила. – И тогда это не было комплиментом.

– Да ну? – Настала моя очередь высказаться. – Барби, – повторила я. – Значит, это ты придумала. Ну ты и сука!

Я буквально чувствовала, как от болезненного румянца на щеках Бекки исходит жар, и вдруг рассмеялась. Я так хохотала, что нам пришлось остановиться. Бекка смотрела на меня как на

сумасшедшую, а потом тоже начала смеяться, и в конце концов мы обе стали задыхаться и плакать между приступами неконтролируемого смеха. Барби. Так это ее оскорбительное прозвище мы взяли и *присвоили*. Мы, наша троица, гордились тем, что нас так называют. Барби. И я, и Бекка видели нас такими. Пустыми, пластиковыми, но красивыми. Я все еще этим гордилась. Ничего не могла с собой поделать. Я действительно Барби.

В конце концов мы перестали смеяться, и нам снова стало холодно. Я вытерла слезы, чувствуя, что лицо болит от хохота, и сказала:

– Ладно. Давай все должным образом спланируем.

Нам уже было не до смеха. Дело серьезное.

Мы пригоним коней на водопой и посмотрим, станут ли они пить. Мне нравится планировать, обсуждать все детали. Я не люблю *импровизировать*. Но мы обе играем в шахматы, и если кто и может устроить хорошую ловушку, так это мы.

Когда Джейми принес кофе, Эйден сидел, согнувшись над телефоном, и можно было подумать, что он увлекся перепиской со своей девушкой, но не было слышно характерных звуков. Заинтересовавшись, Джейми перегнулся через стол, за которым сидел Эйден, делая вид, что ищет провод от усилителя. Парень едва это заметил. Он ссутулился, плечи его были напряжены – слишком напряжены для обычной переписки, и он рассеянно покусывал нижнюю губу. На телефоне был открыт «Гугл», и в поисковой строке значилось: *Системы видеонаблюдения на улицах Брекстона.*

– Кофе уже здесь, – сказал Джейми.

Почему парня интересовало, где находятся уличные камеры? И почему он выглядел таким взволнованным? Это имело какое-то отношение к полицейскому расследованию? Конечно, он *хотел бы*, чтобы полиция знала, где он тогда находился. Может, он этого добивается. Может, он хотел убедиться, что они смогут отследить его передвижения в ту ночь после того, как он завез Бекку домой.

– Давай, покури и попробуем доделать этот трек, а потом можем закругляться, – сказал он.

– Конечно. Хорошо. – Эйден неохотно положил телефон на стол и вышел на балкон.

Он никогда не был слишком разговорчивым, но, как правило, атмосфера здесь была раскрепощенной, а не такой напряженной, как сейчас. Эйден физически был тут, но мысленно находился совсем в другом месте.

Джейми успел взглянуть на экран до того, как он погас. Из того, что он увидел за эти пару секунд, на всякий случай закрывая собой телефон от Эйдена, парню было не о чем беспокоиться. В Брекстоне хватало камер контроля скорости и систем уличного видеонаблюдения вдоль главных дорог. Если полиция их проверит, у него все будет в порядке.

Все утрясется, он был в этом уверен. Бисквит, лежавший в своей корзине, вилял хвостом, будто соглашаясь с хозяином. *Да*, думал Джейми. *Ничего страшного не произойдет.* Но он надеялся, что все закончится до того, как придет время сдавать работу. Привлекать другого гитариста на этом этапе стало бы головной болью.

Это действительно разумный план, думала Бекка, стараясь выглядеть непринужденной и расслабленной в углу Барби в общем зале для старшеклассников, хотя и говорила мысленно сама с собой. Она потягивала капучино, который купила в «Starbucks» за углом, как только начался перерыв на обед, но ничего не ела. Да и свой любимый напиток пила без особого удовольствия. Она старалась пить кофе не часто – от него становилось тревожно и даже немного подташнивало, но поймала себя на том, что, несмотря на это, все равно покупает его.

– Расслабься, – сказала Таша, сидящая напротив Бекки. – Они скоро будут здесь.

– Да, я знаю. Просто терпеть не могу ждать.

Это была правда, как и то, что Бекка немного волновалась – не могла ничего с этим поделать – из-за того, что придет Ханна, увидит, как она мило беседует с Ташей, и обидится. Ее снова не пригласили. Бекку можно было уже много раз обвинить в том, что она бросала Ханну ради Таши во время репетиции пьесы, тем более что Ханна тоже участвовала в постановке. В этот раз Бекка не захотела оправдываться, она струсила и не ответила на эсэмэску Ханны насчет обеда. Рисование было у Бекки последним уроком, поэтому она надеялась, что Ханна будет искать ее в классе, – иногда она задерживалась, если не успевала все сделать за урок. Господи, это же смешно! Почему она вообще переживает? Ханна же не ее парень или кто-то вроде того, так почему она чувствует себя виноватой за то, что пару раз с ней не пообедала?

– Вот они, – тихо пробормотала Таша, склонив голову над салатом.

– Привет, – сказала Дженни. – Что происходит? – Она говорила непринужденно, но Бекка заметила, как взгляд ее слегка воспаленных глаз забегал между Беккой и Ташей. – Ты не отвечала на наши сообщения.

– Я решила пообедать с Беккой, только и всего, – сказала Таша.

Она ковырялась в салате, немного ссутулившись. Она выглядела неловкой. «Идеально играет», – подумала Бекка. Ничего удивительного – ведь из них двоих *Таша* была актрисой. Бекка молчала и потягивала горький кофе, пока девочки усаживались.

– Везучая ты, Бекс, – сухо сказала Хейли. – Аудиенция с королевой. Первый ланч вместе за сколько лет?

Дженни метнула на Хейли предостерегающий взгляд через стол.

Предостерегающий или испуганный? Бекка не могла решить. В любом случае, в нем читался укор.

– Я не против, – сказала Дженни. – Мы так нормально и не раззнакомились. – Она улыбнулась Бекке нерешительной, кривой улыбкой, которая, тем не менее, была красивой и располагающей. Бекке стало интересно, как часто она ее практиковала. – Хейли ничего такого не имела в виду. Ей просто нравится играть сучку для показухи.

Бекка вспомнила о найденных в лесу окурках, обертке от батончика, потертом куске веревки. «Насколько далеко они могли зайти ради показухи?» – подумала она и попыталась улыбнуться в ответ.

– Знаете, если это проблема, я могу уйти, – сказала она.

– Нет! – резко и чуть ли не испуганно воскликнула Наташа. – Не уходи.

– Ты в порядке? – Хейли нахмурилась. – Ты странно себя ведешь.

Тогда Наташа подняла глаза на своих *друзей навеки*, как бы оценивая их. Ее явно что-то беспокоило. Она опустила глаза и начала ковырять кожу возле ногтя.

– Мне кажется, я начинаю вспоминать кое-что. Знаете, то, что происходило до несчастного случая со мной.

Тогда Бекка это почувствовала. Как напряглись Хейли и Дженни, застыв на своих стульях. Такая неподвижность вообще не была характерна для школы, где все энергично жестикулируют и постоянно слышен гул голосов. Все вокруг как бы замерло, будто они вчетвером сидели в пузыре из чего-то практически неосязаемого. Бекка подумала, что даже если воображаемые пистолеты еще не вытащены, то руки наверняка зависли над кобурой.

– Вау, – произнесла Хейли после чересчур долгой паузы. – Это здорово.

Она не смотрела на Бекку, ее взгляд был сфокусирован на Наташе. Хейли нервно сглотнула. Бекка чуть не пропустила это предательское движение, но оно было. Страх? Или просто естественная реакция на такую новость?

– Что-то, что можно рассказать полиции? – помолчав, спросила Хейли.

– Пока нет. – Таша отодвинула тарелку с салатом. – Это как вспышки. Обрывочные картинки. Ничего, чем я могла бы поделиться. Я пока не понимаю, что все это означает. Если это вообще хоть что-то значит.

Дженни стала дергать прядь волос, накрутив ее на палец. В другой ситуации это выглядело бы сексуально или кокетливо, но сейчас она явно была напугана и ошарашена услышанным.

– Что ж, если ты захочешь об этом поговорить, дай знать, – сказала Хейли. – Мы всегда можем зайти к тебе вечером, если тебе это будет нужно.

– Было бы здорово! – нервно и чрезмерно возбужденно произнесла Дженни. – У моей мамы новый парень. Они каждую ночь пьют и сношаются. – Она поморщилась. – Это отвратительно. Звуки, которые они издают. Спасите меня!

– Странно, что мы не были у тебя с тех пор, как это произошло. – Хейли была королевой хладнокровия, но все же ее голос прозвучал с надрывом. Она явно ощущала себя отстраненной. Теперь она смотрела на Бекку с упреком, будто обвиняя ее в этом.

«Что им известно? – задавалась вопросами Бекка. – Они что-то подозревают? А может, они на самом деле ни в чем не виноваты?»

– Может, и поговорим, – сказала Таша. – Но я ничего не понимаю. Как-то странно себя чувствую. – Она подняла глаза. – Похоже, мне нужно личное пространство. Не знаю, почему. – Она колебалась, прежде чем произнести следующие слова, и все три девочки слегка подались вперед. – Это, возможно, прозвучит глупо, – продолжила Таша, – но не ругались ли мы в тот день? Почему у меня ощущение, что так и было?

– Если тебе нужно личное пространство, то почему здесь Бекка? – спросила Хейли.

Дженни засмеялась. Вернее, это было истерическое хихиканье.

– С чего бы нам ругаться? – сказала она.

– Нет! – заявила Хейли. – Мы не ссорились. – Она помолчала. – Тебе надо как-то расслабиться. Не напрягай память. Твой мозг, наверное, вытворяет всякую хрень, пытаясь заполнить свободное место. Знаешь, это называется ложными воспоминаниями.

– Возможно, – сказала Таша. – Скорее всего.

– Может, нам надо попробовать совсем об этом не думать и не говорить, – добавила Хейли.

Ты бы обрадовалась, подумала Бекка, не так ли? Если бы она никогда ничего не вспомнила?

– Мне пора, – сказала Дженни, резко встав. – Нужно поговорить с мистером Герриком об экзамене по математике. Я ношу с собой мамин чек за пересдачу уже несколько дней. Если я его не отдам, а на счете опять будет недостаточно средств, она меня прибьет.

– Тебе прямо сейчас нужно это сделать? – спросила Хейли.

Дженни, не ответив, сорвалась с места, перекинув волосы вперед, чтобы они не цеплялись за ремень сумки. Она шла, покачивая бедрами, по-

видимому, совсем не задумываясь об этом; ее тело было гибким и подтянутым. На нее смотрели не только мальчики, но и девочки тоже, и на их лицах Бекка видела стремление заполучить хоть немного того великолепия, что исходило от Дженни. Желание обладать этой магией Барби.

– Прямо как в старые времена, – заметила Хейли, переводя взгляд с Бекки на Ташу. – Разве что Бекка наполовину меньше, чем была тогда.

– Охренеть, как смешно, – сказала Бекка. – А от тебя как от личности осталась половина.

– Это был комплимент, – огрызнулась Хейли. – Господи, я не помню, чтобы ты была такой обидчивой!

Телефон Бекки завибрировал. Ханна. Где ты? Я у батареи. Как всегда!

– Вот уж личность... – с презрением бросила Хейли.

Это был болезненный укол. Хейли явно намекала на социальную неразвитость Ханна. Но что Бекка могла поделать?

– Не будь сукой, – осадила Таша Хейли, и у той глаза расширились от удивления.

– Серьезно? Будто ты не говорила кое-что и похуже!

– Мне нужно идти, – сказала Бекка.

Ее сердце по-прежнему колотилось – ее напрягала эта игра в кошки-мышки, которую они с Ташей затеяли, и она не хотела, чтобы Хейли вспоминала, какие гадости они говорили о Ханне. И хотя Бекка начинала стыдиться ходить с ней, Ханна все равно *была ее подругой*. К тому же Таша может узнать больше, оставшись наедине с Хейли. Дженни и Хейли что-то скрывали, это точно. Но что? Они действительно могли столкнуть Ташу в реку? Да, она уже это допускала – определенно, допустила вчера ночью в лесу, – и все же здесь, в ярко освещенном и таком привычном общем зале, это казалось чем-то нереальным.

– Я напишу тебе позже, – сказала она Таше, наслаждаясь тем, что это явно взбесило Хейли. – Не забудь о репетиции после уроков.

– Мы не забудем, – съязвила Хейли.

Бекка бросила быстрый взгляд через плечо, когда дошла до двери общего зала. Они обе молчали. Лицо Хейли было напряженным. Задумчивым. Бекка заговорщически подмигнула Таше, и та подмигнула ей в ответ.

Извини, меня тут кое во что втянули, написала она Ханне. Потеряла счет времени. Нужно заскочить в туалет. Увидимся там.

Конечно она придет. Бекка вздохнула. Ханна никогда бы не ответила: Ладно, увидимся позже, мне лень идти. Ханна всегда ждала ее.

В женском туалете была занята только одна кабинка, и в тишине Бекка услышала доносившийся оттуда звук, будто что-то сильно втягивают носом, а потом два-три коротких шмыганья. Наконец дверь открылась. Это была Дженни. Увидев Бекку, она отшатнулась, и ее рука инстинктивно взлетела к носу, чтобы его вытереть, но белый порошок еще остался на нем.

– Что? – Она настороженно посмотрела на Бекку. – Ну что ты уставилась?

– У тебя порошок под носом. – Бекка не знала, что еще сказать. Она была поражена. Покурить за школой – это одно дело, но нюхать кокаин или что-то еще в обеденный перерыв?! Это было как небо и земля.

– Что, черт возьми, происходит, Дженни? – выпалила она. – В смысле что это за хрень?

– Ой, отвали, – сказала Дженни, и ее глаза вдруг наполнились слезами. – Что ты вообще знаешь? Ты не поймешь.

– Чего я не пойму?

Дженни икнула, это было похоже на что-то среднее между всхлипом и смехом.

– Смешнее всего то, что, даже если я тебе скажу, ты все равно не поймешь.

Пульс Бекки ускорился, она слышала, как сердце стучит в ушах. Что происходит? Дженни чуть не призналась? Она вспомнила леди Макбет из прошлогодней пьесы, которую чувство вины довело до безумия. Дженни принимала наркотики, чтобы справиться со всем этим?

– А ты попробуй.

– Да уж, конечно. А ты что, моя подруга? Я вижу, как ты на меня смотришь. Будто я какой-то мусор. – Она оттолкнула Бекку и подошла к раковине. – Тебя волнуют только собственные проблемы, Бекс. Я не знаю, какую игру ты ведешь, но мне не нужна твоя жалость.

Дверь открылась, и поспешно вошла Ханна, прижимая толстую папку на кольцах к своей плоской груди. Растерянная, и все же олицетворение нормы.

– Вот ты где, – сказала она. – Господи, мне так не хочется идти на географию! Уверена, он хочет, чтобы мы умерли со скуки. Почему все так сложно для тех, кто сдает экзамены второго уровня? Я дожидаться не могу репетиции. У меня есть несколько идей по поводу декораций, хотела

обсудить их с тобой. – Поток ее речи оборвался, и взгляд начал метаться от Бекки к Дженни и обратно. Как у жертвы, а не охотника. – Все нормально?

– Да, все хорошо, – резко ответила Бекка.

Ханна посмотрела на Дженни:

– А ты как, Джен? Выглядишь расстроенной.

– Я в порядке, – сказала Дженни. То ли она смогла взять себя в руки, то ли то, что она нюхала в туалете, начало действовать и придало ей уверенности. Она улыбнулась Ханне. – Спасибо.

– Не за что, главное, что ты в порядке.

Бекка удивилась тому, что Ханну это вообще волновало. С каких это пор она интересовалась Барби? Они существовали в разных мирах, и Ханна была просто букашкой у них под ногами. Она же наверняка это знала!

Дженни кивнула.

– Да, ничего страшного. Увидимся на репетиции. – Она прошла мимо Бекки, будто ее здесь и не было, а потом исчезла за дверью.

– Что все это значит? – спросила Ханна.

– Не знаю. Она уже была такой, когда я пришла.

– Ну, ты могла бы быть с ней и поласковой. Бедняжка.

– Что значит *бедняжка*?

То, что Ханна, это бесхребетное существо, подобие девушки, может сочувствовать кому-то столь величественному, как Дженни, было за гранью понимания Бекки. И Дженни сильно огорчилась бы, если б узнала об этом. Бекка подумала, что это стоит добавить в свой арсенал, на всякий случай. Это раздавило бы Дженни. Ханна Альдертон жалеет ту, которая могла причинить вред Таше, которая, возможно, даже пыталась ее убить.

– Мне просто ее немного жаль, вот и все, – сказала Ханна. – Ей пришлось нелегко. Ее отец не самый лучший человек, судя по тому, что говорит моя мама.

– Что твоя мама может об этом знать?

– Она работала в больнице где-то за Глиброу. И видела, как они туда приходили. Дженни с мамой. До того как отец Дженни сбежал. Она слышала рассказы врачей.

– Что, например? – Бекка была заинтригована.

– Такие вещи, которые я обещала никогда никому не рассказывать.

– Даже мне? Ой, да ладно!

Ханна была такой старомодной! Кто держит в секрете такие вещи? Они же лучшие подруги, так ведь? Ей стало стыдно при этой мысли. В последнее время Бекка вела себя совсем не как лучшая подруга, а Ханна была кем угодно, но не дурой. Она это знала.

– Даже тебе. Она и мне этого не должна была говорить, – сказала Ханна и заперлась в кабинке. – Достаточно того, что теперь у Дженни все хорошо, учитывая обстоятельства.

– Ну, как хочешь, – раздраженно пробормотала Бекка.

– И, чтобы ты знала, она лучшая из них, с моей точки зрения. Мне она кажется доброй. Нежной, под этой оболочкой.

Бекка думала, сколько времени Ханна потратила на изучение Дженни. Она умирала от зависти и в то же время фантазировала, что Дженни на самом деле добрая красавица? Какая хрень! От Ханны она такого не ожидала.

– Так чем ты занималась в перерыв? – спросила Ханна, когда они отправились на следующий урок.

– Да ничего особенного, – ответила Бекка, не отрывая взгляда от истертого линолеума на полу школьного коридора. – Я заговорила с Ташей и никак не могла уйти. Она купила мне кофе в «Starbucks», а там была очередь, поэтому я вернулась в школу позже, чем рассчитывала. – Она пыталась не думать о том, с какой легкостью врет. *Чем я занималась в обед? Да все как всегда. Знаешь, я пыталась разобраться, могли ли две девочки чуть не убить свою подругу на прошлой неделе. Все как обычно.*

– Я так и подумала, – тихо сказала Ханна. – Вы снова становитесь закадычными подругами. Но я все еще считаю, что тебе стоит быть с ней осторожней. Она способна на подлость. Я училась с ней в первом классе. Она уже тогда была задирой. Хочешь, я расскажу, что случилось с классным хомя...

– Ты что, мой телохранитель? – огрызнулась Бекка, не дав ей договорить. – Не допускаешь, что она могла повзрослеть? В последнее время она не поступала со мной подло. Она подарила мне дорогие шахматы в благодарность за то, что я ее навещала. Я что, должна была игнорировать ее? – Она поняла, что это звучало как оправдание, и попыталась держать себя в узде. – Как бы то ни было, я бы не называла нас *закадычными подругами*. Она просто прилично себя ведет. А что, это так важно?

– Нет, – сказала Ханна, вызываясь вскинув подбородок. – Полагаю, не важно. – Они дошли до места, где им надо было расходиться. – Увидимся на репетиции, – и она, даже не посмотрев на Бекку, зашагала прочь.

Бекку это задело – *кто такая Ханна, чтобы так себя с ней вести?* – но тут же вспомнила, как всегда хотела, чтобы у Ханны появился хребет. Нельзя было совместить несовместимое. Ханна просто бывает чересчур заботливой, только и всего, а Бекка чуть не отгрызла ей голову за это. *И ты*

соврала, мысленно добавила она. Ты соврала своей подруге из-за девочки, которая когда-то тебя бросила. Бекка повернулась, чтобы ее окликнуть, но Ханна к этому времени догнала девушку, которую Бекка не знала, и они уже что-то обсуждали. Она смотрела, как Ханна смеялась над словами своей знакомой. Это тоже ее укололо. Может, у Ханны все же есть еще друзья. Бекка не могла разобраться в своих чувствах по этому поводу.

Перестань быть такой стервой, говорила она себе, направляясь на урок театральной техники. *Иначе ты превратишься в Барби. Одну из тех самых Барби. Кем бы они ни были.*

28

14.10

Хейли

Почему ты так резко свалила? Оставила меня там?

14.11

Дженни

Мне стало плохо. Таша начинает вспоминать!!! Видела Бекку в туалете. Она сука. Могу поспорить, она знает!:-)

14.12

Хейли

Не думаю. Она что-то сказала??? Все равно не знает, что Таша вспоминает. Если вообще хоть что-то. Ничего толком не говорила, когда остались вдвоем. Просто странно так на меня смотрела.

14.12

Дженни

Она сказала, что мы поругались! Она помнит это! Хочу заболеть. Мне кажется, что я не могу дышать.

14.13

Хейли

Не думаю, что она действительно помнит. Она бы сказала.

14.13

Дженни

Откуда ты знаешь? Ты всегда считаешь, что все знаешь.

14.13

Хейли

Нет! Просто пытаюсь успокоиться.

14.14

Дженни

Серьезно подумываю о том, чтобы сбежать. Бежать и не останавливаться.

14.15

Хейли

У тебя нет денег. Думаешь, он даст тебе денег??? Тебе не нужно уходить.

14.15

Дженни

Я не могу нормально думать.

14.16

Хейли

Это потому, что никогда не была нормальной (;-)) Может, мне стоит быть более милой с Беккой? Мы же были подругами. Посмотрим, может, удастся выяснить, рассказывала ли ей Таша о чем-то. Не могу понять, почему они опять так подружились.

14.16

Дженни

Она скоро все вспомнит:-((

14.16

Хейли

Пока не вспомнила. Нужно кое-что выяснить.

14.16

Дженни

Я просто хочу, чтобы все убрались подальше. Забыть обо всем этом.

14.17

Хейли

:-(

14.17

Дженни

Извини за резкость. Я не это имела в виду. Просто мне страшно.

14.17

Хейли

Я знаю. Цём-цём. Лучшие друзья. Ха! ;-)

14.18

Дженни

Лучшие друзья. ;-). Теперь удаляй. (Я первая!)

Взято из

МАТЕРИАЛОВ, СОБРАННЫХ ИНСПЕКТОРОМ КЕЙТЛИН БЕННЕТ:

ВЫДЕРЖКА ИЗ ДНЕВНИКА НАТАШИ ХОУЛЕНД

На репетиции мы мало читали пьесу. Мистер Джонс сказал, что это по сути игра характеров. Эти люди на самом деле существовали. Джон Проктор погиб, потому что не захотел пойти против своих убеждений. Он не мог признаться в том, чего не делал, даже чтобы спастись.

Я считаю, что Джон Проктор должен был хорошенько подумать, прежде чем совать свой член служанке-подростку между ног.

Мистер Джонс ходил взад и вперед, пока рассказывал, и все девочки восхищенно смотрели на него, приоткрыв рты, – подсознательно готовые к тому, чтобы переспать с ним или что-то вроде того (боже, я стала более грубой после того, как умерла), будто он был каким-то голливудским сердцеедом. Мистер Джонс зацепил даже мальчишек. Он обладает всем, чего они хотят. Уверенность, *легкость*. Пьеса была сексуально заряжена, и помещение буквально вибрировало от этой энергии. Иногда мне кажется, что в школах больше сексуального напряжения, чем где-либо еще. Даже я иногда это чувствую. Как тут, в зале.

Мы стали репетировать общую сцену, где мне нужно было вести своих танцовщиц. Тех девочек, которых Эбигейл Вильямс берет с собой в лес, чтобы наложить заклятие на бедную Элизабет Проктор. Когда мы попытались симпровизировать то, что они делали, я размышляла над тем, сколько во всем этом иронии, и хотела сказать Дженни: «Ох, *подтекст!*», когда она подошла, нервная и робкая, как и ее персонаж Мэри Уоррен. Руки, подергиваясь, висели вдоль туловища, а глаза были опущены, хотя мы еще не начинали играть, но я сомневаюсь, что Дженни знает, что такое подтекст. Я вспомнила о той поляне в лесу – нашей поляне. Окурки, обертка от шоколадного батончика. Пока я болтала с Мейси и Эллой (Рут Путнем и Мерси Льюис – обе *изливали* на нас с Дженни свой *восторг*, будто, получив эти роли, они стали почти что Барби), могу поспорить,

Дженни тоже об этом думала. У нее покрасневшие глаза. Слезы? Недостаток сна? Наркотики? Зная Дженни – а я ее знала, – это, скорее всего, наркотики, но, может, и всё вместе. Может, мне снилась темнота, а ей – лес.

Я осмотрелась в поисках Хейли – *за это время насчитала тринадцать тонких деревянных панелей на стене*, – она была в другом конце зала, репетировала с Джеймсом Энсором. Им нужно было сымпровизировать ненаписанную сцену, где Элизабет узнает о романе Проктора с Эбигейл, то есть *со мной*. Она подняла глаза, будто почувствовала, что я смотрю на нее, и нерешительно улыбнулась, а я задалась вопросом, часто ли она смотрит в мою сторону. Шутки ради я не ответила ей тем же. Она побледнела. Мне было это видно даже на таком расстоянии.

Они *мои* Барби. Тут моя власть. Пока еще.

Бекка сидела в сторонке за столом, чертя схемы на большом листе бумаги. Ханна рядом с ней не было. Она была где-то за кулисами, перебирала костюмы в шкафу и доставала заготовки для мизансцены и панелей. Тем не менее я слышала, как она говорила Бекке, что будет делать. Интересно, они ругались? Ханна пыталась быть жесткой, но она всегда чувствовала чужую боль.

Бекка метнула взгляд вверх, наверное, к занавесу и такелажу, раздумывая, что она может с этим сделать. Она на самом деле очень креативная, хоть у нее все и основывается на логике – как раз то, что нужно нашему театру. Так как это школа исполнительских искусств, музыкальное и драматическое отделения приносили больше всего прибыли. Местные любительские труппы (насколько это трагично? Печальные обломки людей, цепляющихся за давно ушедшие мечты) использовали наш зал для своих летних выступлений, когда школьники были на каникулах.

Во время перерыва, когда остальные сбились в кучку, я подошла к ней. Сказала, что это хорошо выглядит, хотя не совсем понимала, что передо мной. Она делала зарисовки углем, и это было, как будто ты видишь дизайнерский эскиз платья и пытаешься представить, как эта вещь будет выглядеть в реальности.

– Я думаю сделать сцену в центре, – сказала она, – чтобы зрители сидели со всех сторон. Тогда основной состав все время будет на сцене, и актеры, когда они не задействованы, просто будут отходить в сторону и наблюдать за происходящим.

– Это круто, правда, – сказала я, действительно так считая. – Это умно. Акцентирует внимание на том, что общество всегда наблюдает за каждым.

Она улыбнулась.

– Правда, нужно, чтобы еще мистер Джонс это утвердил.

– Что это?

Мы обе подняли глаза на Хейли. В ее тоне звучало скорее любопытство, чем недовольство.

– Вот здесь. – Подойдя ближе, она ткнула пальцем в то место на эскизе, где находился угол сцены.

Бекка терпеливо объяснила, что так она обозначила осветитель. Она бросила на меня заговорщицкий взгляд, в котором читался намек на наш тайный союз.

– Нужно будет сделать так, чтобы источники света были расположены по сторонам квадрата. С этим не должно быть проблем, Кейси может этим заняться, она классно все делает на высоте. А первую линию осветительных приборов мы можем оставить на месте – вдруг директор захочет провести здесь какое-то мероприятие до спектакля.

Бекка была на коне, чувствовала себя комфортно в своей стихии, но я видела, что Хейли ее не понимает. Логическое мышление – не ее конек, так что для нее это были просто наброски на бумаге.

– Я собиралась пойти перекурить, – сказала она. – Пойдешь? – Она не смотрела на меня, но у нее на скулах появились ярко-розовые пятна.

– Конечно, – ответила Бекка через мгновение. – Почему бы нет?

Она была хороша. Даже не оглянулась, когда они неторопливо побрели к выходу. Я посмотрела на Дженни. Они с Хейли в ту же секунду обменялись взглядами.

У всего этого был подтекст, тут, в этом гуле театра. Внутри нас жужжали секреты.

Что за паутину вы плетете? Я думала об этом, переводя взгляд с одной идеальной *лучшей подруги* на другую. Дженни, нервная Дженни, ошеломленно смотрела на меня. Я, опустив голову, стала рассматривать наброски Бекки.

– Хороши, правда? – Голос был похож на звуки, издаваемые потекшим краном, хлюпающие и раздражающие. Ханна.

Я не ответила, просто пренебрежительно посмотрела на нее, хихикнула и отошла. Ханна взяла сумку и ушла. Я видела, что она кому-то пишет эсэмэску. Наверное, сообщает Бекке, что уходит. Она злилась на меня, и, несмотря на это, все еще была прихвостнем Бекки. Она всегда была такой. Еще в детском саду. Я помню, как она три раза описалась. Она была *такой* девочкой.

Наконец репетиция закончилась и нам похлопали за наши экспромты. Все были радостно возбуждены, как будто знали, что эта пьеса может стать чем-то особенным, если постановка будет удачной. Мы должны стать командой, сказал мистер Джонс, он имел в виду пирамиду, выстраиваемую группой поддержки. Те, кто внизу, поддерживают тех, кто наверху.

После того как все мы напились воды, которую мистер Джонс принес из своего колодца, он покинул театр, и группа раскололась. Дженни пробормотала что-то про шкафчики и направилась к главному зданию школы, а я, Хейли и Бекка шли не спеша, стараясь держаться непринужденно, хотя внутренне были напряжены.

Бекка шла посередине – веточка терна меж белых роз, – когда мы вышли в морозную ночь. Несмотря на позднее время, в школе все еще было многолюдно. Кроме нашей репетиции, были и другие внеклассные занятия. Мальчишки в грязной футбольной форме залезали на задние сиденья ожидающих их внедорожников или, смеясь и дурачась, направлялись к магазинам, где, несомненно, набьют свои сумки жирными чипсами.

У меня заурчало в животе. Как чудесно быть парнем, иметь возможность есть все, что захочется. И даже гордиться этим, а не чувствовать себя преступником.

Кто-то нас окликнул:

– Наташа! Хейли! – и помахал нам рукой.

Я нахмурила брови, поскольку не могла разглядеть, кто это, только силуэт на фоне яркого света фар. Фигура в темноте. Интересно, прошепчет ли она сейчас мое имя? Я не считала припаркованные машины. Я знала, что их тринадцать.

– Это твой папа? – спросила Бекка.

Да, точно, он. Я испытала невероятное облегчение, а потом почувствовала себя глупо из-за того, что запаниковала. Мне не из-за чего было паниковать. (Если доктор Харви когда-либо это прочтет, она действительно решит, что я чокнутая и запрет меня. Лучше я это сожгу.)

Потом Хейли радостно спросила:

– Что он здесь делает?

Мне кажется, что она немного влюблена в моего отца, как бы дико это ни звучало. Мы наконец подошли к нему, сначала Хейли, потом я, а после нас Бекка, неловкий хвостик. Он, наверное, рано освободился, поэтому приехал, чтобы нас подвезти. Дойдя до дороги, мы увидели, как он

улыбается, приятно удивленный.

– Я бы могла сама дойти, пап. – В моем голосе улавливалось недовольство, но его улыбка не дрогнула. Он был настроен оставаться довольным.

– Но я уже здесь. И на улице холодно, – сказал он. – Хейли, поужинай с нами, если хочешь. У нас всегда наготовлено на целую роту.

Он наконец увидел Бекку, сбоку-припёку, которая слегка махнула ему рукой, а потом, снова уткнувшись в телефон, стала набирать сообщение. Без сомнения, она переписывалась с Ханной, пыталась с ней помириться. То, что папа удивился, увидев ее, напомнило Бекке, что она не Барби. Кем бы она ни была, но она не одна из нас.

– На самом деле я очень устала, – сказала я. – И мне еще делать домашнее задание. – Я улыбнулась Хейли – ну просто сама невинность, и она сразу же начала мне поддакивать, хотя я знала, что она крайне разочарована.

– Тебя подбросить? Я могу завезти Ташу, а потом тебя. Пять минут дела.

В этот жуткий момент меня осенило, что, возможно, папе тоже немного нравится Хейли. Я видела, что она растерялась. Было холодно, а ехать в автобусе в час пик – это просто ужас. Я молчала и сохраняла бесстрастное лицо, и она не знала, как поступить.

– Нет, все в порядке, Гэри, – наконец сказала она и стала что-то говорить о встрече с Дженни, но это был всего лишь предлог, вежливый отказ.

Как только она это сделала, я предложила Бекке подвезти ее – и будто всадила нож в спину Хейли и слегка его крутнула.

– Нет, не стоит, – сказала Бекка. – Все в порядке. Честно.

Я не спорила. На самом деле мне хотелось проехаться в тишине, да и мы с Бекс не могли говорить при моем папе о том, что было для нас важно. Он бы подумал, что мы сумасшедшие. Что он вообще о нас знает? Наши родители думают, что понимают нас, но это не так. Для них мы все еще дети.

Я надеялась, что Бекка не будет сегодня вечером встречаться с Эйденем. Может, он сильно переживает из-за того, что его могут арестовать, и не захочет с ней увидеться. А может, его уже арестовали. Нет. Это не так. Я бы знала – мне бы сказали. Я та золотая девочка, что умерла на тринадцать минут. Меня раздражает то, что у Бекки он все время на первом месте. И правда, Эйден! Я этого не понимаю. И это важно. Это вопрос жизни и смерти. Это я.

Они извивались, как червяк на крючке, мои лучшие подруги. Именно так я подумала, когда закончила говорить с Беккой. Я лежала на кровати и похлопывала телефоном по одеялу, размышляя над этим. Мой взгляд рассеянно блуждал по шахматной доске. Бекка передает разговор практически слово в слово – знает, что надо запоминать. Без расплывчатых ну, *они вроде так сказали* или *там было что-то в этом роде*. Детали имеют значение, и Бекка это знает.

Она сказала, что, когда они вышли покурить, Хейли засыпала ее вопросами. Неудивительно. Хотела узнать, что я вспомнила. Бекка сказала, что не имеет ни малейшего понятия. Хейли очень старалась быть с ней милой. Раздраженная. Нервная. Извинялась за то, что вела себя как стерва, и ностальгировала по былым временам. Сказала, что нам всем нужно чаще гулять вместе. Бекка подыгрывала ей, но не перестаралась. Была милой, но держалась слегка настороженно. Она спросила у Хейли, правда ли, что мы поссорились, и Хейли опять отрицала это, но Бекка сказала мне, что она напряглась. Не смотрела ей в глаза. Так что Бекка сменила тему, не желая слишком сильно давить на нее.

Интересно, что для начала они решили попытаться снова подружиться с Беккой, возможно, думая, что она будет им за это настолько благодарна, что расскажет все, что я «вспомнила» (если бы!). Наверняка они понимают, что им это не удастся, но, похоже, у них нет выбора. Может, они уже впали в отчаяние, поняв, что я выстраиваю линию фронта. У меня скрутило желудок, когда я об этом подумала. Все выбилось из колеи.

Я проверила «Facebook» с телефона. Ни одна из них не была онлайн, и они не обновляли свои страницы. Это странно, особенно для Хейли. Нам нравилось собирать *лайки*, а потом сравнивать их количество. Я знаю, Хейли просто счастлива, когда у нее их больше, чем у меня. Будто она может со мной соперничать.

Я продолжаю проверять уведомления. Мой пост, который я написала, вернувшись домой, о том, как мне нравится пьеса и люди, участвующие в ней, собрал уже больше сорока лайков и двадцать комментариев, а девочки, которых я отметила, перепостили его, в восторге от того, что я их упомянула. Я не читала комментарии. После случившегося со мной лайкать все, что бы я ни написала, стало законом «Facebook». Хотя, честно говоря, до этого все было практически так же. Я отправила Бекс запрос на добавление в друзья. Я должна была сделать это раньше, но некоторые

вещи не терпят спешки. Сейчас подходящее время. Теперь у нас есть свои секреты. И нам стоит быть друзьями хотя бы в «Facebook».

Я, сама не знаю почему, зашла на страницу Эйдена. У него информация скрыта, поэтому я могла видеть только его фото, на котором он запечатлен играющим на гитаре на сцене какого-то дерьмового клуба. Его мокрые от пота волосы упали на лицо (*о боже, это же клише образа всех так называемых рок-звезд, и, о боже, какая же я стерва*), а на обложке было размещено фото какой-то группы, о которой я никогда не слышала и не хотела слышать. Но на странице еще было написано, что он в отношениях с Ребеккой, Бекс, Крисп, и что он *работает музыкантом*. Я вспомнила его выражение лица, когда я смеялась над ним, лежащим на земле, и мои пальцы пробежались по маленькой клавиатуре. Я кликнула сначала на «добавить друга», а потом на «написать сообщение».

Привет, просто хотела поздороваться и сказать, что не думаю, что ты как-то связан с произошедшим со мной. Просто чтобы ты знал. Обнимаю, целую, Таша.

Когда я это отправила, в животе завибрировало от волнения, и я все еще думала, что, может, не стоило ему писать, особенно после того, как им заинтересовалась полиция, но что сделано, то сделано. Я еще раз поискала в онлайн-Хейли и Дженни, но они пока не появлялись.

Посмотрев на шахматную доску, я вдруг ясно увидела свой следующий ход. Бекка забрала коня и две пешки, но мы обе играли агрессивно, и у нее тоже были потери. Вдруг я поняла, как заставить ее ферзя покинуть безопасную позицию и забрать одного из ее слонов. Я послала ей сообщение со своим ходом.

И еще я отправила сообщение Дженни, чтобы немного ее встряхнуть. Пусть они обе попотеют в выходные.

*Что ты сделала, Джен?
Я знаю, что вы с Хейли что-то сделали.*

Телефон сразу завибрировал, но это была Бекка.

Хороший ход! Корова!

Так и есть, решила я, не дождавшись ответа от Дженни. Это был хороший ход. Они запаниковали и уже созвонились? О чем они говорят? Я

представила их, извивающихся на крючках, и в моем воображении они постепенно превратились в опарышей, слепых и тупых, отчаянно пытающихся освободиться.

* * *

Я все еще думала об опарышах, когда легла спать. Не хотела, но думала. Представила, как они кишат в раздутом посиневшем трупe Николы Монро. Я представила, как обвисшая кожа сползает с нее, пока ее вытаскивают из реки, и, возможно, при этом опарыши или что-то подобное, извиваясь, падали в ледяную воду. От этих мыслей у меня все тело зачесалось. Я стала глубоко дышать и пыталась думать о другом. Пьеса. Неровная почва моей дружбы. Поляна. Мне хотелось надеть спортивные штаны и пойти побегать, чтобы ни о чем этом не думать, но тогда мне бы пришлось объясняться с родителями – мою тайную пробежку выдали бы грязные, пропитанные потом вещи, и ни мама, ни папа не поняли бы меня, испытывающую *потребность в уединении*.

Я выключила свет в положенное время, прокричав до этого обязательное пожелание спокойной ночи и закрыв дверь на замок, чтобы мама не могла вторгнуться в мое личное пространство. Раньше она соглашалась с тем, что оно мне необходимо, но после этого происшествия стала довольно назойливой. Она гладит мои волосы, как в детстве, а если она теряет бдительность – обычно, когда выпивает слишком много вина, – я вижу страх в ее глазах. Она страшится того, что могло случиться, что почти произошло. Мне ее жаль, но я не могу ей помочь. Я пережила это. Это я была мертва тринадцать минут. Если я могу с этим справиться, то она тоже сможет.

Чтобы я могла уснуть, доктор Харви предложила мне принимать нитол [\[8\]](#), после того как я перестала пить сильное снотворное. Я не хотела ничего сильнодействующего. Ничего, что могло насильно погрузить меня в сон. Я должна контролировать ситуацию. Не знаю, действуют они или нет, но я все равно их принимала. Думаю, что слабо, но действуют. Я чувствовала, как мое дыхание замедлилось, несмотря на то, что я боролась с затопляющей меня темнотой, цепляясь, в том числе и головой, полной опарышей, за ветви сознания.

В конце концов бесконечная тьма заявила на меня свои права. Возможно, какая-то часть меня хочет уйти в пустоту. Она ужасает меня, но также и очаровывает. Она холодная, необъятная. И я снова слышала шепот.

На этот раз я слушала.

30

10:14

Дженни

Вот что она мне только что написала. Она знает. Эта чертова сука помнит! Ненавижу ее. Я, черт возьми, ее ненавижу.

10:16

Хейли

Она же не говорила, что на самом деле помнит? Не такими словами.

10:17

Дженни

Это Таша. Кто ее знает? Она точно что-то помнит! Это такая лажа.

10:17

Хейли

Она нас проверяет. Не думаю, что она помнит. Не все.

10:18

Дженни

Прекрати говорить так. Откуда ты знаешь? Как же мне это надоело! Я не выдерживаю чертов стресс из-за того, что все время притворяюсь. Она скоро вспомнит. Что мы тогда будем делать??

10:19

Хейли

Я что-нибудь придумаю.

10:19

Дженни

Тогда думай быстрее.

10:20

Дженни

И не говори мне удалять. От этой фигни я тоже устала.:(

10:21

Хейли

Но ты же удалишь?

10:22

Дженни

Да.

10:22

Дженни

Лучше бы она умерла. Она должна была умереть.

10:23

Хейли

Да уж, должна была.:(Я что-нибудь придумаю.

Выдержка из газеты «Мейпул Газет», суббота, 23 января

Полиция все еще не назвала официальную причину смерти местного подростка Николы Монро, чье тело было найдено в реке между Мейпулом и Брекстоном в прошлое воскресенье. Сотрудник пресс-службы подтвердил, что полиция прорабатывает версии по этому делу, но отказался комментировать возможность связи между смертью мисс Монро и инцидентом, произошедшим с Наташей Хоулэнд, которая чуть не утонула.

В пабе «Нэг и Пайнэпл», в котором работала Никола, в субботу с двух часов дня будут собирать для семьи Монро средства на погребение.

Выдержка из газеты «Брекстон Сандей Геральд», воскресенье, 24 января

Наш источник из Килморнского центрального полицейского участка подтвердил, что детективы ведут расследование в отношении подозреваемого, который может быть причастен к смерти девятнадцатилетней Николы Монро, чье тело было найдено на прошлой неделе в реке Риббл, и нападению на шестнадцатилетнего подростка Наташу Хоулэнд, в результате чего ученица Брекстонской муниципальной школы была практически мертва в течение тринадцати минут.

Сотрудники полиции, как мы полагаем, допрашивали девятнадцатилетнего молодого человека из Брекстона, который знал обеих жертв, но до этого времени не было никаких заявлений о его аресте. У этого молодого человека, музыканта, бывшего ученика Брекстонской муниципальной школы, сейчас отношения с одной из старшеклассниц этой же школы.

Они начали рано. Был полдень, но все равно слишком рано для Джейми. Эйден курил у боковой двери – Джейми был уверен, что он выкурил по крайней мере один косяк, – и когда кофе уже закипал, покой тихого пригорода был нарушен шуршанием шин по гравию. Они едва успели обменяться взглядами, Джейми – удивленным, а Эйден – напуганным, когда раздался звонок в дверь.

– Я открою, – сказал Джейми.

Первое, что он увидел, был полицейский значок, потому что она держала его прямо перед его глазами. Лицо при исполнении. Сколько официоза! Он улыбнулся – не мог сдержаться. Она была совсем не тем человеком, кого он ожидал увидеть. Еще при первой встрече он подумал, что она на самом деле очень красивая, несмотря на жесткую внешнюю оболочку. А может, как раз эта оболочка делала ее такой привлекательной.

– Не нужно мне это показывать, инспектор Беннет. Разве время, проведенное со мной в больнице, ничего для вас не значит? – У него плохо получалось заигрывать с женщинами, тем более что и момент для флирта был неподходящий. Он понял, что сказал пошлость, и съежился.

– Эйден Кеннеди здесь? – спросила она, будто не услышав последнюю фразу.

– Да. – Улыбка Джейми пропала, когда он осознал, насколько серьезна ситуация. – Но вы, конечно, с ним уже разобрались?

– Мы можем войти? – спросила она, не ответив на его вопрос, и он кивнул.

Она протиснулась мимо него, ей удалось сделать это, не касаясь его, но у него возникло такое ощущение, будто его оттолкнули в сторону. Констебль в форме последовал за ней, кивнув ему вместо извинения. Они направились в кухню. Беннет не спешила. Она двигалась целеустремленно, но неторопливо. Эйден даже не шелохнулся.

– Мы хотим, чтобы вы проехали с нами в участок, мистер Кеннеди, – сказала Кейтлин Беннет. – У нас есть к вам еще несколько вопросов.

– Вы что, не можете задать их здесь? – спросил Джейми.

Высокий, долговязый Эйден, стоящий в дверном проеме, выглядел так, будто у него только что удалили часть позвоночника. Он немного согнулся, будто хотел свернуться в шар. Может, и хотел.

– Вам нужно проехать с нами в участок, – сказала она, игнорируя

Джейми. – Появились новые улики, о которых мы хотели бы с вами поговорить.

Улики. Джейми уставился на Эйдена. Поиск уличных камер в «Google». Темные круги у него под глазами. Его резкость, игнорирование звонков Бекки, хотя вначале он всячески пытался успокоить ее. «Ох, Эйден, – подумал он, – что ты натворил?»

– Вы меня арестовываете? – спросил Эйден, погасив сигарету. Его голос был глухим, в нем слышалось смирение.

– Нет. Просто будет проще поговорить в участке.

Он кивнул.

Джейми понял, что он этого ожидал. Может, не в этот момент. Но, что бы они ни раскопали, Эйден не был убийцей. В этом Джейми не сомневался.

– Хочешь, чтобы я поехал с тобой? – спросил Джейми. – Я могу поехать следом на своей машине.

Эйден опять кивнул.

– Мы предоставим вам дежурного адвоката, который будет присутствовать на допросе, если у мистера Кеннеди есть такое желание.

– Я *и есть* адвокат. – Джейми явно был доволен, напомнив об этом. – По крайней мере, был. И теперь снова могу им стать.

– Мистеру Кеннеди решать, – сухо произнесла Кейтлин.

Джейми было интересно, каким ей представляется Эйден. Наверное, она видела перед собой угрюмого молодого человека, явно чувствующего себя виноватым. Этакое одиночку под кайфом, слушающего тяжелый рок и хеви-метал. Она наверняка причисляла его к тому типу людей, которые привыкли глубоко прятать свои переживания, способные в какой-то момент выплеснуться вспышкой насилия. Может, таким его видело большинство людей. Но Джейми знал, что Эйден не такой. Он был милым ребенком. Застенчивым. Чувствительным. Отличным музыкантом. Не одиночкой, а просто очень разборчивым в контактах и не распространяющимся о своей личной жизни.

– Я хочу, чтобы Джейми поехал со мной, – тихо сказал Эйден.

– Хорошо, приятель. – Джейми сжал его руку. – Я с тобой. – Он встретился взглядом с инспектором Беннет, и на этот раз он ей не улыбнулся. Возможно, сейчас она и не враг, но она сильно ошибается насчет Эйдена. – Поехали, – сказал он. – Давайте выясним это раз и навсегда.

Бекка надеялась спрятаться в зале в обеденный перерыв и поработать в одиночестве. Она была не в настроении с кем-либо общаться, и ее даже не заботили сумасшедшие Барби. Она два дня практически ничего не ела и в воскресенье вечером поскандалила с мамой, когда та не смогла принять того, что Бекке просто хочется побыть одной. *Ты поругалась с Эйденом?* В ответ на эту фразу она захлопнула дверь. *Или это связано с Наташей?* Уловив нешуточную обеспокоенность в последнем вопросе, Бекка окончательно потеряла контроль над собой. Она гаркнула *просто отвали*, при этом ее лицо пылало от злости, а потом ей пришлось слушать крики внизу, где ее родители спорили о том, как им теперь поступить. Папа особенно громко требовал тишины.

Она спустится, когда проголодается.

При чем тут это, Джим? Ты прекрасно знаешь, в чем дело!

Она воткнула в уши наушники и вытащила их, когда пыталась в очередной раз дозвониться до Эйдена. Он не отвечал. Снова. Наконец, когда ее уже начало подташнивать от волнения, он прислал эсэмэску, в которой говорилось, что он все выходные проболел и поэтому целыми днями спал. И пообещал позвонить завтра. Она не без язвительности ответила, что он мог сообщить об этом в субботу, потому что тогда она погуляла бы с Ханной или занялась бы *чем-то еще*, и поняла, как печально прозвучали бы эти слова, если бы она произнесла их вслух. А как она себя вела – сидела в комнате, ожидая звонка от него! Слава богу, рядом не было Таши, которая сразу поняла бы, что она расстроена и обижена. Таша заставила бы ее все рассказать, а потом заявила бы, что она тряпка. К счастью, Таша уехала с семьей на празднование бабушкиного дня рождения, которое было перенесено на эти дни. Как бы она хотела не думать об Эйдене все это время! Они с Ташей немного попереписывались, но не о Барби, а о забавных случаях с родственниками, следующем ходе Бекки в шахматной партии, о всякой всячине. Бекка была рада, что они оставили эту тему. Это позволило ей немного разгрузить голову. Она не могла одновременно думать о дерьмовой ситуации с Хейли и Дженни и о том, что Эйден ее игнорирует.

Понедельник был тяжелым днем. В школе ее буквально разрывали на части. И Хейли, и Таша писали ей на переменах, и каждый раз, когда телефон вибрировал, ее сердце подскакивало при мысли, что это Эйден.

Она не возражала, что Таши было так много, но продолжать притворяться перед Хейли было тяжело, тем более что она вела себя, как та давняя Хейли. Бекке следовало быть осторожной и не забываться. Хейли и Дженни были первоклассными суками, и она должна была помнить об этом.

Она обедала с Ханной – единственным человеком, которому могла открыть душу, рассказать про Эйдена. И все было бы хорошо, если бы ей не продолжали приходить эсэмэски. Ханна в конце концов не выдержала и сказала: «Ты сегодня так популярна! Значит, опять в старой компании?» Она смотрела на Бекку с жалким выражением лица типа «не делай мне больно». Но что Бекка должна была делать? Не отвечать? Она чуть не рассказала Ханне, что происходит на самом деле, только чтобы ее заткнуть, но она не могла предать Ташино доверие. Не ради Ханны. Теперь это было их секретом. Только их. По крайней мере до тех пор, пока они не смогут что-то доказать.

Наконец, сразу после уроков, ей позвонил Эйден. Он сказал, что все еще болен. Вообще-то голос у него был уставший, низкий и тихий, но ее задело то, что он хотел побыть один. Когда он как-то заболел гриппом, они целый день лежали на его кровати и смотрели фильмы. За это время он израсходовал три рулона туалетной бумаги на сморкание. Чувство незащищенности и неуверенности в себе подкрадывались изнутри, оттуда, где оно затаилось, и ей вдруг снова стало плохо.

Теперь был вторник, обеденный перерыв, а ей все еще было плохо, и она отчаянно пыталась переключиться на подготовку к сегодняшней репетиции, чтобы не думать о своем хреновом парне и не слушать не менее отвратительный внутренний голос, твердящий, что *он ее больше не любит, что он разозлился из-за того, что она тогда налетела на него. Она фактически обвинила его в убийстве, так разве после этого он может ее любить? Ни за какие коврижки. Тебе не повезло, маленькая пухленькая Ребекка Крисп.*

Она отогнала эти мысли и стиснула зубы. Он просто заболел. Только и всего. Она пыталась не думать о том, что его телефон был отключен начиная с 11.30. Он никогда не отключал телефон. *Избегает. Он тебя избегает.*

Мистер Джонс сказал, что ее идеи относительно освещения и мизансцен просто классные, но сначала он хотел бы попробовать поставить в круге какую-нибудь одну сцену, прежде чем решиться ставить так весь спектакль. Она рассчитывала на помощь Кейси, но та была на дополнительных занятиях, и Ханна настояла на том, что поможет ей вместо

нее. Они наклеивали малярную ленту, отмечая пространство для действия, когда появились Барби – сначала Таша, потом Дженни и Хейли.

Ханна делала вид, что ее это не волнует, но Бекка заметила, что она стала двигаться как-то неуклюже. Это выводило Ханну из равновесия.

Барби напоминали ей о ее положении в улье. Бекка была уверена, что именно из-за таких девочек Ханна так и не создала аккаунт в «Instagram» или «Twitter». Она была на «Facebook», но в друзьях у нее было всего человек тридцать, и среди них ее *мама*.

– Это будет здорово! – сказала Таша, стоя возле Бекки и переводя взгляд с чертежей на разметку на сцене. – Ты такая умная, Бекс!

Бекка видела, что Хейли пытается как-то в этом поучаствовать, но не знает, с какой стороны подойти. Ее здесь игнорировали. Она – незваный гость. Угроза. *Теперь ты знаешь, как это, сучка*, подумала Бекка. *Теперь ты в стороне*. Она была полна решимости выяснить, что Хейли сделала Таше. Если они правы и какая-то ссора между Барби стала причиной того, что произошло с Ташей, тогда Хейли была виновата и в том, что Бекка и Эйден поругались.

– Еще какие-то воспоминания всплыли за выходные, Таш? – сладким голом спросила Бекка. – Возможно, раз уже есть первые проблески, однажды воспоминания хлынут потоком.

– Надеюсь, – сказала Таша. – Я подумываю о гипнозе. Он может помочь вытащить их все.

– Круто! – буркнула Хейли, едва взглянув на Ташу. – Хотя я слышала, что от этой фигни могут быть проблемы с головой. Может, тебе лучше с этим не торопиться.

– Думаешь? – сказала Таша. – Возможно, ты права. А может, ты просто не хочешь, что бы я вспомнила, из-за чего мы поругались?

– Я уже говорила тебе, – огрызнулась Хейли. – Мы не ругались. – Ее взгляд метнулся от Таши к Бекке, будто она рассчитывала на ее поддержку.

Бекка молча смотрела не нее, как она надеялась, с видом, говорящим: «Кого ты хочешь обмануть, тупая потаскуха?»

– Черт, ты стала параноиком, Таша, – наконец сказала Хейли.

Она попыталась улыбнуться. Было странно видеть обладавшую ледяным спокойствием Хейли такой неуравновешенной. Она не умела врать, это ясно. Что-то, определенно, случилось в тот промежуток времени, о котором Таша ничего не помнит. И, судя по выражению лица Хейли, нечто ужасное. Все же это было хоть какой-то уликой. Даже если выражение лица – совсем не то, с чем они могли бы пойти в полицию, это было уже кое-что.

– А может, тебе и стоит попробовать гипноз. Тогда все вернется в свое русло, – заключила Хейли, пытаясь, чтобы ее голос звучал беззаботно, но у нее это не вышло.

– Ну ладно, остыньте, – сказала Бекка. – Возможно, ничего такого и не случилось.

Это была ее роль, они с Ташей так решили. Она должна в чем-то поддерживать Ташу, но и Хейли не отталкивать. Хейли должно казаться – ну возможно же такое! – что Бекка та, кому она может довериться, и тогда она начнет колотиться.

– Эй, Ханна! – позвала Дженни, стоявшая возле сложенных друг на друга стульев. – Не пройдешься ли со мной по моим репликам?

– Конечно, – согласилась Ханна, кроткая, мягкая и послушная.

Бекка совсем забыла, что Ханна здесь. Пока она была увлечена противостоянием между Хейли и Ташей, Ханна молча расставила отметки по углам сценического пространства и наклеила малярную ленту между ними, очерчивая его. Получилось не так аккуратно, как хотела Бекка, но она прикусила язык, чтобы не сказать что-нибудь лишнее. Они должны были выполнить эту работу вдвоем, а Ханна сделала все сама.

– Я тут закончила, – сказала Ханна, бросив на Бекку отнюдь не пламенный взгляд – Ханна была неспособна на ярость, в этом взгляде читались упрек и обида.

«Постоянно из-за чего-нибудь обижена, – подумала Бекка. – Я отвлеклась от работы всего на пять минут. Черт, Ханне нужно наконец повзрослеть!»

Если Хейли изо всех сил пыталась быть дружелюбной, то Дженни явно не испытывала такого желания. Она отошла от них как можно дальше, постоянно шмыгала носом и вытирала его тыльной стороной кисти. Возможно, утром она и нанесла тональный крем, но он уже давно стерся, по крайней мере возле носа. Края ноздрей у нее покраснели и шелушились, будто у нее был насморк, а золотистые волосы, гордость и радость Дженни, были собраны в слабый пучок. Сегодня она выглядела не очень-то сексуально. И она явно была раздражена. Наверняка нанюхалась слишком много порошка в туалете. Бекка задавалась вопросом, стоит ли ей плотнее заняться Дженни. Было похоже, что вскоре она не сможет держать в себе то, что ее терзало. Она даже не могла смотреть на Ташу.

Бекка достала телефон, чтобы еще раз проверить, не пришла ли эсэмэска от Эйдена, – не пришла, – и выругалась, увидев, который час. Уже прошла почти половина обеденного перерыва. Если она не хотела подвести всех, ей нужно было собраться. Она посмотрела вверх, на осветительную

установку, а потом на сценическое пространство в центре зала. Она пыталась представить, как все будет происходить: Элизабет, Проктор и Мэри Уоррен, горячая перепалка между ними, когда Мэри вернулась из здания суда. Эбигейл не участвовала в этой сцене, но Бекка подумала, что Наташа могла бы стоять сразу за углом квадрата, за сценической площадкой. Затем, в тот момент, когда Элизабет Проктор осознает, что ее тоже обвинили, передвижной осветитель наверху наклонится, направив свет на Эбигейл и сделав ее видимой, и она будет смотреть на происходящее в тени, стоя как бы под фонарем.

Если удастся так сделать, это будет превосходно! Но если во время их единственной попытки сегодня вечером не получится так, как она хочет, мистер Джонс не включит это в свой режиссерский план. Хотя она и не мечтала переспать с ним, как все остальные девочки, но все же хотела произвести на него впечатление. А еще она хотела чувствовать, что творит вместе с режиссером, а не просто является рабочей лошадкой за кулисами.

Бекка подошла к тому месту, где будет стоять Таша, и проверила положение осветителя. Сердце у нее оборвалось.

– Ох, черт возьми!

Хейли и Таша оторвались от чтения сценария.

– Что случилось? – спросила Таша.

– Осветитель – тот, который должен быть над тобой, прямо здесь, Кейси разместила не в том месте. Нам сначала нужно было сделать разметку на сцене. К черту все! – Она постоянно отвлекалась, и из-за этого возникли проблемы. Эйден, не отвечающий на звонки, безумие Барби, Ханна – все это. Господи. – Он всего на пару футов дальше, но этого достаточно, чтобы разрушить весь эффект. Он должен быть прямо над тобой.

Хейли посмотрела на прислоненную к стене лестницу.

– Ну а ты не можешь его передвинуть?

– Я боюсь высоты, – сказала Бекка, помрачнев.

– Я это сделаю, – решительно заявила Хейли.

– Правда? Было бы здорово! – Испытав невероятное облегчение, Бекка даже на время забыла о том, что Хейли нельзя доверять и что никто не должен прикасаться к осветительным приборам, не пройдя специального курса обучения. Но Хейли же будет это делать под ее присмотром, и это не так уж сложно. С этим справился бы и семиклассник. – Это очень просто, – сказала она. – Надо ослабить болты зажимов на подвижной части осветителя и двигать его, пока я не скажу стоп, после чего затянуть болты. И тебе нужно будет сначала снять страховочную цепь, а потом опять ее

прицепить. Инструменты вон там, мы взяли их у завхоза. Думаю, среди них есть и гаечный ключ для болтов.

– Без проблем, – сказала Хейли, уже приставляя лестницу. – Ты сразу и проверишь?

– Нет, я не попаду в кабину управления до конца уроков. Но все должно быть готово к началу репетиции.

Наташа и Бекка держали лестницу, хотя она была достаточно устойчивой, пока Хейли поднималась по ней. Она ни разу не посмотрела вниз, а добравшись до верха, оперлась коленом на маленький серебристый выступ и начала откручивать болты.

– Хорошо, куда толкать? Пусть Наташа станет там, где она должна стоять.

Бекка поставила Наташу сразу за одной из угловых отметок сцены, и Хейли поднялась еще на одну ступеньку и потянулась за страховочной цепью, которая дребезжала, пока она снимала ее и клала на лестницу, чтобы сдвинуть осветитель. Казалось, для Хейли это не составляет труда, но у Бекки все сжималось внутри, когда она смотрела на нее.

– Будь осторожна!

Было странно видеть Хейли там, наверху. Взгляд в прошлое на девочку, лазившую по деревьям.

– Не беспокойся! – отозвалась Хейли.

– И постарайся не уронить прибор, – сказала Наташа. – Он выглядит тяжелым.

– А вы все на всякий случай отойдите, – тихо произнесла Хейли. Она стала сдвигать осветитель, держась за надежные металлические опоры установки для равновесия, а затем, наконец, закрепила страховочную цепь. – Все, я закончила. – Она уперла руки в бедра, с легкостью балансируя в пятнадцати или больше футах ^[9] над землей. – *Вуаля!*

– Спасибо, Хейли, – сказала Бекка, когда проворная девушка спустилась вниз.

С того места, где стояла Бекка, все выглядело отлично. Ей было так неловко. *Почему бы тебе просто не рассказать нам, что случилось, Хейли? Тогда все это дерьмо прекратится.*

– Ну почему ты лезешь не в свое гребаное дело! – донесся до них голос Дженни, такой злобный и гневный, что Бекка чуть не подпрыгнула.

– Я только спросила, не заболела ли ты. – Ханна выглядела и говорила так, будто была контуженной. Она сделала три шага назад. – Всего лишь. Я беспокоилась.

– Мне не нужно твое чертово беспокойство! – Дженни сунула свою

копию сценария в сумку. – Со мной все в порядке.

– Это хорошо. – Ханна подняла руки, будто Дженни наставила на нее пистолет.

– Эй, что происходит? – спросила Бекка.

Дженни резко повернула голову, теперь ее внимание было сосредоточено на Бекке. Ярость горела в ее воспаленных глазах.

– Тебе какое дело? Какая же ты жалкая! Думаешь, мы не видим, как ты радуешься тому, что Таша теперь так мила с тобой? Как будто ты забыла все то дерьмо, все, что она о тебе говорила, забыла, что она над тобой смеялась.

– Заткнись, Дженни! – пробормотала Хейли.

Она с тем же успехом могла и промолчать, Дженни все равно ее не слышала. Она разошлась не на шутку.

– Как же, блин, все это отвратительно! И ты думаешь, что знаешь ее, потому что вы *были друзьями раньше*? Ну какая же ты отсталая! Думаешь, люди не меняются? Значит, ты тоже такая же, как была тогда, Бекка? Может, ты все еще жирная внутри, потому что это единственное объяснение тому, что ты настолько глупая и хочешь все забыть.

Бекка была не в состоянии говорить. Она осознавала, что стоит с открытым ртом и пылающим лицом, но не могла заставить ни мозг, ни язык работать. Каждое слово ранило ее.

– Ты просто сука, – сказала Дженни, уже без запала, будто в ней не осталось энергии огня. – Ты ведешь себя как самая настоящая сука по отношению к Ханне.

– Неправда! – выкрикнула Бекка визгливым голосом.

– Так и есть. – Затем Дженни посмотрела на Ханну и заговорила еще мягче: – Ханна, ты заслуживаешь лучшей подруги, чем та, которая бросает тебя каждый раз, когда ее поманит королева сук.

– Что происходит, Дженни? Я ведь тебе ничего плохого не сделала! – сказала Наташа.

Она прерывисто дышала, почти задыхалась, и Бекка знала, что она чувствует. У нее самой бешено колотилось сердце. Все девочки стояли внутри отмеченной части помоста, все они стали участницами этой отвратительной сцены.

– Почему вы обе так странно себя ведете? – спросила Наташа.

Дженни рассмеялась:

– Но ведь это не мы тебя избегаем, Таша.

– Я вас не избегаю!

– Пойдем, Джен. – Хейли подошла к ней и схватила ее за руку, но

Дженни вырвалась. Хейли попробовала использовать другую тактику: – Давай выйдем на улицу, и ты постоишь со мной, пока я покурю.

– Перестань указывать, что мне делать! Я в порядке! – Она посмотрела на Наташу. – И если ты нас не избегаешь, то почему ты сказала, что тебе нужно было сходить в больницу в прошлую субботу, а сама не пошла? Я *видела*, как Бекка выходила из твоего дома. Почему ты не могла просто сказать, что не хочешь нас видеть?

Ханна посмотрела на Бекку:

– Это было на день рождения моей мамы. Я думала, что ты встречаешься с Эйденом после кафе. Ты же сказала, что эсэмэска была от него.

– Я этого не говорила. – Бекка внезапно осознала, что ее тогдашнее оправдание, будто бы это *не совсем ложь*, ничего не стоило. Почему они пришли сюда в обед? Почему она не разобралась со всем этим дерьмом сама? Даже если бы свет оказался не на месте, это все же было бы лучше, чем весь этот ужас. – Ты сама это предположила, а я не хотела говорить, что это Таша, чтобы тебя не расстраивать. – Это звучало так банально. Да и *было* банально.

– Вот видишь! – сказала Дженни, глядя на Ханну.

Несколько секунд было тихо. Пять девочек замерли в молчаливом противостоянии, содержимое душевных ран вытекало в воздух, делая его тяжелым. А потом Ханна очень медленно подошла к столу и взяла свою сумку.

– Ханна... – начала было Бекка, но подруга отвернулась и направилась к двери.

Она чувствовала себя самым настоящим дерьмом. Она и была дерьмом. Эйден ее бросил, а теперь Ханна ее возненавидела. «Молодец, Бекс, – мысленно произнесла она. – Королева провалов. И ты сама во всем виновата, потому что была такой сукой».

Дженни, казалось, сейчас скажет что-то еще, но тут прозвенел звонок, и она промолчала. Бекка испытала такое облегчение, что едва не упала на пол. Конец перерыва!

Дженни и Хейли молча направились к выходу. Хейли обернулась и наградила Бекку и Ташу долгим ледяным взглядом, а потом вышла вслед за взвинченной Дженни.

– Что, блин, происходит с Дженни? – спросила Таша. – Это чувство вины? Из-за случившегося в ту ночь? Она точно ненормальная.

– Да уж. – Бекка слушала вполуха.

Она напишет Ханне, когда у них будет английский. И все ей объяснит.

Она станет ей хорошей подругой. Расскажет про всю эту фигню с Барби и почему была такой отстраненной. Она расскажет, что Эйден знал Николу Монро. Она расскажет ей все, что уже должна была рассказать своей лучшей подруге.

Бекка знала, что такие мысли приходят от отчаяния, и еще она знала, что, скорее всего, уже невозможно что-то исправить. Она видела выражение лица Ханна. Обиженное, но и злое. Никому не нравится, когда его жалеют, – Бекка знала это из собственного опыта – и никому не нравится, когда ему врут из жалости. Она же сделала и то и другое.

– Не переживай, – сказала Таша. – Все утрясется.

– Я знаю.

Бекка попыталась улыбнуться. Ее мутило. На самом деле она так не думала. И теперь она уже не считала, что переписка на английском что-то даст. А еще ей не хотелось встречаться с Хейли и Дженни. Ей нужна была передышка. И чтобы Эйден наконец ответил на ее сообщения.

– Ох, к черту все это! – вдруг сказала она. – Надо вернуть завхозу инструменты.

– Не нервничай, – сказала Таша, взяв коробку с инструментами. – У меня окно, я отнесу их. – Она вдруг обняла Бекку свободной рукой и прижала ее к себе. Ее мягкие волосы пахли яблоками.

– Не знаю, что бы я без тебя делала, Бекс, – сказала она. – Правда. Спасибо, что ты опять моя подруга. Эти двое сбивают меня с толку. – Она отстранилась. – А теперь возьми себя в руки, увидимся позже.

Выйдя из зала, Бекка почувствовала, что внутреннее напряжение слегка спало. Ханна все поймет. Должна. Может, она и Таша даже когда-нибудь подружатся. Бекка *нужна была* Таше. Она ей верила. Как только Бекка все объяснит Ханне, как только выяснится, что на самом деле случилось в ту ночь и что сделали Хейли и Дженни, тогда она поймет, почему Бекка так странно себя вела. Она должна понять, а иначе она была бы довольно дерьмовым человеком, но ведь это не так. Ну а если она не поймет, то, может, это будет означать, что пришло время прекратить эту дружбу. Как сказала Дженни, люди меняются.

Они сидели в небольшой комнате для допросов за обычным столом, по одну сторону – Джейми и Эйден, по другую – Кейтлин Беннет и сержант. Стены были выкрашены в синий, но неяркий цвет. Мертвенно-синий, лишенный жизни, приводивший в отчаяние. И все же он почему-то не гармонировал с зеленым ковролином и черными пластиковыми стульями. В сочетании с болезненно-желтым люминесцентным освещением и отсутствием окон это создавало эффект замкнутого пространства. Джейми подозревал, что здесь все так устроено намеренно. Стоявший на полке громоздкий магнитофон работал, хотя пока от Эйдена не удалось добиться чего-то, что стоило было записать. Он практически все время молчал, разве что вначале подтвердил свою личность.

Он был напуган, и Джейми это видел, в отличие от Кейтлин Беннет. А может, Беннет допрашивала так много испуганных парней, что уже перестала им сочувствовать. К тому же чувство страха и чувство вины не были взаимоисключающими – возможно, провинившиеся люди бывают напуганы даже больше, чем невинные. К тому же страх Эйдена можно было легко перепутать с угрюмым высокомерием. Он слегка отодвинулся от стола вместе со стулом и, вытянув свои длинные ноги, положил их одна на другую. Руки скрещены на груди, темные волосы упали на лицо так, что за ними не была видна яркая синева его глаз, когда он, насупившись, смотрел на столешницу из формики ^[10]. Он не притронулся к своему чаю, и когда тот остыл, на поверхности жидкости появилась коричневая пленка.

– Твоя версия событий неубедительна, Эйден, – сухо проговорила она. – Ты сказал, что в полночь довез Ребекку Крисп до дома, а потом поехал к себе домой. Собственно, это уже была ночь субботы, девятое января. Почему ты так сказал?

Джейми посмотрел на Эйдена, который все еще сидел, не поднимая глаз.

– Что бы тогда ни случилось, просто говори правду, дружище, – сказал он. – Если ты не сделал ничего плохого, нет смысла лгать.

Он подумал, не чересчур ли он наивен. Уголовное право не было его специальностью, но он знал множество случаев, когда полиция подозревала ни в чем не повинных людей и даже арестовывала их, а средства массовой информации успевали разрушить их жизни до того, как всплывали факты, подтверждающие их невиновность.

Перед Беннет лежала коричневая папка зловещего вида. В ней явно содержалась какая-то правда, которой Эйден не хотел делиться. Почему он будто воды в рот набрал? Он же наверняка знает, что делает себе этим только хуже! *Если только он не виноват*, тихо прошептал коварный голос где-то в глубине души. *Если только это*. Джейми отогнал эту мысль.

– Мистер Кеннеди отказывается отвечать на вопрос. – Она открыла папку и достала оттуда два распечатанных на принтере зернистых снимка с указанием времени съемки под каждым из них, но со своего места Джейми не мог их разглядеть. Он заметил, что Эйден нервно сглотнул. Это было плохим знаком. Его сердце стало биться учащенно, а ведь это не он был под подозрением. – Поскольку ваше молчание говорит о том, что вы придерживаетесь своей версии событий, позвольте, я покажу вам, что сняли камеры видеонаблюдения в ту ночь. Для записи объясняю, что сейчас показываю Эйдену Кеннеди кадры этих видеозаписей.

Услышав, что Эйден заерзал на стуле, Джейми опять вспомнил поисковый запрос в его телефоне. *О господи, что он наделал!*

– Камера зафиксировала вашу машину на Элмор-роуд. Для ясности – это главная дорога, которая идет параллельно реке, вдоль парка и леса. Этот снимок свидетельствует о том, что ваш автомобиль находился на Элмор-роуд в ночь на субботу, девятого января. Вот, – она придвинула к ним снимок, – здесь видно, как он сворачивает с Элмор-роуд на парковку возле леса. Внизу указано время – 12.37 ночи. Это было уже после того, как вы завезли Ребекку домой. А нам вы сказали, что поехали прямо к себе домой. Вы не покидали парковку до... – она передала Эйдену второе фото, на котором было видно, как машина снова выезжает на дорогу, – 5.45 утра.

У Джейми перехватило дыхание, и вдруг, несмотря на духоту в комнате, ему стало холодно. Он почувствовал себя человеком, обманутым фокусником. *Пока ты пытался спасти умирающую девочку, твой юный друг – вуаля! – убежал*. Он вспомнил, как защищал Эйдена перед Беккой, утверждая, что он не настолько глуп, чтобы врать полиции, и поразился своей наивности.

– Я все это время не выходил из машины, – тихо сказал Эйден. Он взглянул на Джейми, затем сел ровно и положил локти на стол. – Если на парковке есть камера, то вы это увидите.

– Но ее там нет, Эйден. Поэтому мне придется поверить тебе на слово. – Беннет не отрывала от него глаз, словно Джейми вообще здесь не было. – А я уже знаю, что верить тебе на слово нельзя.

Повисла тишина. Эйден стал еще более напряженным, а Кейтлин Беннет откинулась на спинку стула и скрестила руки на груди, будто у нее

была уйма времени, чтобы расколоть парня.

– Я никому не причинил вреда, – наконец сказал Эйден. – Я все это время сидел в машине. Покурил травки и уснул. Я не видел ни других машин, ни кого-то еще, как и ничего такого, что могло бы оказаться полезным, поэтому и не рассказал вам, что я там был. И я, конечно же, не хотел признаваться в хранении марихуаны. – Затем он посмотрел на нее, пронзая взглядом своих синих глаз. – Нет, ну в самом деле, вы бы рассказали об этом?

Угрюмость Эйдена испарилась. Джейми же продолжал неотрывно смотреть на фото. Эти зернистые снимки были подлинными, и при виде их у него внутри все переворачивалось. Они выглядели как свидетельство какого-то проступка, заснятого украдкой посреди ночи.

– Ну а еще ты не рассказал нам, что знал Николу Монро.

– Это совсем другое! Я забыл, что встречался с ней! Я не мог рассказать вам то, чего не помнил!

Еще одна длинная пауза.

– Послушайте, – сказал Эйден, – я не сделал ничего плохого. Я действительно знаю Ташу – ну, знал, – и я как-то раз пригласил ее на свидание, а она повела себя донельзя хреново, но я полагаю, вы об этом уже знаете. И я подумал, что если скажу, что покурил травки и уснул на парковке, то это сработает не в мою пользу. Поэтому я вам и не сказал, а когда вы спросили про Николу, я не знал, как теперь признаться.

– В принципе я могу понять это. В принципе, – подчеркнула она. – Но чего я не понимаю...

Она замолчала, и Джейми не могло не впечатлить это. Она все время была на шаг впереди Эйдена. Она вила из него веревки.

– Чего я не понимаю, – продолжила она, – так это почему ты соврал Бекке. Ты сказал ей, что сразу поехал домой, и на следующий день придерживался этой же версии. Мне кажется, что, если бы ты был невиновен, то в первую очередь рассказал бы Бекке, что был там. Шоковая реакция. Необходимость поделиться. Твой возглас «*вот дерьмо!*», когда ты узнал, что Наташу нашли так близко к тому месту, где ты был. Но ты ей не сказал. Ты никому не сказал. Почему?

Эйден кусал нижнюю губу, его бегаящий взгляд ни на чем не останавливался, но Джейми знал: это означает, что он усиленно соображает. Пытается выкрутиться. И вдруг Джейми осенило. Это же так очевидно! И ни убийство, ни покушение тут ни при чем.

– Ты был не один, так ведь, Эйден? – сказал он.

Парень поднял на него глаза.

– Я здесь задаю вопросы, мистер Мак-Махон, – прервала его Кейтлин, но Джейми не собирался останавливаться. Теперь он знал, почему Эйден соврал.

– С тобой в машине была девушка, приятель? И это была не Бекка? Эйден сник, а инспектор сразу оживилась.

– С вами в машине был кто-то еще? – спросила она.

Эйден немного помолчал, а потом наконец заговорил:

– Бекка бывает такой ревнивой! Она не уверена в себе, понимаете? Если бы я ей сказал, она бы меня не поняла. Она бы напридумывала себе невесту что. Вы видели, какой она бывает. – Он посмотрел на Беннет. – Как тогда, когда вы ей сказали, что у Николы Монро был мой номер. Она в каждой девушке видит угрозу для себя. Поэтому я не всегда признаюсь ей в том, что провожу время с другими девушками. Так проще.

– Так кто эта девушка?

– Ее зовут Эмма. Она работает в баре на Квин-стрит. Бар «У Джоджо». Он открыт до часа ночи, и я иногда захожу туда после того, как мы с Джейми заканчиваем. Однажды ночью мы с ней разговорились и вроде как подружились. Она вообще-то классная. Мы с ней немного похожи.

– И она была с тобой на парковке в ту ночь, после того как ты завез Бекку домой?

– Я планировал поехать домой. Это правда. Но я не очень устал, а дома из-за мамы я иногда чувствую себя стесненно, поэтому я решил заскочить в бар, просто поздороваться. Как для пятницы, там было мало людей, так что босс отпустил ее пораньше. Остальное вы видели на фотографиях. Мы сели в мою машину, покурили, поговорили ни о чем и уснули.

– У Эммы есть фамилия?

– Я ее не знаю.

Их прервал стук в дверь, и в комнату вошел офицер полиции в форме.

– Можно вас на пару слов, мадам? – Беннет кивнула и, перед тем как подняться, остановила запись.

– Разве вы не получили ответы на все ваши вопросы? – спросил Джейми, когда она направилась к двери. – Мы можем идти?

– Еще не все показания мистера Кеннеди подтвердились, так что я бы на вашем месте не торопилась праздновать победу, мистер Мак-Махон. Одна девушка погибла, а вторая осталась в живых только потому, что ей очень повезло, вы это знаете лучше других.

Это его укололо. Она была права. К тому же она просто делала свою работу. Ничего страшного, если им с Эйденем придется просидеть здесь еще несколько часов. Разве что он может не закончить в срок работу. Но как

только подтвердится, что Эйден ни в чем таком не замешан, они все наверстают.

Когда она закрыла за собой дверь, повисла неловкая тишина, как в комнате ожидания в больнице. Сколько им еще тут сидеть? Через пару минут Джейми захотелось сходить в туалет. Эйден даже не прикоснулся к чаю, а вот Джейми выпил две чашки.

– Могу ли я... Можно?... – Он посмотрел на недовольное лицо сержанта, который явно скучал, сидя по другую сторону стола, и кивком указал на дверь. Сержант имел обреченный вид человека, который знает, что какое-то время ему придется побыть здесь, пока кто-нибудь не вспомнит о них. – В туалет, – закончил Джейми. Он поднял пустую чашку и в тот же миг почувствовал себя глупо, будто был героем фильма «Англичанин за границей» и пытался объяснить с язвительным испанским официантом.

Сержант кивнул:

– Третья дверь слева.

Джейми ожидал, что его туда отведут, но этого не произошло – впрочем, он же не был подозреваемым. К тому же, поскольку они находились в подвале здания, вряд ли он мог здесь во что-нибудь вляпаться. Он с благодарностью кивнул и вышел из комнаты.

Он не ожидал, что Беннет окажется в коридоре. Она стояла возле туалета спиной к нему, сосредоточенно просматривая какую-то видеозапись на «iPad» вместе с полицейским, который вызвал ее.

– И его там не было целый день? – спросила она.

– Не было, мадам.

– Подожди, – сказала она. – Я узнаю это пальто. Я видела его где-то.

– И я, – сказал полицейский. – У Сандры со стойки регистрации такое же.

– Я не на ней его видела.

– Тогда где?

– Нам нужно идти, – сказала она. – Для начала следует поговорить с Сандрой.

Она развернулась и чуть не столкнулась с Джейми.

– Извините, – сказал он и указал на дверь, ведущую в туалет. – Я шел туда.

Она прошла мимо него, и он посмотрел ей вслед. Небольшого роста, весьма привлекательная и очень энергичная. Он никогда не встречал такой женщины. Впрочем, какое это имело значение, учитывая ситуацию? Он решил, что у него нет шансов. Она явно относилась к нему с презрением.

Бекку, Хейли и Дженни вызвали с английского, когда урок только только начался, и теперь они сидели рядом в кабинете директора, уставившись на инспектора Беннет, которая стояла, опершись руками на спинку стула, и молча наблюдала за ними. Миссис Солсбери сидела за своим столом и перебирала бумаги, но Бекка была уверена, что она это делала только для вида. У Бекки вспотели ладони. Для чего они здесь? Что нужно этой Беннет?

– Мы ждем Ташу? – спросила Хейли, когда молчание стало невыносимым, и слышно было только тиканье старых настольных часов, перекликающееся с нервным топанием ногой Дженни.

– У нее окно, – пробормотала Бекка.

– Мне Наташа не нужна, – сказала инспектор Беннет и отошла к окну, будто что-то высматривая на улице.

И тут девочки увидели висящее на спинке стула пальто, которое до этого закрывала собой инспектор. Серебристо-серое, блестящее пальто с отделанным красным мехом капюшоном.

– Откуда здесь мое пальто? – нахмурившись, спросила Дженни.

Беннет повернулась, и у Бекки учащенно забилося сердце: инспектор теперь напоминала кошку, только что заметившую мышь, которой некуда было спрятаться. Ее спокойствие было обманчивым.

– Это не твое, – сказала Хейли. – На твоём дырочка от сигареты на рукаве.

– Ты была в этом пальто в больнице, когда мы там с вами встретились? – спросила Беннет.

– Думаю, да, – сказала Дженни. – Возможно. Я часто его ношу.

– Спасибо. – Беннет улыбнулась, но ее улыбка не успокоила Бекку. – Я не могла вспомнить, кто из вас был в нем.

– Мы что, для вас все на одно лицо? – спросила Хейли.

Презрение, прозвучавшее в ее голосе, Бекка отнесла на свой счет. Она определенно выглядела совсем не так, как эти великолепные блондинки, но ее все же удивило, что Хейли разговаривает таким тоном с женщиной-полицейским. Дженни часто бывала нервной и раздражительной, но Хейли это не было свойственно. Беннет умела напускать на себя непроницаемый вид, но Хейли была настоящей Снежной королевой. Ее голос звучал скучающе, и она смотрела на Беннет так, будто инспектор была каким-то

досадным неудобством. Сердце Бекки гулко стучало, и она слегка ссутулилась, будто пыталась стать невидимой, незаметной. Тут что-то происходило, что-то, связанное с Дженни, и она не хотела, чтобы ее отправили на урок, до того как она узнает, что это такое.

– Блондинку в таком же пальто запечатлели камеры видеонаблюдения в магазине мобильной связи «Ван Селл» в брекстонском торговом центре четырнадцатого октября прошлого года.

– И что? – Дженни вытерла нос. Ее нога продолжала постукивать по полу.

Бекка наблюдала за Беннет – ей было интересно, как она к этому отнесется. Инспектор пристально смотрела на Дженни.

– Ты была в этом магазине в тот день? – спросила она.

Дженни рассмеялась и дернула себя за прядь.

– Я не знаю. Вы думаете, я помню, что происходило в какой-то там день в октябре?

– Попытайся вспомнить.

– Нет, – сказала Дженни через пару секунд. – Не была.

– Ты так уверенно ответила!

– У меня летом появился «iPhone», зачем бы я пошла в магазин в октябре?

– У многих девушек есть такие пальто, – сказала Хейли. – И у многих женщин есть такие пальто. – Ее губы искривились в ухмылке, и можно было легко догадаться, что она означала. Изящное «*пошла ты*» и средний палец для детектива.

– Так или иначе, какое это имеет значение? – спросила Дженни. У нее был такой вид, будто она вот-вот расплачется. Может, ее начинало отпускать после того, что она нюхала весь день. – Мне нужно вернуться на английский. Мистер Геррик нас ждет. У нас ведь будет экзамен.

У Бекки вдруг перехватило дыхание. Магазин связи. Сообщение, которое получила Таша. Неизвестный номер. *Встретимся вобычном месте*. Вот почему Беннет наседала на Дженни. Она думала, что Дженни купила предоплаченный телефон. Почему тогда она не спросила об этом прямо? Почему она просто стояла с задумчивым взглядом? Бекка пыталась набраться храбрости, чтобы указать на эту взаимосвязь, но тут детектив снова заговорила.

– Теперь можете возвращаться на урок, – сказала она. – Спасибо за помощь.

Бекка была ошеломлена. И это все? Ей нужно было найти Ташу. Она должна была ей об этом рассказать. Хейли направилась к двери, Дженни

последовала за ней, и Бекка тоже торопливо поднялась.

– Ребекка, подожди минутку.

Она повернулась:

– Да?

Когда обе Барби ушли, что-то обсуждая, Бекка чуть ли не выложила все сразу. Но потом она прикусила язык.

Ей нужно было сначала поговорить с Ташей, и она не хотела высказывать свои соображения при миссис Солсбери. Директор заявила бы, что она говорит ерунду. Она сделала бы что угодно, только бы не привлекать к школе внимания полиции.

– Если у тебя сегодня не получилось связаться с Эйденем Кеннеди, то знай, что он в участке, помогает нам в расследовании.

Помогает нам в расследовании. Она сразу поняла, что это значит. Скорее всего, они подозревают его в чем-то. В чем-то плохом.

– Вы его арестовали? – спросила она, чувствуя, что во рту внезапно пересохло.

– Нет. Его отпустят чуть позже. Я просто подумала, что ты хотела бы это знать.

Ох, да ты сама доброта! Она сдержалась и не стала задавать других вопросов. Может, Беннет как раз хотела, чтобы она разговорилась? Хотела вытянуть из нее какое-то признание? Она думала, что Бекка с Эйденем сговорились?

– Спасибо, – выдавила она и вышла из кабинета.

Когда Бекка оказалась в холодном коридоре, лицо ее горело, а дыхание участилось. Она не собиралась сразу возвращаться на английский. Беннет наверняка все еще считала, что Эйден имеет ко всему этому какое-то отношение, и ей нужно было доказать, что она ошибается.

Бекка бегом пересекла двор, направляясь к общему залу старшеклассников; холодный воздух обжигал легкие. У нее полегчало на душе. Эйден не бросил ее. Он ее не игнорировал. Он просто не мог ответить на ее сообщения. Но следующая мысль заставила ее сжаться от стыда. Черт, когда он *включит* телефон, то получит *все* ее сообщения, а их было немало. И некоторые из них были пассивно-агрессивными. Почему не было какого-то дьявольского приложения, с помощью которого можно было удалять непросмотренные сообщения? Почему никто не начал собирать на это деньги на «Kickstarter» [\[11\]](#)? Почему она вела себя как полная идиотка? Эйден ее любит. Почему она не может в это поверить?

Она отогнала эти мысли. Она сделает все, чтобы отвести от Эйдена подозрения, и он простит ее. Тогда она уже не будет такой жалкой и

неуверенной. Но сначала ей нужно было найти Ташу. От подозрений, которые падают на Эйдена, ничего не останется, когда они с Ташей расскажут Беннет о своих догадках. Видео с камер наблюдения в магазине связи вместе с уликами с поляны, несомненно, подтвердят его невиновность. Она поднималась по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки, и вбежала в общий зал вспотевшая и запыхавшаяся. Может, Хейли и способна совмещать курение с бегом, но для Бекки это было не лучшее сочетание.

Наташа сидела на своем обычном месте в углу, а когда увидела Бекку, удивилась:

– Я думала, ты должна быть на англ...

– Слушай, – прервала ее Бекка. – Сюда явилась эта инспектор Беннет. Похоже, она считает, что Дженни купила телефон и отправила тебе ту эсэмэску. Кто-то в таком, как у нее, пальто был в магазине в тот день. Только я думаю, что Беннет поверила Дженни, заявившей, что ее там не было, потому что она больше не задавала ей вопросов, а сейчас она, наверное, собирается уезжать.

По Ташиному лицу было видно, что она не успевает за ходом мыслей Бекки.

– Притормози, – сказала она. – Беннет думает, что это Дженни отправила то сообщение?

Ее идеальная миндального цвета кожа побледнела. Наверняка Таша внезапно осознала обоснованность их подозрений.

– Да. – Бекка кивнула. – Но нам нужно рассказать ей обо всем остальном. Давай, Таша, нам нужно ей рассказать. У тебя же есть ее номер, да? Позвони ей. *Прямо сейчас!*

Таша буквально вжалась в стул.

– Я не могу, – сказала она. – Все решат, что это глупость. И что скажет мама? Что *они* скажут?

– Какая разница, что *они* скажут? – Бекка ожидала от нее другой реакции.

– Может, нам лучше забыть об этом, Бекка? Может, это все чепуха? Я имею в виду, что мы ничего *незнаем* наверняка. – Она посмотрела Бекке в глаза, а потом опустила взгляд на пол. – Не знаю, Бекс, может, я просто вбила себе в голову черт знает что. А что, если они правы, и я нахожу связи там, где их нет?

– Ты о том, как Дженни вела себя на обеде? Или о том, что Хейли называет тебя параноиком каждый раз, когда ты говоришь, что вспомнила что-то? – Бекка чуть ли не кричала от отчаяния, и Таша вздрогнула. –

Дженни постоянно под кайфом в школе. Она напугана. И ты же видишь, как Хейли все время пытается быть «мисс доброжелательность». С чего бы ей так себя вести? С чего бы она так себя вела *сомной*?

– Я все это знаю. – Таша, наклонившись, обхватила руками живот, будто испытала резкую боль. – И я все время об этом думаю. Но что, если мы что-то упустили? Что, если мы ошибаемся? Что, если, обвинив их, мы отведем подозрения от того, кто на самом деле это сделал?

– Но мы *не* ошибаемся! И ты это *знаешь*. Чего ты боишься?

– Допустим, я поговорю с Беннет. А если они узнают? А если она мне не поверит? Что они *тогда* сделают?

Бекка внезапно поняла. Дело было не в том, что Таша изменила свое мнение. Она просто боялась, только и всего. Бекка была разочарована, но она понимала Ташу. Она ведь тогда умерла в ледяной воде. Ей повезло, что ее спасли. И теперь Таше нужно было посмотреть правде в глаза, смириться с мыслью, что две ее лучшие подруги могут иметь ко всему этому отношение.

– Они думают, что к тебе возвращается память, поэтому твоё молчание ни от чего тебя не спасет. Ну, если они и столкнули тебя в реку.

– Это мог быть просто несчастный случай, – медленно произнесла Таша. – Может, мы действительно поругались. Может, они и сделали что-то плохое. Но ведь могло быть и так, что, как ты и говорила, я убежала и свалилась в реку. Значит, все может быть не так серьезно, как мы думаем. Разве мы не должны сначала попытаться все выяснить? Прежде всего, зачем им это делать? *Почему*?

Бекке хотелось закричать. У Таши семь пятниц на неделе, а ведь именно *она* все это затеяла!

– Я понимаю, ты можешь от страха в штаны наложить, Таша, я понимаю. Но Эйден в полиции, а это поможет его оправдать, – сказала она и, повернувшись к двери, добавила: – Если ты с ней не поговоришь, тогда это сделаю я.

* * *

– Подождите!

Инспектор Беннет уже собиралась сесть в машину, когда Бекка выбежала на парковку из школьного двора. Остановившись, она еще какое-то время не могла отдышаться, а лицо ее буквально пылало. Беннет жевала овсяное печенье, в одной руке держала сэндвич из столовой, а второй

неловко прижимала к себе серебристое пальто. Бекка облегченно вздохнула. Она была уверена, что не успеет.

Беннет прожевала печенье и вытерла с уголков рта прилипшие крошки. Ей явно было неловко из-за того, что она взяла обед в школьной столовой, и Бекка даже почувствовала к ней симпатию. На обед было печенье и трехслойный сэндвич с беконом, салатом и помидорами, но сначала она съела печенье. Из Беннет никогда бы не получилось классной Барби.

– Слушай, если ты хочешь поговорить об Эйдене, – Беннет открыла дверцу машины и бросила пальто на пассажирское сиденье, – сейчас я больше ничего не могу тебе сказать, но...

– Нет, нет, речь не о нем, – задыхаясь, сказала Бекка, – а о Дженни и Хейли. – Она подождала, пока все внимание женщины переключится на нее. – Вы думаете, что Дженни купила телефон, с которого в ту ночь отправили эсэмэску Таше, не так ли?

Беннет изучающе смотрела на нее. Она перестала есть печенье.

– Нет, – сказала она. – На самом деле я так не думаю.

– Но это пальто – вы сказали...

– Я помню, что я сказала. Но такие пальто продаются в «Примарке» [12]. Хейли была права, их сотни. Это принадлежит одной из моих сотрудниц. А на записи, которая у нас есть, видно просто блондинку в таком пальто в торговом зале. Не на кассе. Без чего-либо в руках. У нас нет других записей из той части зала.

– Ну, вы же можете их получить? – спросила Бекка. – В смысле...

– Ты знаешь, как все устроено в подобных магазинах? В любом из их магазинов? – спокойно спросила Беннет.

Бекка отрицательно покачала головой.

– Они дешевые, потому что владельцы на всем экономят. У них отвратительная настройка камер видеонаблюдения, это во-первых. Теперь смотри, я знаю, что ты хотела бы...

– Но это не все! – выпалила Бекка, желая одного – чтобы она заткнулась и слушала. – Вы не знаете всего. В сообщении предлагалось прийти в *обычное место*, так? Они так называют поляну в лесу, это их *обычное место*. Таша не была там несколько месяцев, так она говорит, но ночью мы нашли там вещи, которые доказывают, что они все недавно там были – и она тоже! И там был обрывок веревки. Только она ее не помнит, значит, веревка появилась там позже, возможно, в ту ночь.

– Помедленнее, – сказала Беннет. – Где это место?

– Я могу вам потом показать. – Бекка не могла говорить медленнее.

Все это выливалось из нее с неудержимостью приливной волны. – И еще кое-что. Таша говорила, что какое-то время они странно себя вели с ней, будто больше не хотели с ней дружить, вплоть до этого происшествия. А теперь единственное, что их волнует, – помнит ли она что-нибудь. Вы должны осмотреть их вещи, обыскать дома, шкафчики. Потому что, если тот телефон у них, а может, и что-нибудь еще, доказывающее, что они виновны в произошедшем с Ташей, то после сегодняшнего разговора они избавятся от всего этого и вы никогда ничего не узнаете!

Во взгляде Беннет она уловила что-то похожее на жалость.

– Друзья иногда ссорятся, – сказала она, и Бекка почувствовала, что ее надежда рушится. *Ссорятся.* За кого Беннет их принимает, за десятилеток? – Не говори, что ты давно ни с кем не ругалась. Люди все время это делают. Но это не значит, что они толкают друг друга в ледяную реку. Не давай волю своему воображению.

– А может, вы просто *меня слушаете*? – сказала Бекка, надеясь, что ее голос будет звучать уверенно, но произнесла она это, как отчаявшийся капризный ребенок, который при этом еще и топает ножками. – Мы сказали Хейли, что Таша начала вспоминать, и теперь они обе паникуют. Вы видели Дженни? Почему она ведет себя как ненормальная и скоро совсем рехнется? – Бекка энергично жестикулировала во время своей тирады, будто это могло придать веса ее словам. – А Хейли насаждает на меня, пытаюсь узнать, рассказала ли мне что-то Таша из того, что вспомнила. Вот такая хрень происходит. Я говорю, что если вы сегодня не общаете их, то как только закончится репетиция, они помчатся домой, и все, что у них есть, исчезнет. Дженни может запаниковать, но Хейли – это чертов кремень.

– Хорошо, – сказала Беннет. – Ну а где же Наташа? Если она думает так же, то почему она не здесь?

Настала очередь Бекки одарить Беннет снисходительным взглядом.

– А вы как думаете? Потому что она боится!

Кейтлин Беннет устала на нее, затем снова откусила от овсяного печенья и, прожевав, сказала:

– Возвращайся в школу. Ты замерзнешь без пальто.

Бекка смотрела ей в лицо, все еще на что-то надеясь. *Черт возьми!* Она издала разочарованный стон и поплелась в школу. *Эта женщина – просто идиотка*, подумала она. *Ей так хочется обвинить Эйдена, что она закрывает глаза на правду.* На хрен инспектора Беннет. И на хрен Наташу. Если кроме нее никто не будет это доказывать, то она это сделает. Она найдет способ.

Джейми пошел в небольшое кафе в супермаркете, расположенном неподалеку, чтобы взять кофе и сделать пару звонков по работе, оставив Эйдена дожидаться продолжения допроса. Он уже возвращался, торопясь узнать, что там происходит, когда ему позвонил кто-то из полицейских и сообщил, что Эйдена отпустили без предъявления обвинений. Он ждал Джейми на ступеньках у входа в участок, ссутулившись от холода и сильно затягиваясь сигаретой. Впрочем, ему все же удалось улыбнуться.

– Они поговорили с Эммой. Она подтвердила, что была со мной. К тому же она сказала, что было слишком холодно, и она никак не могла уснуть и злилась из-за того, что застряла там, так что бо`льшую часть времени после того, как я отключился, она всего лишь дремала. Я бы не смог выйти из машины, чтобы она этого не заметила.

Джейми ухмыльнулся:

– Ну вот и все.

– Я очень на это надеюсь.

– Как Беннет это восприняла? Она разочарована? – Джейми не мог не спросить об этом. Он надеялся, что инспектор не из тех, кто пытается свалить все на одного человека просто потому, что это их устраивает.

Когда они говорили в больнице, она показалась ему теплой и доброй, совсем не такой, какой он увидел ее сегодня, – холодной и закрытой. «Это все из-за работы», – подумал он. Ему было интересно, видел ли он вообще настоящую Кейтлин Беннет. Кем она становилась, когда приходила домой и расслаблялась? Кошатницей? Собачницей? *Замужней* женщиной?

– Я больше ее не видел, – сказал Эйден. – Думаю, она еще не вернулась. Пришел какой-то мужик в форме и сообщил сержанту, что я могу идти, и тот меня отпустил.

– Как насчет пива? – спросил Эйден. День все равно уже был испорчен, так что они могли сегодня поставить крест на работе и продолжить завтра. – Ты выглядишь так, что тебе не помешало бы опустошить бутылочку.

– Да, черт побери. Но где-нибудь подальше от этого места.

– Ну конечно.

Припарковавшись, они шли по тротуару в приятной тишине, Эйден прикурил вторую сигарету от первой.

– Они не выпускали тебя покурить?

– Я не хотел просить их.

– Итак, – произнес Джейми, когда они остановились у входа в бар «Кингс армс», – что ты собираешься сказать Бекке? Правду?

Эйден пожал плечами и переступил с ноги на ногу.

– Не знаю. Она весь день звонила и писала. Я же мог просто работать, отключив телефон?

– Зачем опять врать? Ты переживаешь из-за этой Эммы?

– Все так сложно.

– Между вами что-то есть? – Джейми вдруг осознал, что Эйден еще очень молод. Девятнадцатилетний парень и шестнадцатилетняя девушка. Впрочем, между ними могло быть и десять лет разницы.

Эйден покачал головой:

– Ничего серьезного. Один раз поцеловались, но это было давно. С Эммой все по-другому.

Что-то в его жестах говорило об обратном, но как бы Эйдену ни нравилась Эмма, Джейми не думал, что у них зашло дальше поцелуя. У него не было причин врать ему.

– Она просто не такая, как Бекс, понимаешь? Бекка какая-то неуверенная. Эмма же раскованная, взрослая. Все знает.

– Ну, если вы просто друзья, то почему бы не рассказать Бекке о ней? – «Ох, бедная Бекка, – подумал Джейми. – Этот парень разобьет тебе сердце».

– Она не поймет. – Он бросил окурок и раздавил его ногой. – Я забочусь о ней и все такое, но иногда для меня это чересчур. Я просто хочу расслабляться, веселиться и играть на гитаре.

– Тебе решать, – сказал Джейми, открывая дверь бара, – но я бы на твоём месте ей рассказал. Может, не о поцелуе, но о том, что ты дружишь с этой девушкой и вы вместе закурили в ту ночь. Правда имеет обыкновение открываться. Что, если Беннет упомянет об этом в разговоре с ней? А если журналисты раздобудут эту информацию? Они знают, что тебя допрашивали в полиции. И если Бекка разозлится, то мало не покажется. Ты не сделал ничего плохого. Вы не можете не отходить друг от друга ни на шаг.

– Не знаю, приятель, – сказал Эйден, заходя вслед за ним в теплое помещение и зарывая за собой дверь.

Джейми отметил, что, хотя его только что отпустила полиция, у него был вид приговоренного. «Что же они с тобой сделали!» – мысленно воскликнул он.

– Не уверен, что правда стоит таких хлопот.

– Я надеюсь, ты не произносил такую же фразу в разговоре с Беннет, – сказал Джейми и помахал рукой бармену.

Эйден рассмеялся:

– Я думаю, ты даже мог бы меня подставить, только бы провести с ней еще какое-то время, – сказал он.

Теперь настала очередь Джейми чувствовать себя неловко и смущаться. Значит, это столь очевидно. Чудесно! Если Эйден, который обычно был под кайфом и занят своими переживаниями, заметил это, то Кейтлин Беннет, несомненно, тоже. Он застонал про себя. День становился все лучше и лучше.

Взято из

МАТЕРИАЛОВ, СОБРАННЫХ ИНСПЕКТОРОМ КЕЙТЛИН БЕННЕТ:

ВЫДЕРЖКА ИЗ ДНЕВНИКА НАТАШИ ХОУЛЕНД

Я даже не знаю, с чего начать писать об этом. Думаю, с того момента, когда Бекка налетела на меня, как смерч, в общем зале. Я даже не знаю, *стоит* ли мне писать об этом. Но лучше вылить это из головы на бумагу. Я просто смогу закрыть блокнот. Пора заканчивать этот дневник, который никто и никогда не прочтет. Он исполнил свое предназначение. И я все вспомнила вовсе не благодаря этому глупому дневнику, не так ли? Что, съели, доктор Харви?

Трещины, возникшие между нами, оказались линиями разлома, который нельзя заделать, а сегодняшний день превратился в адский кошмар. Сколько ненависти! А я об этом даже не догадывалась. Случилась нечто ужасное. Я до сих пор не могу в это поверить.

Я сидела в общем зале старших классов еще минут десять после того, как прозвенел звонок, не шевелясь. А идя в зал, я с трудом переставляла ноги. Меня не волновал спектакль. Мой мир рушился. Я ощутила во рту вкус холодной грязной воды. Я вспомнила свой страх. Интересно, Бекка возненавидела меня за то, что я не захотела рассказать все полиции? Я просто хотела пойти домой, лечь спать и больше никогда не выходить из дома. Зачем нам играть в спектакле? И так все притворялись, каждый был кем-то другим. *Дженни отправила то сообщение.*

Первое, что я слышала, положив сумку, были пререкания. В актовом зале всегда на пару градусов холоднее, чем в других помещениях, и этот холод отлично сочетался с ледяной атмосферой между нами. Мистер Джонс с энтузиазмом обсуждал с Джеймсом Энсором, Хейли и Дженни сцену, которую они собирались читать. Я не прислушивалась, но все равно уловила несколько обрывков фраз.

...это сложная сцена, столько скрытых эмоций. Предательство. Боль. Страх.

«Да неужели, мистер Джонс? – хотелось мне воскликнуть. – Добро пожаловать в наш мир!» Хейли оглянулась и улыбнулась мне. Я попыталась улыбнуться в ответ. Дженни смотрела в пол. Она постукивала ногой, и я подумала, что она, возможно, снова под кайфом. Я чувствовала себя такой отстраненной от всех. Будто меня здесь на самом деле не было. Будто я действительно умерла в реке и стала призраком.

– Какого хрена, Ханна! – Голос Бекки ворвался в мои странные грезы. Они стояли у режиссерского стола, где лежали все бумаги мистера Джонса и стояла его чашка с недопитым кофе. Бекка ожесточенно пыталась снять ключ с тяжелой школьной связки. – Хватит капризничать. Зачем вообще делать из мухи слона? Нам что, по двенадцать?

– Я просто не понимаю, почему ты соврала мне, только и всего.

Ханна изо всех сил пыталась стоять на своем, но она неровня Бекке. Не за этим столом. И не в школе. Все, что она, по сути, делала – это цеплялась за обломки затонувшего корабля их дружбы и надеялась, что Бекка затащит ее в спасательную шлюпку. Но у Бекки опять была я. Зачем ей теперь Ханна?

– Может, если бы ты все время не выглядела такой жалкой, мне бы и не пришлось врать, – пробормотала Бекка.

Я почувствовала, что это болезненный укол, хотя он был направлен не на меня. Ханне повезло, что ей не пришлось отвечать Бекке, поскольку та развернулась и ушла в кабинку управления осветительными приборами, оставив ее с лицом, будто потрескавшимся от боли.

– Пойдем со мной на перекур, пока не начали, – сказала Хейли Дженни.

Они разговаривали тихо, но я подошла поближе, делая вид, что углубилась в текст пьесы. Но в этой сцене у меня не было реплик. Я просто должна была стоять в тени и ждать, пока на меня направят свет.

– Отвали, – пробормотала Дженни. – Оставь меня в покое. Я не хочу с тобой разговаривать.

– Джен...

– Я сказала отвали! – Это было уже шипение, но на грани слезливого крика.

– Ладно, все! – Мистер Джонс хлопнул в ладоши. – Давайте начинать. Хейли придется подождать с перекуром.

У меня скрутило живот, и я села на стул подальше от сцены. Джеймс Энсор подошел, чтобы бросить на соседний стул свой джемпер. Он улыбнулся мне и сказал что-то, но я не слышала. Дженни купила телефон. Мне показалось, что я улыбнулась в ответ. Может, и нет.

– Делаем, как мы и проговаривали. И помните, демонстрация силы, страх, страсть – все должно быть здесь. – Мистер Джонс занял свое место. – Таша, я хочу, чтобы они сначала прогнали сцену, а потом мы поставим тебя для проверки Беккиной схемы освещения, ладно?

Я кивнула. Несмотря на то, что у меня перед глазами потемнело, я почувствовала странное облегчение от того, что не была призраком.

Они начали, и даже меня захватила их игра. Хейли была достаточно холодна, как для ее персонажа Элизабет Проктор, а Джеймс обладал тем даром, из-за которого за ним увивались все девушки. Но Дженни... Дженни всегда была для меня открытием. Даже сейчас, будучи не в себе, она все равно блистала на сцене. Полностью перевоплотилась в Мэри Уоррен. Она была Мэри Уоррен. Я вообще-то не завистливая, но Дженни я сейчас завидовала – так она была хороша. Интересно, она хоть понимает, насколько на самом деле талантлива? Мистер Джонс понимал. Он весь светился от радости, когда смотрел на нее. Мужчины и Дженни. Пчелы и мед. Но мы к этому еще вернемся.

– Великолепно! – воскликнул он, когда они дошли до конца эпизода. – Это правда было великолепно. Давайте еще раз. Выложите полностью.

Несмотря на то, что мне становилось жарко и я старалась не думать о пальто, сообщениях и ледяной воде, я поняла, что наблюдаю за ними. Мэри Уоррен больше не будет маленькой запуганной служанкой. Суд Эбигейл – мой суд – наделил ее властью.

– Да, но тогда судья Хаторн сказал: *«Прочти нам заповеди твои!»* – Дженни с диким взглядом и неконтролируемой страстью завладела сценой. – *И из всех десяти она не могла произнести ни одной. Она никогда не знала заповедей, и они уличили ее в наглой лжи.*

– И потому осудили ее?

– Зачем им делать это, если она сама себя осудила?

– Но доказательства, где доказательства?

Джеймс Энсор был хорош. Рациональный персонаж. Приземленный мужчина, который видел все как есть, потому что знал, какова его собственная роль во всем этом. Благодаря Дженни все играли сильнее. Даже стоящая между ними Хейли полностью вошла в образ.

– Хорошо. – Мистер Джонс снова был на ногах. – Отличная работа. Дженни, ты играешь уже идеально. Теперь давайте поставим Ташу на ее место для проверки света и посмотрим, что получится из этой задумки, – сказал он. – Если это сработает, Бекка станет помощником режиссера!

– Как я вижу, она должна стоять здесь. – Бекка вышла из кабинки и встала за отмеченным углом сцены, глядя вверх, чтобы удостовериться, что

осветитель действительно прямо над ней. – А остальные актеры в промежутках между эпизодами будет сидеть на скамьях здесь и здесь – почти как в зале суда, тогда ей и всем остальным будет легко попасть на это место. Мы можем просто посадить их с краю.

Мистер Джонс был явно впечатлен, и Бекка светилась от счастья. Это было просто потрясающе, но у меня снова скрутило живот. Мы такие выносливые. Сильны не только наши тела. Пару часов назад Бекка орала на меня из-за того, что я струсилась и не пошла к Беннет, а сейчас она была полностью сосредоточена на том, чтобы все сделать правильно. Мне было интересно, о чем она думает. Что она сказала Беннет, если нашла ее. Лицо у меня горело.

– Отлично! Таша! – позвал меня мистер Джонс.

Я не могла. Я покачала головой:

– Мне плохо. У меня кружится голова.

Ноги меня не слушались, а внутри черепа гудело. Я не хотела подходить близко к сцене. Близко к ним. Я пыталась успокоиться, но чем больше я старалась, тем сильнее горело мое лицо. От воспоминаний об этом мне и сейчас становится плохо. Когда представляю, что могло случиться. Что случилось. Облегчение и ужасное чувство вины смешались во мне. *Это должна была быть я.*

Мистер Джонс нахмурился, и все столпились вокруг меня, от чего мне было только хуже. Мне необходимо было пространство. Мне необходимо было, чтобы все оставили меня в покое. Я пыталась извиняться между глубокими, прерывистыми вздохами. Мое лицо покрылось липким потом.

– Ты должна это сделать, – сказала Хейли. – Тебе нужно постоять там всего пару минут, чтобы мистер Джонс посмотрел.

Я ее раздражала, это было очевидно. Она думала, что я притворяюсь. Пытаюсь привлечь к себе внимание.

– Может, тебе лучше прилечь? Или тебе принести воды? – спросил мистер Джонс. – Или позвонить твоей маме, чтобы она тебя забрала?

Все взрослые питают ко мне нежные чувства. Они не относятся ко всему так легко, как молодежь. Они не такие выносливые, как мы.

– Я буду в порядке через минуту, – сказала я, хотя отнюдь не была в этом уверена. – Почему-то вдруг поплохело. Закружилась голова. Мне просто нужно немного времени, чтобы отдышаться... Я не знаю, что со мной. Мне станет лучше через пару минут.

Хейли от досады даже цыкнула зубом.

– Но это же займет всего две минуты! – Она посмотрела на мистера Джонса. – Скажите ей, чтобы она встала и сделала это.

– Я это сделаю, – раздался чей-то тихий голос, и все повернулись в ту сторону. Это была Ханна со своим новообретенным стрижнем. – Я примерно Ташиного роста. Сейчас не обязательно, чтобы это была именно она.

– Однако же, – вставила Хейли, – надо видеть выражение ее лица, это так важно – момент триумфа на ее лице, когда Мэри Уоррен говорит, что меня обвинили в колдовстве. Именно это делает сцену такой сильной, а не просто освещение.

– Это правда, – сказал мистер Джонс, – но я же за всех вас отвечаю. Что, если Таша потеряет сознание или что-то в том же духе? И, честно говоря, от тебя, Хейли, я ожидал большего сочувствия. Вы вроде как лучшие подруги. Что со всеми вами сегодня происходит?

Наш угнетенный вид не остался незамеченным.

Он повернулся к Ханне и улыбнулся ей.

– Ты бы нас очень выручила.

– Но я думаю...

– Хватит, Хейли! Давайте просто сделаем это.

Усмиренная мистером Джонсом, Хейли бросила на меня долгий взгляд, а затем вернулась на сцену. Мистер Джонс посмотрел на Бекку, которая находилась у панели освещения, и она показала ему поднятый вверх большой палец.

И они начали, сцена разворачивалась, но в этот раз мне казалась, что все происходит очень медленно. Я знала, что сейчас будет реплика: *«Я ей сегодня спасла жизнь»*. Тот момент, когда Эбигейл/Я/Ханна выходит на первый план, на нее падает яркий свет, а Дженни оказывается в тени. Я вдруг поняла, что невольно стала участницей действия, настолько хорошо все выглядело.

Крещендо нарастало, Проктор, отчаявшись из-за ее побасенок в суде, подступает к Мэри Уоррен, намереваясь ее ударить, а потом...

– *Я ей сегодня спасла жизнь!* – восклицает съездившаяся Дженни, указывая на Хейли.

Пятно света сместилось, высветилась фигура Ханны. Она изо всех сил старалась выглядеть способной манипулировать всеми. Торжествующей.

Вдруг все изменилось. Я почувствовала, что снова нахожусь под водой. Я видела это. Мы все видели это. Хейли произнесла свою следующую реплику, а потом все замерло. Долгие секунды *неправильности*.

Бекка была права. Выглядело это потрясающе. Но длилось всего секунду. Может, две. Затем свет снова изменился. Осветитель превратился в

быстро падающую звезду. Раздался глухой стук – это он тяжело опустился Ханне на голову. Звук был недостаточно громкий, чтобы вызвать ошеломительный эффект. Она удивленно ахнула, прежде чем рухнуть на сцену. Мгновенное замешательство, которого не хватило даже на то, чтобы поднять руку к голове, ощутить боль, перед тем как ее лицо опустело, а ноги подкосились.

Она умерла. Я была в этом уверена. Я видела, как в один миг ее глаза стали неживыми. *И это все? Этого достаточно?* Меня вжало в кресло. Думаю, я сидела с приоткрытым ртом.

Никто, кроме мистера Джонса, не пошевелился. Он упал на колени и вытянул руки над Ханной, не зная, что делать. Думаю, он кричал, но я слышала только шум реки в ушах. Дженни зажала рот рукой. Бекка выбежала из кабинки и остановилась возле мистера Джонса. Она, оцепенев, смотрела на это. Я знаю, почему она так смотрела. Почему мы все так смотрели. Дело было не в маленькой лужице крови возле головы Ханны. Дело было в ее глазах. Они были открыты. И пусты.

Мне хотелось сказать, что *Ханна уже не здесь*, как иногда говорит моя мама, а потом ужасно захотелось смеяться что было сил, не знаю почему, и я не уверена, что стоит об этом писать, но именно такие ощущения я испытывала. Я была на грани нервного срыва, когда двери распахнулись.

Они вошли, но сначала ее не заметили. Директор, инспектор Беннет и еще незнакомые мужчина и женщина, должно быть, тоже из полиции. Они прошли мимо меня. У Беннет в руках был листок бумаги. Видно было, что его сминали, а потом опять расправили. Чек. Когда они остановились, он оказался на уровне моих глаз. Я могла разглядеть напечатанное сверху «*Ван Селл Стон*».

Внезапно вокруг началось движение, но я была как в вакууме. Все вдруг стало ясно. Все. Я ахнула. Мои губы двигались, но я не могла произнести ни слова. Я поняла, что стою, шевеля губами, как рыба, которую вытащили из воды, пока слова наконец не вырвались наружу. Даже здесь, среди плача и криков, в тот момент, когда мужчина и женщина надевали на запястья Хейли и Дженни наручники, они прозвучали громко. Эти слова отдавались у меня в ушах так, что стало больно барабанным перепонкам.

– Я вспомнила, – сказала я слишком громко. – Я вспомнила!

Часть третья

**Выдержка из КОНСУЛЬТАЦИИ ДОКТОРА АННАБЕЛЬ ХАРВИ
ПАЦИЕНТКИ РЕБЕККИ КРИСП, ПЯТНИЦА, 29/01, 09.30**

РЕБЕККА: Врач выписал мне снотворное, но я не хочу его принимать.

ДОКТОР ХАРВИ: Почему?

РЕБЕККА: Просто не хочу.

ДОКТОР ХАРВИ: Ты боишься спать?

РЕБЕККА: Нет.

ДОКТОР ХАРВИ: Тогда тебе нужно его выпить. Ты выглядишь уставшей.

РЕБЕККА: *(Пауза.)* Я вела себя с ней как стерва. Прямо перед этим. Несколько дней до этого. А на репетиции я была с ней жестокой. Знаете, я прямо рывкнула на нее. Я назвала ее жалкой, обидела ее. Так и было.

ДОКТОР ХАРВИ: Ты не знала, что произойдет.

РЕБЕККА: От этого не легче. Это все равно не выходит у меня из головы. Это все равно произошло. И все-таки это я была в кабинке. Я подвинула ползунок, чтобы наклонить осветитель. *(Пауза.)* Мне нужно было самой его сдвинуть. Технически это я ее убила. Этот звук, когда он свалился ей на голову... *(Прерывисто дышит.)*

ДОКТОР ХАРВИ: Это не ты сделала так, чтобы осветитель упал. Ты ее не убивала. В данной ситуации ты тоже жертва. Тебе нужно все это переосмыслить. Иначе воспринимать смерть Ханны.

(Длинная пауза.)

РЕБЕККА: *(Говорит тихо.)* Когда Таша оказалась в реке, я думала, что подобные вещи не случаются с такими девушками, как она. Они случаются с такими, как я. Но я ошибалась. Думаю, иногда такое случается и с девушками типа Таши, яркими, выделяющимися. Или с такими, как Ханна. Ничтожествами. С теми, кому отчаянно хочется кому-то нравиться.

ДОКТОР ХАРВИ: Такого мнения ты была о Ханне? Считала

ее ничтожеством?

РЕБЕККА: Все так считали. Этот осветитель должен был упасть на Ташу, но вместо этого убил Ханну. Именно это больше всего меня поразило. Значит, Хейли и Дженни хотели, чтобы Таша молчала, чтобы не вспомнила. Они хотели, чтобы она исчезла. Умерла. Без разницы. Но когда Ханна сказала, что встанет на место Таши, почему они ее не остановили? В смысле, это уже совсем ненормально – просто позволить, чтобы кто-то другой пострадал или даже погиб. Им действительно было настолько все равно? Им было наплевать на нее? Почему они под каким-нибудь предлогом не убрали ее оттуда?

ДОКТОР ХАРВИ: Может, они не смогли ничего придумать?
(Пауза.)

РЕБЕККА: Мне кажется, Хейли старалась сделать так, чтобы мы дождались, пока Наташе станет лучше, но недостаточно старалась. Они *не остановили* это. Они позволили ей погибнуть. Они позволили мне ее убить.

ДОКТОР ХАРВИ: Ты ее не убивала.

РЕБЕККА: Я управляла освещением. И я повела себя с ней как стерва. Такая стерва!

ДОКТОР ХАРВИ: Почему? Она чем-то тебя расстроила?

РЕБЕККА: (*То ли смеется, то ли плачет.*) Нет. Ханна на самом деле не может – *не могла* – расстраивать людей. Она была просто... Ханной. А я была занята другим. У меня снова была Таша. (Пауза.) Я стыдилась Ханной. Не хотела, чтобы Таша судила обо мне по ней. Она была ничтожеством. Вы должны помнить о такой хрени, вы ведь сами когда-то учились в школе.

ДОКТОР ХАРВИ: Да, считай, что помню.

РЕБЕККА: А к какому типу девушек относились вы?

ДОКТОР ХАРВИ: Полагаю, что была кем-то вроде тебя. Этаким середнячком.

РЕБЕККА: Вы также занимаетесь лечением Наташи, верно?

ДОКТОР ХАРВИ: Да.

РЕБЕККА: И будете врачом Хейли и Дженни? (Пауза.) Я все еще не говорила с Ташей.

ДОКТОР ХАРВИ: А ты хочешь с ней поговорить?

РЕБЕККА: Я ни с кем не хочу разговаривать, включая вас. А полицейские всё приходят и задают вопросы, на которые у меня нет ответа. Я рассказала Беннет все, что знала, еще на парковке.

Таше, наверное, еще сложнее. Вот так внезапно все вспомнить в тот момент, когда это случилось с Ханной. И попытаться уложить в голове поступки Хейли и Дженни.

ДОКТОР ХАРВИ: А у тебя в голове это укладывается?

РЕБЕККА: Не знаю. Мы подозревали их в чем-то, но для меня это было как игра. Не думаю, что я действительно в это верила. Не так, как сейчас. Это уже слишком. (Пауза.) Мы с Хейли когда-то были подругами. Мне она нравилась. По крайней мере, тогда.

ДОКТОР ХАРВИ: У убийц бывают друзья. И семьи. Они очень даже могут располагать к себе. То, как поступила или не поступила Хейли, не делает ее таким Злом. Зла не существует.

РЕБЕККА: Не думаю, что мама Ханна была бы с этим согласна. (Пауза.) Мы с Ташей... Мы их подначивали. Делали вид, что она начинает вспоминать. Ну, события той ночи и предыдущего дня. Если бы мы этого не делали, Ханна, скорее всего, была бы жива. Рано или поздно это всплывет в газетах. Или в суде. Мама Ханна узнает, что мы были замешаны в этом, и она будет винить и меня тоже.

ДОКТОР ХАРВИ: Ты ни в чем не виновата. У матери Ханна горе, но и у тебя тоже. Ты должна перестать себя винить.

РЕБЕККА: Думаю, это так ужасно для Таши. Она, наверное, с одной стороны, чувствует себя очень везучей, а с другой – полным дерьмом. Если бы не Ханна, то могла бы погибнуть она. Это, должно быть, сводит ее с ума. (Пауза.) Вы не могли бы дать мне справку об освобождении на следующую неделю, когда снова начнутся занятия в школе? Я не хочу туда возвращаться.

ДОКТОР ХАРВИ: Ты не хочешь возвращаться на следующей неделе или вообще?

РЕБЕККА: А вы как думаете? (Пауза.) Я хочу, чтобы все журналисты исчезли. Мне кажется, что они не дают мне дышать. В любом случае, мне и так будет тяжело, все будут на меня смотреть. Девушка, которая нажала на кнопку. Девушка, которая не проверила осветительную установку. Мне не хочется слышать это от них. Может, после похорон Ханна мне станет легче. Может, тогда все вернется на круги своя. (Пауза.) За исключением того, что ничего больше не будет как прежде, не так ли?

Выдержка из газеты «Таймс», понедельник, 1 февраля

Полиция поместила под стражу двух шестнадцатилетних девушек, имена которых в интересах следствия не могут быть названы, и предъявила им обвинение в убийстве и попытке причинить тяжкие телесные повреждения. В Брекстонской муниципальной школе сегодня опять начнутся занятия, приостановленные после смерти ученицы старшей школы Ханны Альдертон в прошлый вторник. Директор обратилась к представителям прессы с просьбой уважать личную жизнь учеников и персонала в это трудное для них время. Также был арестован учитель этой школы, которого обвиняют в сексуальной связи с несовершеннолетней.

Брекстонская муниципальная школа не так давно получила высокую оценку Комитета по стандартам в сфере образования, но теперь родители учеников обеспокоены тем, что творится в учебном заведении. Существует разделение школьников на тех, кто проживает в более богатых районах этого тихого пригорода, и тех, кто живет в округе Глебероу с высоким уровнем безработицы и большим количеством получателей долговременного пособия. По нашим данным одна из девушек, обвиненных в убийстве Ханны Альдертон, проживает с матерью в этом округе.

Выдержка из газеты «Брекстон Геральд», понедельник, 1 февраля

После трагических событий, произошедших в Брекстонской муниципальной школе на прошлой неделе, полиция подтвердила, что они больше никак не связывают смерть подростка Николы Монро с несчастным случаем чуть ли не со смертельным исходом, произошедшим с Наташей Хоуленд в прошлом месяце. Двум местным девушкам были предъявлены обвинения в убийстве и намеренном причинении тяжких телесных повреждений. Обеим девушкам, имена которых нельзя называть в

интересах следствия, по шестнадцать лет, и обе в прошлый вторник были свидетелями гибели Ханны Альдертон. Также по обвинению в сексуальной связи с несовершеннолетней был арестован учитель Брекстонской муниципальной школы. Полиция пока не подтвердила связь этого инцидента с событиями в школе на прошлой неделе.

Выдержка из газеты «Сан», понедельник, 1 февраля

Секс, наркотики и убийство в школе для среднего класса.

Брекстон становится олицетворением сломленной Британии?

...хотя имена двух девушек нельзя называть, соседи и родители считали их лучшими подругами одной из жертв. Мать ученицы старшей школы рассказала нам: «Эти трое всегда были вместе. Это такой шок, потому что казалось, что они лучшие подруги. До моей дочери доходили слухи, что они регулярно употребляют наркотики и ходят на вечеринки. Одна из девочек живет в округе Глебероу. Там весьма суровые условия жизни, совсем не такие, как в том районе, где живет Наташа Хоулэнд. Может, это из зависти? Но больше всего пугает то, что это может произойти в такой школе, как Брекстонская. Что до учителя – ну, сейчас в газетах часто пишут о подобных случаях, так ведь? Как им позволяют преподавать в школах? Кто их проверяет?»

Хотя имя задержанного сотрудника школы нельзя называть, источники сообщают, что это мужчина, преподававший английский язык. Он был временно отстранен от исполнения своих обязанностей и сегодня, когда школа возобновляет занятия, не вернется к работе.

Взято из

**МАТЕРИАЛОВ, СОБРАННЫХ ИНСПЕКТОРОМ КЕЙТЛИН БЕННЕТ
(НЕОФИЦИАЛЬНАЯ ЗАПИСЬ), ВТОРНИК, 2 ФЕВРАЛЯ;**

**ИСПОЛЬЗОВАНО ДЛЯ ОТЧЕТА СПЕЦИАЛЬНОМУ
УПОЛНОМОЧЕННОМУ**

Хейли Галлагер продолжает молчать. Она очень бледная. Ее трясет. Не могу ее расколоть. Даже ее мать не может заставить ее говорить.

Дженни Колс теперь, после устроенной ею истерики, ведет себя тихо, но остается отрешенной, замкнувшейся в себе. Необходима оценка ее психического состояния.

После того как ей были предъявлены доказательства против нее:

- записи камер видеонаблюдения;
- чек на покупку двух prepaid телефонов, найденный в ее шкафчике;
- телефоны, найденные в комнатах девочек;
- тексты сообщений, отправленных с этих телефонов накануне и в ночь происшествия с Наташей, и когда ей сообщили о том, что учитель английского Питер Геррик признался в ряде случаев сексуальной близости с Дженни (и указал место их встречи в ту ночь, когда их видела Наташа Хоулэнд, что она уже вспомнила), истерики прекратились. Единственное, что она произнесла за все это время: «Хейли сказала, что что-нибудь придумает».

Мне кажется, что это хоть и не явно, но указывает на то, что Хейли повредила осветительный прибор в школе, от чего Дженни пыталась дистанцироваться. Хейли никак не отреагировала на обвинение. Она все еще отказывается говорить.

Кроме телефонов и того факта, что Хейли повредила театральный осветитель, думая, что под ним будет стоять Наташа, имеются улики, найденные на поляне (окурки, упаковки от снотворного «Далман» – такое же принимает мать Дженни, кусок веревки), и признание Геррика в тайных

сексуальных отношениях с Дженни, в чем была замешана и Хейли, а также показания Наташи и ее записи в дневнике, который ей поручила вести доктор Харви, – сейчас он рассматривается в качестве доказательства. На основании всего этого мы можем выдвинуть обвинения даже без признательных показаний Хейли Галлагер и Дженни Колс. Хейли может быть предъявлено обвинение в убийстве и намеренном причинении тяжких телесных повреждений, а Дженни – в соучастии в убийстве и намеренном причинении тяжких телесных повреждений. У нас также есть их мобильные телефоны, которыми они пользуются постоянно, и сейчас специалисты пытаются восстановить удаленные сообщения.

Нет никаких доказательств того, что Питер Геррик что-либо знал о нападении на Наташу Хоулэнд или был каким-то образом причастен к этому, не считая того, что раскрытие его отношений с Дженни спровоцировало нападение на Наташу. Он явно шокирован тем, что девушки зашли так далеко, и растерян. Он утверждает, что был влюблен в Дженни и собирался уйти от жены. Он уже подал заявление об увольнении и был намерен покинуть школу в конце второго семестра, после того как его ученики сдадут экзамены и он исполнит свои обязанности как член экзаменационной комиссии. Прокуратура, тем не менее, выдвинет против него обвинение, но мне кажется, знай он о намерениях Дженни и Хейли навредить Наташе, он остановил бы их или сообщил об этом в полицию, невзирая на последствия.

Его отпустили под залог, в данный момент он находится дома. Его жена и двое детей, которые ничего не знали о его романе, сейчас живут у родителей жены в Манчестере.

Тело Ханны Альдертон передали семье, похороны состоятся в пятницу. Ее родители попросили полицейских не приходить на погребение, разве что для того, чтобы удерживать журналистов как можно дальше от их дома и места проведения церемонии.

Ни Ребекка Крисп, ни Наташа Хоулэнд пока не вернулись в школу. Обе планируют продолжить учебу после похорон. Психика Ребекки, по понятным причинам, травмирована после смерти Ханны Альдертон, и ее консультирует доктор Харви. Наташа Хоулэнд страдает от чувства вины выжившего, поскольку именно она должна была стоять под сценическим освещением. Тем не менее доктор Харви уверена, что обе девочки через какое-то время избавятся от этих проблем, этому поспособствует и то, что они дадут свидетельские показания в суде, хотя, без сомнения, для них это будет мучительно.

Наташа очень неохотно отдала дневник, который ей поручила вести

доктор Харви, что неудивительно, учитывая его содержание, в том числе и свидетельства употребления наркотиков, ее размышления о сексе, друзьях и семье. Впрочем, этот ее письменный отчет полностью подтверждает показания Ребекки Крисп.

В ночь перед похоронами нервы Бекки были натянуты как струны. Она пребывала в прострации, несмотря на то, что после смерти Ханны, может, только пару раз забила косяк. Время от времени она даже сомневалась в том, что будет еще когда-либо курить траву, но иногда ей хотелось накуриться до одурения. Она ждала, пока стемнеет, перед тем как выйти из дома, и никому не звонила заранее. Она целыми днями никому не звонила. Кто-то слил ее номер телефона прессе, и теперь «iPhone» блокировал все звонки, кроме родителей и Эйдена. Впрочем, ей не нужно было видеть на экране номер мамы, чтобы понять, кто звонит. Кроме тех моментов, когда она была в полиции и на консультации у этого врача-мозгоправа, она все время находилась в мамином поле зрения.

Эйден пришел к ней домой, но даже он не знал, как ей помочь в этой ситуации. Дело было не только в смерти Ханны, что само по себе было хреново, но и в том, что именно Бекка управляла осветительной установкой. Как они должны были это обсуждать? Он все это с трудом воспринимал и чувствовал себя неловко, хотя обнимал ее и говорил, что все будет в порядке. Он приходил накуренным, что мало помогало. Она в нем нуждалась – разве он этого не понимал? И та легкость в отношениях между ними исчезла.

Но ей нужно было с кем-то поговорить, и она в конце концов пришла сюда.

– Она у себя в комнате, – сказала Элисон Хоулэнд, сжимая руку Бекки. – Поднимайся. Уверена, она будет рада тебя видеть. У вас обеих завтра тяжелый день.

Она говорила членораздельно, но очень быстро, и Бекка заметила бутылку вина на кухонном столе. Она была открыта и на две трети пуста. Бекка не могла ее винить. Таша чуть не умерла. Дважды. Она удивится, если Хоулэнды снова выпустят дочь из дома.

– Хочешь что-нибудь попить? Или что-то съесть?

Бекка отрицательно помотала головой и, выйдя из теплой кухни, стала подниматься по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки. Ее душила забота взрослых. Они хотели как лучше. Но что они могли?

Дверь в Ташину комнату была не заперта, и Бекка тихонько ее приоткрыла, внезапно разнервничавшись. Волноваться было глупо, потому что для этого не было повода, но без общения по телефону и в социальных

сетях ей казалось, будто она находится в вакууме. Она привыкла, нажав кнопку, узнавать, как человек себя чувствует, чем занимается. Но теперь этому пришел конец.

– Привет, – сказала она. – Я просто подумала, что... – Она пожала плечами. – Ну, знаешь... по поводу завтра.

Таша подняла на нее глаза. Она сидела на кровати и изучала содержимое старой коробки из-под обуви, которая стояла возле нее.

– Заходи, – наконец произнесла она, подвинувшись, чтобы Бекка могла сесть на кровать. – Рада тебя видеть. У меня такое чувство, что я полжизни не видела никого, кроме Беннет и родителей.

– Понимаю, что ты имеешь в виду. Такое впечатление, что мы в тюрьме.

– Ты в порядке? – спросила Таша.

Бекка кивнула, но сосредоточилась на содержимом коробки. Она была не готова обсуждать свои чувства.

– Что это за фигня? – спросила она.

Там были старые значки, билеты на концерты, пряди волос, засушенный цветок и тому подобный хлам.

– О, просто всякая всячина. Мне нравится хранить вещи, напоминающие о хороших временах. – Она вытащила засушенный фиолетовый цветок. – Это память о том дне, когда мы нашли поляну и сделали ее своим секретным местом. Я увидела его по пути домой. Мне он показался очень красивым на фоне зелени.

Рассматривая содержимое коробки, Бекка заметила знакомую вещь.

– О, это мой старый браслет «Livestrong» [\[13\]](#)?

Таша вытащила его из коробки.

– Ага! Мы тогда учились в шестом классе, и у нас было тестирование. Ну, ты прошла, а я так и не закончила. Ты тогда дала его мне, помнишь?

Бекка улыбнулась и кивнула, от нахлынувших воспоминаний у нее на сердце потеплело. Эта коробка была не только для Барби. Она там тоже была. В сокровищнице воспоминаний. Она подумала о Хейли и Дженни.

– Как они могли? – тихо спросила она, а Таша тем временем аккуратно закрыла коробку и задвинула ее под кровать.

Наташе не нужно было спрашивать, о ком она говорит.

– Не думаю, что они хотели меня убить, – произнесла она, теребя пододеяльник. – По крайней мере, не в первый раз. Они хотели меня напугать. Напоили снотворным и бросили в лесу. Но я не думаю, что они хотели моей смерти. – Она помолчала. – Просто все вышло из-под контроля.

– Что ты помнишь? – спросила Бекка.

Таша казалась такой хрупкой, волосы закрывали ее лицо. Она теперь не была похожа на великолепную королеву пчел, и Бекка сжала ее руку. Она была холодной.

– О господи, я не хочу об этом говорить. Такое чувство, что я повторяю это снова и снова – Беннет, в прокуратуре, *всем*.

– Извини, я не подумала.

– Это из-за того, что я увидела Ханну так близко. И шок, должно быть, что-то обратно переключил в моем мозге, и он снова нормально заработал. Было такое ощущение, словно открыли кран. – Она посмотрела на Бекку. – А ты-то как? Она была твоей подругой. Она была хорошей девушкой.

Сколько людей теперь так говорили о Ханне! Ученица, многого добившаяся, милая девушка и тому подобное, но ведь на самом деле даже учителя редко замечали ее присутствие.

– Не думаю, что до меня это уже окончательно дошло. – Бекка чувствовала, как к горлу подступает тошнота. – Я продолжаю видеть панель управления. Когда закрываю глаза, то вижу, как ору на нее и двигаю ползунок, все это одновременно. Не думаю, что это видение когда-нибудь исчезнет.

– Это не твоя вина. Ты же знаешь. *Они* это сделали. – Она отклонилась назад и посмотрела Бекке в глаза. – Это не мы. Я не виновата в том, что не стояла там, и ты не виновата, что осветитель упал. – Она ссутулилась. – Вот бы у меня все еще был дневник, который доктор Харви заставила меня вести. Может, я заведу другой. Знаешь, это расслабляет. Не думала, что когда-нибудь буду вести дневник, но он помог мне выкинуть мусор из головы.

– А где он?

– В полиции. Они забрали его, как только я о нем упомянула.

Они обе издали стон.

– Боже, как я хочу курить! – сказала Бекка. – Думаешь, журналистам видно окно с того места, где они припарковались?

– Мне уже все равно. Я не выхожу из дома, не считая посещений полицейского участка. Надеюсь, завтра они отстанут.

– Может, погибнет еще какой-то подросток, и это их отвлечет, – пробормотала Бекка, а затем поняла, насколько ужасно то, что она произнесла. Впрочем, это не помешало им обоим рассмеяться. Черный юмор. Что еще оставалось?

– Давай сядем на пол возле окна, – сказала Таша, приоткрыв его на пару дюймов. – Я выключу свет. И они смогут увидеть только светящийся

кончик сигареты. Подумаешь!

Холодный воздух проникал через щель, и Бекка села к стене, положив подбородок на колени. Она стала зеркальным отражением Таши, только менее изящным и с полноватыми бедрами. Чуть приоткрытого окна было недостаточно, чтобы комната, а то и весь второй этаж не пропах сигаретным дымом, но сегодня, да и потом, Хоулендов это вряд ли станет беспокоить. Элисон просто нальет себе очередной бокал вина и будет размышлять над тем, что она как мать сделала не так, не осознавая, что весь этот жуткий бред не имеет ни малейшего отношения к воспитанию – хорошему или плохому, да какому угодно. Дело в них самих. В *их* мире. И их родители ни хрена не могли поделать с этим.

– Хочешь, вместе пойдем на похороны? – спросила Таша после того, как выключила свет. – Пусть зеваки немного выпустят пар. Там их будет много.

– Конечно, – ответила Бекка.

Она испытала облегчение, такое сильное, что сердце потеплело и начало гнать это тепло к конечностям. Она не хотела, чтобы люди пялились на нее одну. А Таша в данной ситуации была трагической жертвой – не настолько трагичной, как Ханна, но Ханны больше не было. Наташа была центром всего этого. Если она будет рядом, то, может, люди не будут видеть в ней жуткого монстра. *Девушка, которая случайно убила свою лучшую подругу.* Может быть, кто-то из улья вообще считает, что она была заодно с теми двумя. Она знала, что происходит в гудящем рое. Любую историю там стараются приукрасить.

– Я попрошу папу подъехать к твоему дому, а потом мы поедем следом за вашей машиной, хорошо? – спросила она, выпуская струю дыма. От сигареты у нее немного кружилась голова, но курение не спасало от легкого подташнивания, с которым она училась жить. Она целыми днями практически ничего не ела и почти не курила. Во рту было гадко, но она снова затанулась.

– Хорошо, – сказала Таша. – Пусть уже это поскорее произойдет, пусть все закончится.

– Я тоже этого хочу.

Бедная Ханна! Даже сейчас, на этом последнем для нее, столь значимом мероприятии, когда наконец она, которая с трудом могла наскрести пять или шесть друзей для празднования дня рождения, все-таки соберет бо`льшую часть старшеклассников, от нее все равно пытаются отмахнуться. «Извини, Ханна, – мысленно произнесла Бекка, запрокинув голову, чтобы остановить жгучие слезы, которые вытекали из колодца

жалости и стыда внутри нее. – Извини, что я была такой стервой».

– Ты собираешься в школу в понедельник? – спросила Бекка.

– Да. А ты?

Бекка кивнула.

– Я бы хотела пойти в какое-нибудь другое место, но тогда вместо детей и учителей, которых я знаю, на меня будут пялиться незнакомцы.

– Ну и ну! Тебе кто-то писал?

– Нет. Я отключила телефон. Мне нужна новая симка. К тому же я не очень хочу обсуждать все это.

– У нас был кое-кто из учителей, но я с ними практически не разговаривала, – сказала Таша. – Предоставила это маме. Хотя я заглядывала в «Facebook». Куча людей пишет на наших страницах, если ты не видела. – Она слегка улыбнулась. – Мы теперь вроде как мини-знаменитости.

Бекка могла поспорить, что на стене Таши отметилось намного больше людей, чем на ее, но все равно было приятно слышать, что о них думают.

– Страницы Хейли и Дженни удалены, – тихим голосом продолжала Таша. – Думаю, их убрала полиция или их родители. Скорее всего, полиция. – Она помолчала. – А страница Ханны осталась. Мы не были друг у друга в друзьях. Но я на самом деле даже рада этому. Было бы странно видеть ее последние записи. – Она посмотрела на Бекку. – Извини. Я не подумала. Для тебя это ужаснее, чем для меня. Она была твоей подругой. И ты... ну, ты и сама знаешь, что тогда случилось.

Я наклонила осветитель. Да, она это сделала. Намеренно или нет, она, Ребекка Крисп, убила свою лучшую подругу. Это была ее схема освещения, это она позволила Хейли залезть на стремянку и подвинуть осветитель, несмотря на все свои подозрения и на ее неподготовленность. Это ее роковая ошибка. Она тем самым им подсобила.

– И эти кучи дерьма о мистере Геррике, – сказала Таша. – Хоть теперь я и вспомнила, все равно мне это кажется таким странным. В смысле, из всех учителей – *мистер Геррик*? Ему далеко до мистера Джонса, правда? Мистера Джонса я бы, наверное, смогла понять. Но мистер Геррик? – Она покачала головой. – Я знала, что Дженни спала со всеми, но я думала, что она разборчивее.

Бекка фыркнула, а потом захихикала, может, чтобы не позволить слезам жалости, в том числе и к себе, вырваться наружу.

– Я просто не могу представить, как они этим занимаются. – Только она это сказала, ее воображение выдало картинку. Дженни и мистер Геррик на его столе, его спущенные штаны едва держатся на бедрах, пока он

трудится. – Ох, черт, теперь я это вообразила!

– Ты хотя бы *не видела* этого в реальности! – сказала Таша.

Они снова рассмеялись, но их тихий смех вскоре угас. Они обе через столько всего прошли и слишком устали для смеха до колик в животе. «Мы чересчур опустошенные для этого, – подумала Бекка. – Из нас высосали все эмоции».

– Мне он нравился, – наконец сказала она, стрельнув в окно непогасший окурок. – Он был добрым, если ты понимаешь, о чем я.

– Да уж, – ответила Таша. – Думаю, что понимаю.

– И он окончательно испортил себе жизнь. В смысле он же не просто переспал со старшеклассницей. Он причастен и ко всему остальному дерьму. К тому, что они сделали, чтобы сохранить все это в секрете. – Она посмотрела на Ташу. – Как думаешь, что он чувствует? – Она помолчала. – Как *они* себя чувствуют?

Не нужно было называть их имена. С этих пор «они» всегда будет означать двух остальных Барби.

Таша повернулась к окну и посмотрела на улицу. Она долго молчала.

– Пойманными и напуганными, – наконец сказала она. – И им жаль, что все так вышло. – После паузы она добавила: – Очень, очень жаль.

– Да, – сказала Бекка. – Думаю, ты права.

Таша поднялась и включила свет.

– А ты видела эту девушку, Эмму? В «Facebook». Подружку Эйдена.

– Кого? – У Бекки скрутило живот, но она уже этому не удивлялась. – Я туда не заходила.

– Я просто видела, что она написала на его стене что-то вроде «рада, что во всем разобралась». – Таша протянула Бекке руку и помогла ей подняться. – Так что я зашла на ее страницу, а там не оказалось настроек приватности, и еще она написала во вторник, что вроде бы спасла парня от тюрьмы. О чем это она? Ты ее знаешь?

Бекке стало плохо. Нет, она ее не знала. Каким образом она могла спасти Эйдена? Это *Бекка* спасла Эйдена, заставив Беннет обыскать шкафчики девочек. Или Беннет их обыскала, потому что эта девушка каким-то образом обеспечила Эйдену алиби? Он неохотно рассказывал о допросе, просто сказал, что им нужно было кое-что обсудить. И вдобавок ко всему, как Таша попадает на страницу Эйдена в «Facebook»? Они теперь друзья? Он ее добавил?

– Не уверена, – ответила она. – Может, и знаю. Я иногда путаюсь. У него много друзей-музыкантов. – Она надеялась, что это прозвучало непринужденно, но внутри у нее все пылало. Он странно себя вел, но она

думала, что это из-за Ханны, а не потому, что сделал что-то такое.

– Он ничего тебе об этом не сказал? – Таша пристально смотрела на нее.

Бекка покачала головой. Почему-то она почувствовала себя неудачницей.

– Тогда, может, я все неправильно поняла, – сказала Таша. – Откуда нам знать, о чем это она? Может, вообще о ком-то другом. Или просто пошутила.

– Да, наверное, что-то в этом роде. – Бекке вдруг захотелось побыть одной, чтобы тараканы в ее голове не метались как угорелые и ей не приходилось бы делать вид, что она кого-то слушает. – В любом случае мне пора домой. Мама, наверное, уже психует. Она не хотела, чтобы я вообще выходила из дома.

– Я тебя понимаю. С моей то же самое. Так вы завтра заедете к нам? Давай в десять?

– Конечно. Не хочу прийти туда одна. Лучше с тобой.

Таша заключила ее в такие крепкие объятия, что Бекка почувствовала ее частое сердцебиение.

– Спасибо за все, Бекка. Ты замечательная. Я не знаю, как бы я без тебя справилась. Правда не знаю.

Бекка обняла ее в ответ, при этом думая о Ханне.

– До завтра, – сказала она. – Давай покончим со всем этим.

Она помахала рукой Элисон Хоулэнд, которая все еще пила в кухне, и ушла. Выйдя на улицу, надвинула на лицо капюшон и опустила голову.

Журналисты, которые все еще сидели в засаде возле ее и Наташиного домов, могли ее сфотографировать, но снимок был бы неудачным. Да и что такого, если в газетах сообщат, что *два пострадавших подростка* встречались перед похоронами? Какое это имеет значение? Бекка понимала, что ее все меньше и меньше волнует окружающий мир. Она просто хотела, чтобы их оставили в покое и дали им возможность прийти в себя.

На полпути к дому ее телефон завибрировал. Это была эсэмэска от Эйдена, он интересовался, как она, а еще написал, что, если она хочет, он может пойти на похороны. Джейми тоже решил пойти, он все равно будет его подвозить. Три смайлика и поцелуй в конце. Ее пальцы зудели. Все зудело, кроме сердца, – оно болело. Джейми захотел, чтобы он подвез его завтра, и он вдруг решил, что пойдет на похороны? Было ли ей место в этой картине? Почему он не захотел пойти туда из-за нее? Он же вроде как *любит* ее! Гнев отхлынул от ее головы к пальцам, и они забегали по экрану.

*Кто такая Эмма?? Как она спасла тебя от тюрьмы??
И когда ты успел добавить Ташу в Fb?????*

Пауза. Казалось, что его ответа пришлось ждать вечность.

*Ты отслеживаешь мой Fb??
Серьезно??*

Ее гнев был поглощен стыдом.

Отвечай на вопросы!!

На глаза навернулись слезы. Она сдерживала их, пока думала о Ханне, но сейчас уже не могла. Какое дерьмо! Ханна умерла, но расплакалась она от мысли, что Эйден ее бросает.

Увидимся завтра. Не время для этого.

Она застонала от ярости и чуть не зашвырнула телефон в ближайшие кусты. Теперь она чувствовала себя обиженной и глупой. Зачем она это сделала? Не могла просто спустить все на тормозах и подождать? И все же, почему он ей об этом не рассказал? И почему он был так холоден? После всего, что случилось, всего, что она пережила – и *все еще* переживала, – почему он не мог просто быть милым? Он знал, что она иногда ведет себя не вполне адекватно, и мог хотя бы попытаться ее успокоить. И почему ей всегда приходится извиняться за то, что она вела себя как дура?

Бекка шла как в тумане, а придя домой, хлопнула дверью и побежала вверх, в свое святилище, чтобы мама ее не перехватила. Она бросилась на кровать и расплакалась. Убеждая себя, что плачет из-за Ханны, она понимала, что это неправда. Как бы жалко это ни выглядело, но она плакала из-за себя.

Солнце сияло, и его лучи осветили Ханну, переключив внимание толпы на нее, чего не было ни разу за ее такую короткую жизнь. Бекка подумала, что она наверняка чувствовала бы себя неловко, если бы могла что-то чувствовать. Пока они выходили из церкви и пробирались через кладбище на парковку, она косилась на Ташу, чье лицо было наполовину скрыто большими очками-капельками. Она пожалела, что не догадалась надеть очки. И вот теперь шла, чувствуя, что ее заплаканное лицо покрылось красными пятнами, и все видели, как ей неловко. На похороны пришло много людей. В церкви яблоку негде было упасть.

Она пыталась поймать взгляд мамы Ханны, но та либо полностью погрузилась в свое горе, либо избегала смотреть на Бекку. От этого у Бекки скрутило живот. Не увидев Эйдена или Джейми Мак-Махона, она решила, что они, должно быть, где-то сзади. Сначала короткую речь произнес отец Ханны, потом викарий, после чего объявили, что поминальная служба по Ханне состоится через несколько месяцев. Им нужно было время, чтобы смириться со своей утратой.

– И кто тогда придет? – тихо прошептала Таша, хотя это была жестокая, но правда. О Ханне быстро забудут.

Бекка была рада покинуть церковь. Ей было страшно смотреть на гроб и представлять внутри него Ханну, холодную и посиневшую. Она вообразила, как ее глаза открываются и в них пылает гнев и жажда мести. За кем она придет? За Хейли или за ней?

– Это было ужасно, – сказала Бекка, борясь с желанием закурить.

Их родители тихо разговаривали, стоя за ними, и вид у них был такой, будто они знали то, что подросткам знать не дано. Будто нечто магическое давало им это понимание. Бекка считала, что это фигня.

– Мне было невыносимо видеть ее там, знаешь? – снова заговорила она. – Я не могла отделаться от мысли, что она может все слышать, ну или как-то воспринимать.

– Она мертва, – сказала Таша. Бекка не могла видеть ее глаза, только поджатые губы. – Я тоже была мертва, помнишь? Там ничего нет. – Она помолчала. – О господи, они идут!

Бекка посмотрела в ту сторону. На них надвигалась этакая волна женственности – девочки с прическами и в черных нарядах, которые были слишком обтягивающими и слишком хорошо продуманными как для

настоящего горя. *Будущие Барби*. Позже в «Instagram» появятся их фото.

Они подошли к Таше, как бы пропитав собою пространство вокруг нее, как дешевый парфюм. Не глядя на Бекку, будто не замечая ее, они ее оттеснили. Девочки принялись изливать свои чувства по поводу Хейли и Дженни, а также Ханны, говорили, как это все ужасно. А еще они радовались тому, что с Ташей теперь все в порядке. Так типично для них!

Мама Бекки, стоящая позади, не заметила, что она оказалась в стороне от всех. Она слушала Элисон Хоулэнд, слегка наклонив голову и обнимая ее одной рукой. Обе, конечно, выглядели безупречно, но Элисон выделялась своей гламурностью. «Извини, мам, – мысленно произнесла Бекка, наблюдая за тем, как одна говорит, а другая слушает. – Ты же тоже никогда не была Барби, не так ли?»

– Я хочу забрать те браслеты, – сказала Элисон со слезами на глазах. – Наташа сама их выбирала, понимаешь? Эти девочки были ее лучшими подругами. Я думала, они ее любят.

– Я этого не могу понять! – отозвалась мама Бекки. – Как они дошли до такого? Я не знала Дженни, но Хейли всегда была таким милым ребенком, она приходила к нам играть. И к тому же она такая красивая. Бедная Наташа...

Бекка отвлеклась от них, когда Викки Спрингер осторожно протиснулась мимо нее в священный круг Таши. Бекка подумала, что даже ее собственная мать больше сочувствует Таше, чем ей, своей дочери, или бедной погибшей Ханне! Она окинула взглядом толпу, высматривая Эйдена, но вместо него увидела Аманду Альдертон. С тех пор как Бекка видела маму Ханны в последний раз, она похудела килограммов на пять-шесть. В этот момент она принимала соболезнования от незнакомых Бекке людей. Аманда была бледной и изможденной. Боль ощущалась в каждом ее движении, куда и подевался ее искрящийся юмор. Бекке стало плохо, как только она взглянула на нее, но она глубоко вздохнула и заставила себя подойти. Она вдруг осознала, что ей нравятся Альдертоны. Даже при том, что в душе она насмехалась над ними, в их компании ей было тепло. «Слишком поздно, Бекс, – сказала она себе. – Разве то, что они тебе нравятся, может что-то изменить? Больше не будет семейных обедов, не будет сэндвичей у них на кухне». Эта мысль подействовала на нее сильнее, чем даже вид гроба, и, не успев дойти до мамы Ханны, она заплакала. Горячие слезы полились сами собой.

Бекка стала шмыгать носом, вытирая его тыльной стороной кисти, не заботясь о том, как это выглядит.

– Мне так жаль! – сказала она. – Мне так жаль!

Она умоляюще смотрела на женщину. Ей нужно было знать, что на нее не держат зла. Ей нужно было, чтобы мама Ханны ее обняла, сказала, что надо как-то с этим жить.

Но та не сделала ни того, ни другого. Какое-то время они просто молча смотрели друг на друга. Бекка плакала, а Аманда была воплощением горя. Из-за слез Бекка не могла разобрать выражения лица женщины. Рядом с ними стоял, опустив голову, Марк Притчард; менее самоуверенный, чем обычно, он разговаривал с Джеймсом Энсором. Теперь они оба смотрели на Бекку.

– Мне очень жаль, – повторила она, на этот раз тише, почти шепотом.

– Мы не виним тебя, Ребекка, – сказала мама Ханны. При этом она даже не прикоснулась к ней, и в ее голосе было мало тепла. Ребекка. Так формально. – Мы знаем, что ты не виновата в смерти Ханны.

– Спасибо, – сказала Бекка. – Знаете, я любила ее. Она была моей лучшей подругой. – Она вытерла слезы и теперь все четко видела.

– Да, была. – Аманда Альдертон выпрямилась, став на пару сантиметров выше. – Она была тебе хорошим другом. Жаль, что ты так легко могла отвлекаться...

После этого она отвернулась, и Бекка восприняла это как пощечину. У нее отвисла челюсть. Конечно Ханна рассказывала маме о Бекке. Ханна рассказывала маме *обовсем*.

– Я не... – пробормотала она. – Я не хотела...

Но Аманда Альдертон уже не слушала ее. Солнечный свет, с трудом рассеивающий февральский холод, вдруг стал слишком ярким. Бекка больше не могла тут находиться. Она нигде не могла находиться. Она хотела побежать в церковь, упасть на гроб Ханны и молить ее о прощении.

– Это она сгоряча.

Бекка чуть не подпрыгнула, а потом расслабилась, испытыв облегчение. Это была Таша, избавившаяся от своих новых послушников.

– Мне кажется, на поминках она захочет, чтобы ты произнесла речь или что-то в этом духе. На кремации во второй половине дня будут присутствовать только члены семьи.

Бекка испытала двойное облегчение от того, что ей не придется смотреть на все это после разговора с Амандой. Наташа кивком указала на толпу, которая начинала потихоньку рассасываться, – все возвращались к своим делам:

– Полицию видно за версту. Вон там, возле Джейми и Эйдена.

Бекка посмотрела туда. Эйден курил под деревьями, Джейми стоял рядом. Ее сердце радостно востепенулось и тут же упало. Ей нужно было с

ним поговорить. Все уладить.

– Видишь? – спросила Таша. – Возле выхода.

Бекка оторвала взгляд от Эйдена и сразу заметила полицейских. Четверо мужчин у церковных ворот, в костюмах, хотя они не принимали участия в церемонии. Их лица были обращены в сторону журналистов, которые, без сомнений, искали возможности сделать побольше снимков для унылых страниц своих изданий. Два офицера одновременно вытащили переговорные устройства и подали сигнал остальным.

– Что-то происходит, – нахмурившись, пробормотала Бекка.

– Всегда что-то происходит, – сказала Таша. – Они полицейские. Думаю, это нас не касается. – Она взяла Бекку под руку. – Пойдем поговорим с Джейми и Эйденем.

Это Бекка и хотела сделать... но только не вместе с Ташей. Мама уговорила ее оставить телефон дома, *в знак уважения*, что бы это ни значило, и все вздохи и просьбы Бекки не заставили ее отступить, поэтому Бекка не знала, писал он ей или нет. Если писал, то она не хотела, чтобы он подумал, что она не ответила, так как недовольна им, и теперь она не знала, *стоит ли* ей быть не в духе. Господи, любовь ведь не должна быть такой *сложной*, правда?

Она злилась на маму. Ее уговоры наверняка не имели ничего общего с уважением – она просто не хотела, чтобы в какой-нибудь газете появились фото, на которых Бекка играет в телефоне во время похорон подруги, которую она нечаянно убила. Вообще-то Бекке этого тоже не хотелось. Особенно после разговора с Амандой Альдертон. Но это не главное.

– Привет, девчонки, – сказал Джейми. – Как вы?

– Это так ужасно! – воскликнула Наташа. – Все это до сих пор кажется чем-то нереальным. Да, Бекс?

– Да. Ужасно.

Эйден смотрел на нее из-под закрывающих лицо волос. Обычно ей нравилось, что у него длинные волосы, но сейчас у нее возникло ощущение, что он использует их как барьер между ними. Он даже не прикоснулся к ней, не взял за руку, только спросил:

– Ты в порядке?

Она кивнула.

– Бекка удивительная, – щебетала Таша. – Я бы не справилась без нее.

– Ты хорошо выглядишь, – сказал Джейми. – И я слышал, что к тебе вернулась память, это правда?

Бекка решила не участвовать в этом бессмысленном разговоре. Сердце стучало у нее в ушах.

– Можем поговорить? – мягко спросила она у Эйдена, взяв его за руку, и отвела его в сторону. – Ну, о вчерашнем вечере. Я была расстроена и, наверное, перегнула палку...

– Ты всегда перегибаешь палку, Бекс. – У него был голос очень уставшего человека. Измученного. – Как ты думаешь, почему я не всегда тебе все рассказываю?

– Что ты имеешь в виду, что именно ты мне не всегда рассказываешь?

– Видишь? Ты опять это делаешь. Неужели ты считаешь, что сейчас это уместно?

Он смотрел на нее, как на ребенка, и это ее задевало. Она покраснела. Разве она этого хотела?

– Я не собиралась с тобой ругаться или выяснять отношения, – сказала она, ненавидя себя за то, что выглядит такой зависимой. – Я просто хотела извиниться. – *Но я все еще хочу знать, кто такая Эмма и как так вышло, что вы с Ташей друзья на «Facebook».* Она отбросила эту мысль.

– Ты всегда извиняешься, – сказал Эйден. – И всегда действительно считаешь себя неправой – какое-то время. Но твоя ревность и неуверенность никуда не деваются. Это выносит мне мозг.

– Я не это имела в виду, я...

Она расплакалась, по ее щекам потекли горячие горькие слезы.

– Эмма просто моя подруга. Она работает в баре. После того как я отвез тебя домой в ту ночь, я заехал туда выпить чего-нибудь, а потом мы пошли и закурили возле реки и уснули в моей машине. Она подтвердила это в полиции, и меня отпустили.

– Почему ты просто мне не рассказал? – спросила Бекка. – Я бы поняла.

Но, произнося эти слова, она осознавала, что это ложь. Она бы рассвирепела. Бекка считала, что это их место. Это *они* туда приезжали. И кто эта девушка, с которой он так классно дружил, что даже ни разу о ней не упомянул? Между ними что-то было? *Эмма*. Наверное, круче нее и старше. Не жалкий подросток, как Бекка.

– Это вранье, и ты это знаешь, – сказал он, прикуривая очередную сигарету.

Он дрожащей рукой протянул ей пачку. Она взяла сигарету. Ее не волновало, что скажет мама и что журналисты могут это увидеть.

– Я не хочу делать это здесь, – продолжил он.

– Делать что? – *Не говори этого, не говори этого!* – Ты меня больше не любишь? – Вот и он, вопрос, произнесенный плаксивым голосом.

– Все не так просто. – Он старался не смотреть ей в глаза. – Ты мне все

еще небезразлична. – Он топтался на месте, в то время как Бекке казалось, что вокруг все замерло. Он собирался это сделать. На самом деле. – Но последние пару недель были хреновыми. Для нас обоих. Думаю, нам нужно какое-то время не видеться. Все обдумать. Ну, знаешь...

Она не знала. Она не хотела этого знать.

– И это на похоронах Ханны... – Она больше ничего не смогла выдать из себя.

– Я не хотел делать это здесь.

Это прозвучало так жалко. Он *был* жалким. Вдруг ее захлестнул гнев.

– *Какого черта* ты вообще сюда пришел? – спросила она. Джейми и Таша оглянулись – ее голос, будто нож, резанул воздух. – Зачем?

– Я подумал, что ты можешь...

Этот вопрос поставил его в тупик, и Бекке это понравилось. Она прервала его – что бы он ни собирался сказать, это было фигней:

– Ты меня хорошо знаешь. И ты знал, что я захочу об этом поговорить. Так *зачем ты пришел*, если не хотел делать это здесь?

– Я не подумал, – пробормотал он.

– Эй, вы там! – попытался вмешаться Джейми, но Бекка метнула на него такой взгляд, что он сразу умолк.

Это было не его дело, он не был ее отцом и не ее он вытаскивал из реки. Так что ему лучше заткнуться.

– Ты пришел сюда не ради меня. Ты пришел ради себя. Хотел, чтобы тебе полегчало, и ты знал, что я не буду устраивать скандал *на похоронах моей лучшей подруги*. – Она сделала глубокий, прерывистый вздох и вытерла слезы. – Думаю, тебе лучше уйти. – Она развернулась и пошла к воротам, все еще держа в руке сигарету.

– Бекка! – окликнула ее Таша.

Она не остановилась. И она не могла оглянуться. Если бы она это сделала, Эйден понял бы, что ее сердце разбито. Она прислонилась к стене и глубоко затянулась, хотя заметила поблескивающие в кустах объективы камер. Ей было все равно. Да пошли они все.

Она выпустила дым, обжигавший легкие. Ее руки дрожали, а ноги так просто тряслись.

– *Патрульные уже едут туда? Мне приехать?*

Она краем уха слышала, как полицейский разговаривал по рации, расхаживая в нескольких футах от нее. Эйден действительно это сделал. Он ее бросил.

– *Пресса уже в курсе? Они просто оставили здесь пару своих машин.*

Она не могла определить, что было для нее более сюрреалистичным –

смерть Ханны или то, что Эйден ее больше не хочет. Может, Ханна над этим посмеялась бы. Может, она бы подумала, что Бекка это заслужила.

– *Я уже еду.*

Нет, она бы не стала смеяться. Ханна была не такой. Она повела бы Бекку выпить горячего шоколада, взяла бы им по куску торта и слушала бы Бекку, а та плакала бы, курила и говорила о любви и коварстве. Она бы нашла подходящие слова. Ханна очень хорошая. Ханна была очень хорошей.

Теперь слезы потекли ручьями.

Выдержка из газеты «Брекстон Сэтеди Геральд», суббота, 6 февраля

Скандал, разразившийся в Брекстонской муниципальной школе, имеет мрачное продолжение. Питера Геррика, 38-летнего школьного учителя английского и члена экзаменационной комиссии, нашли мертвым в собственном доме вчера, когда хоронили Ханну Альдертон, убитую во время репетиции пьесы 26 января. Близкие к следствию источники сообщили, что мистера Геррика отстранили от работы, хотя не было оснований полагать, что он причастен к смерти подростка. Мистер Геррик, отец двоих детей, предположительно находился один дома в момент смерти, и полиция не считает, что кто-то может быть причастен к произошедшему.

Хотя полиция не подтвердила, что именно мистер Геррик был тем сотрудником школы, которого обвинили в сексуальных отношениях с несовершеннолетней, источники подтверждают, что ввиду его смерти прокуратура прекращает расследование данного дела.

Две шестнадцатилетние девушки, имена которых не могут быть названы в интересах следствия, остаются под стражей. Им были предъявлены обвинения в убийстве и соучастии в убийстве Ханны Альдертон.

В Брекстонской муниципальной школе вчера отменили занятия, чтобы ученики и преподавательский состав могли пойти на похороны убитой старшеклассницы Ханны Альдертон. Хотя ярко светило солнце, его затмевало горе ее сверстников и их родителей, которые плакали и обнимались возле церкви после короткой службы. Считается, что не Ханна должна была стать жертвой. Наш источник не сообщает, на кого изначально готовилось покушение, но Ханна Альдертон училась в той же школе, что и Наташа Хоулэнд (на верхнем слева фото со вчерашних похорон), которую в январе нашли едва не умиравшей в реке.

Также на похоронах присутствовала Ребекка Крисп (вверху

справа, с сигаретой), которая, как и Наташа Хоуленд, не посещала школу после смерти Ханны Альдертон. Обеих девушек несколько раз видели входящими в полицейский участок и выходящими из него, но ни одна из них не проходит по делу как подозреваемая. Обе девушки присутствовали в школьном актовом зале в момент смерти Ханны Альдертон. Совершенно очевидно, что смерть подруги сильно сказалась на Ребекке Крисп.

Хотя директор и правление школы официально обратились к представителям прессы с просьбой дать возможность ученикам спокойно вернуться к учебе, многие родители, обеспокоенные последними событиями, потребовали, чтобы в школе какое-то время находился сотрудник полиции по связям с общественностью, а также провести расследование относительно того, как подобные события могли произойти в заведении, которое всегда было на хорошем счету.

Выдержка из

**ПОКАЗАНИЙ НАТАШИ ХОУЛЕНД, ВЗЯТЫХ ИНСПЕКТОРОМ
КЕЙТЛИН БЕННЕТ И СЕРЖАНТОМ МАРКОМ АПЛИНОМ ВО
ВТОРНИК, 26 ЯНВАРЯ.**

**ДОКТОР АННАБЕЛЬ ХАРВИ ПРИСУТСТВОВАЛА В КАЧЕСТВЕ
ЗАКОННОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ.**

Начало процедуры: 20.15.

Это было в четверг после школы. Да, седьмого января. За день до того, как я оказалась в реке. Так странно все это помнить. Будто в голове просто открылась коробка и все воспоминания – как черт из табакерки – выскочили и заняли свои места. Извините. Я попытаюсь не отвлекаться. Да, я в порядке, хотя меня все еще немного трясет. Это было ужасно! Ханна... Господи, бедная Ханна!

Ладно. Вот что я помню. Я пошла за ними в четверг после школы. Да, за Дженни и Хейли. Они в последнее время так странно вели себя по отношению ко мне. Даже больше чем странно, у меня сложилось впечатление, что они не хотят со мной общаться. Да, какое-то время именно так и было. Может, несколько месяцев. И с каждым днем все было хуже и хуже. Иногда они отпускали всякие колкости. Я отчаянно пыталась выяснить, что сделала не так, но мне это не удавалось. Я просто хотела вернуть своих подруг, а не понимать, что в лучшем случае они делают вид, что я им нравлюсь.

Итак, четверг. Они держались отстраненно, и было видно, что они заодно, что их что-то объединяет. Я и раньше видела, как они над чем-то вместе хихикают. Они говорили, что это пустяки. В обед я предложила им после школы пойти посидеть в «Starbucks». У меня деньги были, у Дженни их никогда не было, а

родители Хейли строже моих в отношении карманных расходов, типа она должна зарабатывать на это, помогая по дому и присматривая за младшим братом. А мои родители просто давали мне деньги, когда я просила, так что я не сомневалась, что они пойдут, раз это будет за мой счет. Это некрасиво звучит, правда? Будто я пыталась их купить, но, получается, пыталась. Хейли сказала, что ей нужно пойти на крытую дорожку потренироваться, а Дженни заявила, что останется после уроков на дополнительное занятие по математике – она должна была пересдать экзамен.

У меня возникло ощущение, что они обе мне врут, и это было действительно больно. Они и раньше мне врал, но в тот раз это вывело меня из себя. Ну почему они просто не могли быть со мной честными? В общем, я – господи, я поступила как самая настоящая неудачница – пошла на кафедру математики и посмотрела расписание занятий в группе пересдающих, но на сегодня занятий не было. Я даже подошла к мистеру Расселу-Вудсу – он заведует кафедрой математики – и сказала ему, что Дженни попросила меня уточнить насчет занятий на сегодня, но он ответил, что занятий не будет.

Так или иначе, я сделала вид, что ухожу, а потом пошла за ними. Я знала, что они за спортзалом, Хейли там всегда курит. Теперь они прятались там от меня! Они оставались в школе до пяти часов, и теперь я знаю почему – мистер Геррик освобождался в это время. Я была в толстовке с капюшоном, который на всякий случай натянула на голову, но они ни разу не обернулись. Они были слишком увлечены, разговаривали, держась за руки, и смеялись. Это меня сильно ранило. Я не собиралась догонять их и устраивать скандал, я просто хотела знать, чем таким интересным они будут заняты, что им пришлось соврать мне.

Они пошли к большой парковке возле супермаркета «ASDA». Представляете, где это? Значит, вы знаете, что там задняя часть парковки всегда полупустая. И там темно. Не знаю, зачем ее сделали такой большой, – будто весь Брекстон мог ринуться туда за покупками. Но, как бы то ни было, они пошли туда. Я уже думала, что, может, они просто решили встретить папу Хейли или кто-то должен подвезти их домой... Но зачем им тогда идти на парковку? Они могли пройти пешком или сесть

на автобус, и добрались бы домой быстрее. Мне уже было все равно, почему они отделались от меня, я просто хотела узнать, зачем они направляются именно в это место.

Я старалась не приближаться к ним, шла вдоль стены, где стоят все эти огромные мусорные баки, прячась за ними. К тому времени уже было ни черта не видно и похолодало. Я слышала, что они продолжают смеяться и разговаривать, но уже тише.

Затем подъехала машина. Темный внедорожник. Когда дверь открылась и Дженни забралась внутрь, я мельком увидела мужчину за рулем, но не рассмотрела, кто это. Хейли помахала ему рукой. Он ей что-то сказал, я не расслышала, и она ответила, что все в порядке и ей не холодно.

Дженни была с ним в машине примерно полчаса. А может, минут сорок пять. К тому времени я ужасно замерзла. Хейли пошла в кафе и купила кофе, но все это время она была неподалеку. На ней были угги и добротное теплое пальто. Она подготовилась. Мне же было очень холодно, но я не могла двинуться с места, опасаясь быть замеченной. Окна машины запотели, несмотря на то что двигатель был выключен. Я была шокирована, хотя удивляться тут было нечему. В смысле, все мы знаем, что Дженни отнюдь не девственница, и раз она села в машину к мужчине, они же там не в шахматы играли, так ведь?

В общем, когда я окончательно замерзла, двигатель завелся, и машина подъехала к Хейли. Окно опустилось, и я увидела Дженни на переднем сиденье, она сказала что-то – наверное, что их развезут по домам или что-то другое, и я рассмотрела мужчину за рулем. Это был мистер Геррик. Я была в этом уверена.

У меня было ощущение, что мне дали под дых. Мистер Геррик?! Он казался мне таким милым. Даже немного неуклюжим. Он ну совсем не тянул на *горячего парня*. Как он мог спать с Дженни? Мне пришло в голову, что она просто таким образом пыталась обеспечить себе пересдачу экзамена по математике или что-то в этом духе. Я недоумевала. Когда я пришла домой, я уже не была уверена, что на самом деле видела его. Может, это был другой мужчина, просто немного похожий на него. Я ведь видела его мельком и могла ошибиться. Я даже не знала, что и думать.

Так что в пятницу я встала рано – на этот раз надела свое

самое теплое пальто – и отправилась к школьной парковке. Я слонялась там, делая вид, что жду кого-то, и уже придумала отговорку – мол, мама должна привезти мне забытый учебник или что-то еще. Но никто не поинтересовался, что я там делаю. Вы когда-нибудь видели учителей утром? Думаю, до того как они не пропитаются кофе в учительской, они ненавидят школу даже больше, чем мы. Как бы то ни было, я наконец увидела машину с тем же номером – я не запомнила его полностью, я же не детектив, но три первых символа отложились в моей памяти. И это был он. Это был мистер Геррик.

Мне стало плохо. Действительно плохо. Я не знала, что делать. Но я знала наверняка, что это неправильно и это следует как-то прекратить. Наверное, поэтому они мне и не рассказали. Они *знали*, что для меня это ненормально. Ну, он же учитель, женат, и у него есть дети, и все такое. И он к тому же не выглядит сексуально. Я этого не понимала. Может, он использовал свое положение, чтобы заполучить Дженни? Может, ей совсем этого не хотелось? Голова гудела от этих мыслей.

Я ни на чем не могла сконцентрироваться, а потом на перемене объявили о прослушивании для школьной постановки, и я отправила им сообщение, написала, что куплю обеим ланч в кафе – в том, которое за газетным киоском. Его нельзя назвать отличным, но там готовят вкусные панини ^[14], и там можно есть все, что захочешь, не боясь, что кто-то будет следить, не ешь ли ты что-то жирное. Нам в школе не всегда легко. Я продолжаю читать в газетах всякое о себе и о том, какие мы популярные, но быть популярной странно. Это как ходить по краю, если вы понимаете, о чем я. Иногда мне кажется, что намного лучше быть такой, как Бекс или как бедная Ханна.

В общем, мы пошли перекусить. Мы начали обсуждать постановку, и я ждала, что они скажут что-нибудь *об этом*, но они, конечно, ничего не говорили. Но я уже не могла молчать. Я сказала прямо, что следила за ними и все видела. А их лица! Как представляю Дженни с приоткрытым ртом, набитым сэндвичем с плавленым сыром и ветчиной! Хейли уставилась на меня, как она это может, – отсутствующее выражение лица, означающее, что все происходит внутри. Она так на меня смотрела, когда я целовалась с Марком Притчардом на той вечеринке, и я все еще не понимаю, зачем я это сделала, разве что какая-то часть меня

это помнила и хотела отомстить ей.

Так вот, они обе уставились на меня. Дженни сразу стала говорить что-то вроде «не вздумай никому рассказывать» и тому подобное. Она сказала, что он ей нужен, чтобы она уж наверняка пересдала математику, а потом она уедет из нашего города. Хейли заявила, что это не мое дело и я не должна была за ними следить. Я сказала, что все это неправильно и так не может продолжаться, а еще, что я расскажу кому-нибудь, если они не прекратят. И добавила, что он негодяй, что бы Дженни ни говорила. Нельзя спать со своими учениками, этого не должно быть. Он педофил. Я не позволю ему навредить таким образом одной из моих подруг, *не позволю!* Хейли призналась, что именно поэтому они мне ничего и не рассказали. Они знали, что я просто так этого не оставлю. Мы какое-то время спорили. Я удивилась, что Хейли довольно спокойно к этому отнеслась. Отец испортил Дженни жизнь, а теперь она трахается с мужчиной, который годится ей в отцы?

В общем, я сказала, что у них есть время до понедельника, чтобы со всем этим разобраться. И я имела в виду не просто это прекратить, но и сообщить о таком его поведении. Если они этого не сделают, я сама пойду к директору. Хейли пыталась убедить меня в том, что мне никто не поверит, но на самом деле она так не думала. И еще, она ведь знала, что Дженни не умеет врать, тем более когда на нее давят. Я сказала, что не допущу, чтобы он использовал Дженни в своих интересах. Это явное совращение несовершеннолетней – даже если Дженни рассчитывает на его помощь при сдаче экзамена. И она достойна большего. Я их обеих любила, но это не могло продолжаться.

Обеденный перерыв закончился, нам надо было возвращаться в школу. Они сказали, что подумают над этим. Я, как идиотка, расплакалась, потому что ненавижу ссоры. Дженни тоже расплакалась, и мы все обнялись. Хейли сказала, что я, пожалуй, права, и, может, они просто запутались. Несмотря на то, что мы возвращались в школу вроде бы помирившись, я ужасно себя чувствовала. Это было полное дерьмо. Я чувствовала себя дерьмом. Они ведь были моими лучшими подругами.

Конечно, тогда я не осознавала, как сильно они меня ненавидят. Что произошло той ночью?

Я не могла уснуть. Из-за того, что думала обо всем этом. Я

видела Дженни после занятий – она в туалете с кем-то переписывалась. И у нее был другой телефон. Что-то совсем дешевое. Я поняла, что с этого телефона она переписывалась с мистером Герриком. Я спросила, пишет ли она ему о том, что я сказала. Она ответила, что пишет не ему. Она нервничала, может, была слегка под кайфом, не знаю. По виду Джен иногда сложно судить. Она говорила, что пробует наркотики только со мной и Хейли, но вы же видели ее маму, правда? Если у нее не было наркотиков, то наверняка у нее в сумке была водка или что-то типа того. Она точно нюхает больше, чем я. Я начала нюхать кокс, только чтобы не отставать от них, но, знаете, от него и правда хорошо. У меня же не будет неприятностей из-за того, что я это говорю? Не знаю, где она его покупала или доставала, но у нас и у наших друзей с этим не было проблем.

Я сказала, что, может, стоит ему рассказать. Она ответила, что я должна дать ей время. Это было так странно. Будто он ей *нравился*, на самом деле нравился. В любом случае, как я сказала, я не могла уснуть. Когда пришло то сообщение, я сначала растерялась и подумала, что кто-то ошибся номером. Я на него не ответила и даже рассердилась. Моя голова была занята другим. А потом, когда я наконец задремала около половины третьего, до меня дошло. *Обычным местом* мы называли поляну в лесу. Я подумала, что, может, Дженни напилась или нанюхалась и послала мне эсэмэску с того телефона, который я видела у нее днем. Я не ответила, потому что понятия не имела, пойду на встречу с ними или нет. Потом я решила, что просто схожу посмотреть, там ли они. Я не была уверена, что хочу с ними говорить. Может, там был и мистер Геррик? Мне совсем не хотелось встречаться с ним посреди ночи. По крайней мере, если рядом не будет кого-то из взрослых или другого учителя.

Я была без пальто. Верхняя одежда висела внизу, и я не хотела будить маму или папу. Я просто надела спортивные штаны и пару кофточек с рукавом под толстовку. Я полагала, что это не займет много времени. Если я и буду о чем-то с ними говорить, то только об одном, и им не удастся изменить мое мнение.

И вот я их увидела. Я подсвечивала себе дорогу телефоном, а у них был большой фонарь, наверное, туристический. Думаю, Хейли взяла его в папином гараже. Как и веревку. Их семья иногда ходит в походы.

Они были на поляне, ждали меня, больше там никого не было. Выглядели жалко, но потом мне показалось, что они очень рады меня видеть. Сказали, что хотят все исправить. Извиниться. Я спросила у Дженни про новый телефон. Ведь я могла не прийти, потому что не знала, что сообщение от них. Она ответила, что использует этот телефон для общения с мистером Герриком. Просто писала ему о том, что им нужно поговорить, а потом машинально написала мне. В нем записаны наши с Хейли номера – на случай, если у нее сломается «iPhone». Это телефон из секунд-хенда, он тормозит при загрузке. Я совсем ничего не подозревала. Никогда бы не подумала, что у них обеих есть специальные телефоны, чтобы сплетничать обо мне.

Как бы то ни было, я была рада услышать, что они поступят так, как я просила. Они считают, что я права. Мне так полегчало! Я полностью расслабилась. Они принесли с собой немного выпивки, какого-то дешевого вина. И Хейли протянула мне шоколадный батончик. В знак примирения.

Они... они... Не могу поверить, что они собирались мне навредить. Не стоит думать, что они умышленно это сделали. По крайней мере, не в тот раз. Вначале они просто хотели напугать меня, чтобы я заткнулась. Но потом вылезло и все остальное, то, как они на самом деле ко мне относились. Они, похоже, были под кайфом. Сначала мы просто говорили. Они снова вели себя как близкие подруги, и меня это радовало. Я выпила вина. У меня закружилась голова, а потом все изменилось. Начались мелкие подколки, ехидные комментарии. Я не помню дословно, что они говорили, что-то вроде того, что я себе цены не сложу, а на самом деле я просто капризный ребенок. Потом я почувствовала, что теряю контроль над собой. Ноги меня не держали. Тогда-то они и взялись за меня всерьез.

Они привязали меня к дереву и стали кричать на меня. Говорили разные гадости. Я толком не помню, что именно, потому что у меня кружилась голова. Я чувствовала себя такой уставшей, и было очень холодно, меня клонило в сон. Кора дерева впивалась мне в спину, все тело болело, и мне было так страшно. Я боялась своих подруг. Они выглядели такими дикими, кричали, как сильно меня ненавидят. Они ненавидели меня еще до этого происшествия с мистером Герриком, ненавидели из-за того, что я всегда все контролировала, не давала им свободно

вздохнуть. Они решили, что я считаю их своей собственностью. Хейли ходила туда-сюда и курила, извергая на меня потоки яда. Они больше не хотели со мной дружить. Она что-то говорила про Джеймса Энсора. Я пару раз ходила на свидание с ним. Хейли заявила, что он ей нравился, а я его у нее забрала. Я пыталась сказать, что не знала, что он ей нравился, но получалось какое-то невнятное бормотание. Она была уверена, что то же самое происходит и в отношении Марка Притчарда. И еще наговорила кучу всего, чего я не могла принять. Они сказали, что я считаю себя лучше их, умнее. И то, что я сую свой нос в ситуацию с мистером Герриком, подтверждает это. К этому времени они уже были совсем пьяными и очень злыми. Я не знаю, когда они встретились, но они, должно быть, пили до того, как я пришла.

Потом все было как в тумане. Наверное, я уснула или ненадолго отключилась. Не знаю. Следующее, что я помню, это как Хейли меня будила. Она разрезала веревки и освободила меня. Было так холодно! Я не чувствовала пальцев рук и ног. Похолодало, на самом деле стало очень холодно. Я не знаю, когда пошел снег, но он падал большими белыми хлопьями. Поляну окружали деревья, и на ветках лежал слой снега примерно сантиметра два. Судя по всему, был сильный снегопад, он продолжался достаточно долго, пока мы немного не протрезвели.

Я попыталась встать и упала на землю, но они не помогли мне подняться. Мне кажется, я спрашивала, что происходит. В одной руке у Дженни был фонарь, в другой – длинная палка. Я нигде не видела бутылку от вина. Должно быть, они забросили ее в кусты.

Можно мне еще воды? Спасибо. Это... нелегко.

* * *

Хейли садится на корточки рядом со мной и шепотом говорит, что я выучила свой урок и больше не буду совать свой нос в то, что меня не касается. Она требует оставить их в покое, иначе они сделают со мной что-то ужасное. Меня чуть не вырвало там. Я была очень напугана. У меня все еще путались мысли и голова сильно болела от вина и чего-то, что они в него подмешали, чтобы я стала такой сонной. Я плохо понимала, что

происходит. И очень хотела домой. Знаю, это низко, но меня больше не волновал мистер Геррик. У Хейли тоже была палка, и она резко замахнулась и ударила ею по земле. Я помню этот глухой звук сильного удара о землю, прямо возле моего лица. Помню, как Дженни при этом захихикала.

Они велят мне бежать. Я пытаюсь.

Думаю, какое-то время они следовали за мной. Я слышала за спиной их выкрики. Но я не уверена. Я была так напугана. Помню, что легкие у меня буквально горели и ноги меня не держали.

Я до сих пор не понимаю, как оказалась в реке. Я бежала через лес, ветки лупили меня. Не знаю, бежали они за мной или нет. Я просто хотела попасть домой. К маме.

Я помню, как оказалась в ледяной воде. Помню, что на берегу, с той стороны, где поля, лежал снег. Но я не помню, толкнули ли меня. Я знаю, вы хотите, чтобы я вспомнила, но я не могу. Не могу сказать, что помню. Извините. Я бежала через лес, и следующее, что я помню, – это вода. Я пыталась доплыть до веток, свисающих с другого берега. А потом просто темнота, пока я не очнулась в больнице.

Мне жаль, но это все. Я не знаю, сама я упала в воду или они меня толкнули. Просто не знаю.

*Выдержка из***ЗАМЕТОК ИНСПЕКТОРА КЕЙТЛИН БЕННЕТ (НЕОФИЦИАЛЬНАЯ
ЗАПИСЬ) ДЛЯ ОТЧЕТА В КОРОЛЕВСКУЮ УГОЛОВНУЮ
ПРОКУРАТУРУ, ПЯТНИЦА, 5 ФЕВРАЛЯ**

Ни одна из девушек не призналась в содеянном и не дала полного описания событий, связанных со смертью Ханны Альдертон и несчастным случаем, произошедшим с Наташей Хоулэнд и едва не приведшим к ее смерти. Тем не менее Дженнифер Коул, которая сейчас проходит психиатрическое освидетельствование, указала на то, что Хейли Галлагер была инициатором по крайней мере смерти Ханны Альдертон, повторяя: «Хейли сказала, что что-нибудь придумает». Приемлемость этого доказательства будет зависеть от оценки ее психического здоровья.

Учитывая характер сообщений, которыми они обменивались с предоплаченных телефонов, обнаруженных выключенными в их спальнях, ясно, что обе девушки планировали причинить вред Наташе до того, как она узнала об отношениях Дженни с Питером Герриком. По всей видимости, телефоны были куплены с целью посплетничать о ней (возможно, они не хотели, чтобы она случайно увидела их переписку. Телефоны, которыми они пользовались постоянно, передавались из рук в руки, когда они показывали друг другу что-то в социальных сетях), а не только для того, чтобы переписываться с Герриком. Ни с одного из телефонов сообщения ему не отправлялись. Во всех сообщениях фигурирует Наташа Хоулэнд. Они содержат агрессивные фантазии и свидетельствуют о зависти, а их количество и ожесточенность нарастают вплоть до ночи происшествия с Наташей Хоулэнд. Обе девушки в переписке несколько раз желали ей смерти и заявляли, что больше не хотят с ней дружить. Мечтали от нее избавиться. В пятницу, восьмого января, они договорились сделать это той же ночью. Активность на обоих

телефонах прекращается после сообщения, которое пришло на номер Наташи Хоулэнд. Предположительно их отключили вследствие того, что последнее сообщение было отправлено не с того телефона. Вероятно, к этой ошибке привело то, что Дженни употребляла наркотики, что показали анализы крови.

Восстановленные сообщения с зарегистрированных на них телефонов, которые они использовали ежедневно, также свидетельствуют об их вине и подтверждают тот факт, что они длительное время испытывали неприязнь к Наташе. Они пишут, что лучше бы она умерла, также в сообщениях есть отсылки к «нему» – предположительно Питеру Геррику – и выражается беспокойство по поводу того, что к Наташе может вернуться память. То, что Хейли настойчиво требовала удалять эти сообщения, в очередной раз подтверждает их вину. О многом говорится намеками, но в целом все ясно. Они определенно боялись того, что Наташа Хоулэнд может все вспомнить и поделиться этим с Ребеккой Крисп, которой, вероятно, повезло, что она тоже не стала их мишенью. Они понимали, что им нужно срочно что-то предпринять.

Это совпадает с записями в дневнике Наташи Хоулэнд, который ее попросили вести после несчастного случая и описывать события и свои чувства, что было частью терапии доктора Аннабель Харви. Также это подтверждается рассказом Ребекки Крисп.

**Выдержка из КОНСУЛЬТАЦИИ ДОКТОРА АННАБЕЛЬ ХАРВИ
ПАЦИЕНТКИ НАТАШИ ХОУЛЕНД, СРЕДА, 02/03, 18.00**

НАТАША: Знаете, мы можем обсуждать это целую вечность, но ничего не изменится. Я больше не хочу ходить на эти сеансы. Думаю, со мной все в порядке. Все равно время лечит. Из-за того, что я прихожу сюда и говорю с вами, мне кажется, что это все еще продолжается. А это не так. Все кончено. Память ко мне вернулась. Дженни, Хейли и мистер Геррик – ну, о них вы все знаете.

ДОКТОР ХАРВИ: Ты по-прежнему ведешь дневник?

НАТАША: Его забрала полиция, хотя я и говорила им, что это личное. В нем были записаны мои мысли, не предназначенные для всех. Так что спасибо за это. С тех пор я больше не утруждалась этим. Я вела его, потому что вы попросили, потому что у меня был провал в памяти, но теперь мне это не нужно. Все тайное стало явным. Практически все.

ДОКТОР ХАРВИ: Ты думаешь, у этих сеансов была такая цель? Раскрыть все тайны для полиции?

НАТАША: А разве нет? Только не говорите мне, что Беннет не ждала с нетерпением, чтобы я поскорее вспомнила, что случилось той ночью, и не хотела, чтобы вы мне с этим помогли. Как бы то ни было, я вас гуглила – вы все время сотрудничаете с полицией, поэтому тут дело не только в моих чувствах, не так ли? (Пауза.) Вы занимаетесь также с Хейли и Дженни? Я знаю, что Бекка как минимум один раз к вам приходила.

ДОКТОР ХАРВИ: Ты знаешь, что я не могу обсуждать с тобой других пациентов. Как дела в школе?

НАТАША: Мне кажется, что вы пытаетесь собрать пазл из того, что находится в наших головах. Посмотреть, сложатся ли части в единую картину. И тогда вы все будете о нас знать. (Пауза.) В школе все в порядке. Журналисты больше не ошиваются поблизости, думаю, они не появятся до суда – так что все успокоилось. Наверное, у читателей и зрителей пропал

интерес. Не то чтобы мне до этого было какое-то дело, но намного приятнее ходить по дому или в саду, не боясь, что за тобой наблюдают через длинные объективы. Они хотели, чтобы я поучаствовала в парочке ток-шоу, они и Бекку приглашали, но мы обе отказались. Ну и полиция согласилась с тем, что так будет лучше. Может, нам и стоит поучаствовать в какой-нибудь передаче уже после суда, но не сейчас. Я иногда скучаю по Хейли и Джен. Но стараюсь гнать мысли о них, к тому же у меня появились новые подруги – Вики и Джоди быстро заняли их места. Мне кажется, Джоди за выходные похудела килограммов на шесть, просто чтобы мне понравиться. (*Смеется.*) Это так легкомысленно. Но тогда и я легкомысленная, ведь ее внешний вид без этих слоновьих бедер действительно больше соответствует *нашему*.

ДОКТОР ХАРВИ: Ты часто видишься с Ребеккой? Я думала, вы сблизились.

НАТАША: Не совсем. Наверное, ее это расстраивает – она что-то говорила об этом? (*Пауза.*) Конечно, вы ведь не можете мне рассказать. Ха. На самом деле я ее практически не вижу. Теперь, когда все закончилось, это очень странно. То, что произошло с Ханной, ужасно, и она все еще переживает. Когда я смотрю на нее, то вспоминаю все это дерьмо, предательство подруг. Даже если она тут ни при чем, я просто не хочу находиться рядом с ней. Она иногда мне пишет – глупо звучит, но мы играли в шахматы и отправляли друг другу сообщения со своими ходами. Она спрашивает, какой мой следующий ход, а я каждый раз отвечаю, что у меня не было времени над этим подумать. Похоже, ей не хватает смелости написать: «*Эй, почему ты морозишься?*» Вместо этого она пишет о шахматах. Мне даже немного противно. Господи, я такая стерва, но она напоминает мне Ханну. Бесхребетная. Знаете, я просто хочу двигаться дальше.

ДОКТОР ХАРВИ: Почему ты попросила, чтобы я присутствовала в качестве законного представителя, когда давала показания?

НАТАША: Вы же видели мою мать.

ДОКТОР ХАРВИ: Она кажется очень приятной женщиной. И она, очевидно, очень тебя любит.

НАТАША: Она меня душит. Разве вы не помните, как это

бывает? Когда ты подросток. Никакой личной жизни. Вообще-то дело не в этом. Я не хотела, чтобы она слышала, о чем я буду рассказывать. Чтобы не сжимала мою руку и все такое. Она бы захотела все это обсудить потом. С вами было легче. Без обид, но мне на...рать, что *вы* обо всем этом думаете. Я с вами не живу.

ДОКТОР ХАРВИ: А что насчет твоего отказа от гипноза? Ты не думаешь, что Ханна была бы жива, если бы память к тебе вернулась раньше?

НАТАША: Это вы о чувстве вины? Конечно, я иногда об этом думаю. Но я не могла на это пойти. Даже то, как это описывают, – *погружаться*, ну, это как тонуть. Я не могла этого сделать. Просто не могла. (Пауза.) Вы считаете, что я *должна* чувствовать себя виноватой? Никто, кроме нас с вами и полиции, не знает, что я отказалась от гипноза. Никто не знает, что я сказала «нет».

ДОКТОР ХАРВИ: Отнюдь, я не считаю, что ты должна чувствовать себя виноватой. Но это не означает, что так оно и есть.

(Пауза.)

НАТАША: Что ж. Так оно и есть. А еще я не чувствую своей вины за то, что больше не общаюсь с Беккой. (Пауза.) Хотя я немного общалась с ее парнем. Его зовут Эйден. Теперь, когда он немного подрос, он мне больше нравится. Думаю, что он снова пригласит меня на свидание.

ДОКТОР ХАРВИ: Как, по-твоему, к этому отнесется Ребекка?

НАТАША: Глупый вопрос. Это ей не понравится. Она просто взбесится. Но они же не из-за меня расстались. Да и нельзя всю жизнь думать о чувствах других людей. А как насчет собственных чувств? Я видела, как погибла Ханна. У нее это так *легко* получилось. Так беззаботно. Будто кто-то выключил свет. Она просто ушла. Нет больше Ханны. Она всю свою жизнь переживала о других. Может, если бы она была более эгоистичной, ее жизнь была бы интереснее. Но ведь это я могла умереть. Это могли быть мои похороны, на которых все, блин, выкладывали бы фото в «Instagram» и были такими эмоциональными, а на следующий же день обо всем забыли.

ДОКТОР ХАРВИ: Почему тебя это так нервирует, Наташа?

(Пауза.)

НАТАША: Извините, не заметила, что разгорячилась. Просто... у меня не укладывается в голове то, что нас так быстро забывают. Впрочем, почему бы мне не радоваться? Я же могла быть на ее месте. Зачем переживать из-за всех этих несущественных вещей? Может, это касается и других людей. Может, они тоже не имеют значения? Если только вы их не любите. А может, даже если любите. Я рассуждаю как сумасшедшая? Тяжело объяснить, что я имею в виду.

ДОКТОР ХАРВИ: Ты пытаешься сказать, что тебя не волнует, ранишь ли ты Бекку тем, что будешь общаться с Эйденем?

НАТАША: *(Смеется.)* Да, именно об этом я думаю и говорю. И при этом выгляжу ужасной стервой. Странно, да? Они пытались убить меня, потому что считали меня тираном, эгоистичной сукой, а теперь я такая и есть. Но я ему первая понравилась. И мы подростки, они же не собирались жениться и все такое. Возможно, я делаю ей одолжение. *(Пауза.)* Иногда я думаю, что должна перестать с ним общаться, но он же все равно к ней не вернется, так ведь? Так какой тогда смысл? Я не могу сделать так, чтобы ему не нравиться. И он мне нравится. Он не такой *напыщенный*, как парни в школе. Вы считаете меня ужасной?

ДОКТОР ХАРВИ: Я считаю, что нет ужасных людей. Есть просто люди.

НАТАША: Осторожно, я заметила улыбку! Или мне показалось? *(Смеется.)* Ну вот! Так вы даже немного смахиваете на человека.

ДОКТОР ХАРВИ: У тебя сейчас все в порядке со сном?
(Пауза.)

НАТАША: Вы это нарочно сделали? На полке.

ДОКТОР ХАРВИ: О чем ты?

НАТАША: Об этих ракушках. Их тринадцать. И книг на подоконнике тоже тринадцать. Я не помню, чтобы они стояли там раньше. Это проверка?

ДОКТОР ХАРВИ: Ты очень наблюдательная.

НАТАША: Почему вы просто не спросили: «Наташа, ты все еще зацикливаешься на числе тринадцать?» – этим своим голосом как у «Siri». Для чего эта ловушка?

ДОКТОР ХАРВИ: Я не думала об этом в таком ключе. Я тебя

расстроила?

НАТАША: Мне не нравится, когда меня обманывают.

ДОКТОР ХАРВИ: Я прошу прощения.

НАТАША: А что, если бы я их сосчитала и не сказала об этом?

ДОКТОР ХАРВИ: Мне было интересно, скажешь ли ты.

НАТАША: Почему?

ДОКТОР ХАРВИ: Потому что упоминание о них означает, что ты хочешь, чтобы тебе помогли с этим разобраться.

НАТАША: Это чтобы убедить меня продолжать ходить на сеансы?

ДОКТОР ХАРВИ: Я понимаю, почему ты хочешь двигаться дальше, но я считаю, что ты можешь оказаться в выигрыше, если наши сеансы продолжатся.

НАТАША: Вы думаете, что я ненормальная.

ДОКТОР ХАРВИ: Я думаю, что ты пережила крайне тревожные события.

(Пауза.)

НАТАША: Извините. За то, что расшумелась из-за количества этих вещей. На самом деле это не имеет значения, так ведь?

ДОКТОР ХАРВИ: Как ты спишь?

НАТАША: Как правило на боку. *(Короткий смешок.)* Извините. Не знаю, просто... я до сих пор боюсь темноты. Мне до сих пор снится этот сон. Ну, помните, с голосом из темноты.

ДОКТОР ХАРВИ: Чей это голос?

НАТАША: В том-то и дело! Во сне я знаю, кто это, но, проснувшись, не помню. Я только знаю, что кто-то говорит со мной и я в ужасе. Я думала, это прекратится после того, как ко мне вернется память, но нет.

ДОКТОР ХАРВИ: Это может продолжаться какое-то время. Твое подсознание все еще обрабатывает всю эту информацию. Тебе это может сниться до того момента, когда ты вспомнишь, как оказалась в реке.

НАТАША: Отлично!

ДОКТОР ХАРВИ: Хотя ты и отказываешься от гипноза, он мог бы тебе помочь. Возможно, если бы мы смогли ввести тебя в состояние сна и...

НАТАША: Нет. Никакого гипноза.

ДОКТОР ХАРВИ: Ладно, но подумай об этом.

НАТАША: Я не передумаю. И я также не передумаю насчет наших сеансов. Этот – последний. Это конец. Ваш трюк с ракушками возымел обратный эффект. Я вам больше не доверяю. Я не хочу с вами говорить.

ДОКТОР ХАРВИ: Мне жаль, что ты так к этому относишься. Я могу порекомендовать другого...

НАТАША: Больше никакой терапии. Она мне не нужна.

Она не знала, специально оставили газету открытой на этой странице, чтобы она увидела, или это вышло случайно. Трудно сказать. Солнечный свет потоком лился через большие окна, и он, должно быть, приободрил Бекку. Она всегда с нетерпением ждала лета, радовалась предстоящим длинным каникулам, когда выходишь из дома и никто не капает на мозги, не требует надеть пальто. Но сейчас яркое мартовское солнце и тепло мало ее трогали. Все было хреново, все стало совсем хреново после похорон Ханны, с момента которых, казалось, прошла целая вечность. Бесконечный, затянувшийся ад без надежды на прощение. Заголовок был как вишенка на торте.

Найдена предсмертная записка Николы Монро, подтверждающая, что несчастная девушка наложилась на себя руки

Блин, ну надо же! Ее сердце сжалось при воспоминании о том, как она ворвалась в дом Джейми Мак-Махона, будто какая-то вопящая банши [\[15\]](#). Все эти переживания зря. Выходит, Эйден не имел к этому никакого отношения. Она уставилась на свой телефон, сильно прикусив нижнюю губу. Прежде чем передумать, она быстро набрала текст:

Читала о Николе Монро.

Очень печально, но, может, стало легче от того, что это закончилось? Цём.

Бекка сразу же отправила сообщение. Она не знала, стало ли ему от этого легче. Она не знала, допрашивала ли его полиция снова. Она практически ничего о нем не знала.

В первые дни после того, как он ее бросил, она делала то, чего поклялась не делать: писала ему спяну сообщения, умоляя вернуться, писала злые сообщения, дружелюбные сообщения, пыталась ему звонить. Она поежилась, вспомнив о паре оставленных голосовых сообщений. Она получила ответы только на одно или два ее дружелюбных послания, но они были формальными. Будто они чужие. Будто она не скакала на нем в его в машине, не спала с ним в его кровати и не говорила, что он ее любовь

навек.

Навек. Это слово ее преследовало. *Лучшие друзья навек.* *Любовь навек.*

Но разве что-либо может продолжаться вечно? Правда, Ханна и мистер Геррик, как говорится, обрели вечный покой. Бекка больше не сидела на батарее в коридоре кафедры естественных наук, хотя она предпочла бы его общему залу старших классов, где все ее игнорировали. Она как-то зашла в тот коридор, и ей стало жутко. Будто Ханна все еще была там. Ждала ее со своими упреками. Она никогда не считала подругу мстительной, но было тяжело воспринимать Ханну отдельно от *реакции на ее смерть*, будто ее призрак каким-то образом способствовал этому.

Она смотрела на телефон. Эйден не отвечал, хотя она поставила в конце знак вопроса, чтобы поторопить его с ответом. Она пыталась не расстраиваться. Она уже должна была привыкнуть к этому. Бекка ненавидела себя за то, что написала ему. Теперь все, что происходило в его жизни, ее не касалось, даже если она каждое утро просыпалась, надеясь прочитывать его сообщение о том, что он передумал, что бросить ее было ужасной ошибкой. Что он до сих пор ее любит.

Она смотрела на газету, но не читала заметку. У нее был урок театральных технологий, и она его прогуливала. Вряд ли у нее могли возникнуть проблемы из-за этого. Было бы лучше во всех отношениях больше не изучать этот предмет – на самом деле она была уверена, что все только обрადуются, если она бросит школу.

Таша тоже с ней больше не общалась.

Мне жаль, Бекс, правда, но, глядя на тебя, я вспоминаю о бедной Ханне и о том, как Хейли и Дженни со мной поступили. Знаю, это не твоя вина, но мне нужно попытаться жить дальше.

Она даже перестала отвечать на сообщения об их шахматной партии. В ее свите были теперь новые *Барби*, и на ее стороне были симпатии всей школы и города. Бекка могла представить, сколько сейчас у Таши друзей на «Facebook». Иногда у нее появлялся соблазн зайти туда и посмотреть, что происходит в этом другом мире, но она деактивировала свою страницу и удалила профиль на «Twitter», после того как случилось все это дерьмо.

Так всегда было и будет. Таша красавица и жертва, а людям надо кого-то ненавидеть, и Бекка была идеальным кандидатом. В конце концов, это же она управляла осветительной установкой. Она позволила Хейли залезть

на стремянку. Технически, как она услышала в женском туалете в первый день, когда вернулась в школу, она тоже была убийцей, как Хейли и Дженни.

Кроме того, оказалось, что у Ханны действительно были друзья, кроме нее. Бекка, вероятно, была слишком сосредоточена на себе, чтобы их замечать, но они существовали. Возможно, она нравилась Ханне больше, чем другие, но Бекка не была ее единственной подругой. По всей видимости, быть в школе невидимкой не означало не иметь друзей. Когда Бекка снова стала ходить с Ташей, Ханна делилась своей обидой не только с мамой. Ту незнакомую девушку, с которой Ханна тогда шла на урок географии, оказывается звали Адель Коттерил, и Ханна *часто* плакалась ей в жилетку. Хуже всего было то, что, по словам Адель, исходя из всех ее постов на *странице памяти Ханны Альдертона*, которую она создала, Ханна никогда не была стервой. Она всегда видела в Бекке лучшее. Может, это и было правдой. Но Адель сочла своей обязанностью донести миру, что Ребекка Крисп не заслуживает никакого сочувствия. Альдертоны тоже так считали, и она с ними согласилась. На самом деле Бекка не была жертвой. Она просто пустышка, которая бросила замечательную подругу, а потом нечаянно ее убила. Адель, конечно же, ни разу прямо не обвинила Бекку в смерти Ханны. И все это просто висело там, затхлая туча, покрывающая ее веб-пространство, которое уже никогда не станет чистым и ясным.

Примерно через час после создания страницы памяти Бекка уже увидела первый неприятный пост. Она не могла его пропустить. Ее телефон вибрировал, оповещая о том, что на ее стене появлялись записи. В них не было ничего хорошего. Хватало и тех, кто писал ей в «Twitter». Ей стало плохо. Ей все еще становилось плохо, когда она об этом вспоминала. А хуже всего было то, что Таша пыталась всех успокоить и заступиться за нее. Святая Наташа, которая вдруг стала другом для всех. Никого не волновало, что Таше всегда было плевать на Ханну, потому что она, по крайней мере, этого не скрывала. Она не дружила с ней, поэтому ее и не бросала, как она поступила с Беккой в седьмом классе, – об этом, кстати, все почему-то забыли. Но через день или даже раньше Таша перестала бороться с этим онлайн-натиском, и в конце концов Бекка просто заблокировала «Twitter», «Facebook», «Instagram» и все социальные сети. Так было проще. Не все были способны высказывать подобное в лицо, а ехидные, услышанные краем уха комментарии в коридорах и то, что ее игнорируют, она могла выдержать. Пока могла.

Иногда она смотрела на обломки своей жизни и думала: *«Как это произошло? Я ведь только пыталась помочь»*. Хуже того, Наташа

ошиблась, сказав, что Ханну быстро забудут. Она стала символом этакой неброской чистоты. Бекка же теперь была изгоем. Потребительницей. Пустой, эгоистичной, слабой девушкой, которую заботило только то, как вернуться в свою компанию, и она воспользовалась случившимся с Ташей, чтобы это сделать. Никто не хотел забывать Ханну – даже те, кто до ее смерти не имел о ней ни малейшего понятия, – ведь это значило бы, что они лишатся удовольствия ненавидеть Бекку.

В зал вошли две девушки и парень, посмотрели в ее сторону, а потом сели кружком на стульях в дальнем углу, и Бекка восприняла это как намек на то, что пора уходить. Она все равно хотела пойти покурить и уже сделала самокрутку. Она сейчас много курила, около двадцати штук в день, и стала курить самокрутки вместо обычных сигарет, потому что не могла позволить себе их на карманные деньги. Даже ее мама это заметила – страдальческое выражение лица у нее появлялось каждый раз при взгляде на дочь. Джулия Крисп наверняка хотела многое сказать, но ей, скорее всего, порекомендовали позволить Бекке самой с этим разобраться. А это Джулии Крисп всегда тяжело давалось. Бекка думала, что мать доканывает то, что ей приходится улыбаться и сочувствовать, и ничего кроме этого. Все же, по крайней мере, она могла курить, сколько захочет, и при этом не выслушивать упреков.

Ветер был таким пронизывающим, что она задрожала, хотя солнце уже припекало. Вскоре зима окончательно будет изгнана до конца осени. Ханна умерла, а вот Хейли преследовала Бекку, точнее ее *отсутствие*. Она практически видела, как Хейли стоит, прислонившись к стене, и, презрительно глядя в пространство перед собой, несильно затягивается своей «Vogue». Никаких терпких самокруток, от которых кружится голова. «Может, я и в тюрьме, – говорила в голове у Бекки пустота вместо Хейли, – но ты тоже не очень похожа на победительницу, так ведь?»

Прежде чем жалость к себе переполнила ее, Бекка выбросила недокуренную самокрутку и направилась в помещение. Она не хотела оставаться в школе, но ей больше некуда было пойти. Не было ожидания репетиций, не было Эйдена, с которым можно было заняться сексом, и друзей, чтобы пообщаться. Может, это она была призраком, бесцельно плывущим по коридорам?

Наконец она пошла в то единственное место, где могла почувствовать хоть какое-то умиротворение, – в класс, где проходили занятия по рисованию. Теперь, когда зима закончилась, а отопление в школе еще не отключили, в цокольном этаже было тепло и душно. Казалось, это отдельный мир, не имеющий отношения к школе. Тут было тише, чем в

библиотеке, ученики погружались в сонное спокойствие, которое приходит, когда сосредотачиваешься на творчестве. И здесь было много места, можно было поставить мольберт в углу и спрятаться за ним. В этом классе было легче не чувствовать себя изгоем. Во всяком случае тут говорили мало.

Она делала не домашнее задание, а то, что ей предложила попробовать доктор Харви. Просто нарисовать свои чувства. Похоже, это работало. Бекка думала, что у нее в итоге получится нечто яркое, постмодернистское, с агрессивными цветными брызгами, но каким-то образом на холсте появился заснеженный лес и замерзшая река на рассвете. Это было затишье перед бурей. Пустая сцена, перед тем как Таша вылетела из кустов и то ли упала в воду, то ли ее толкнули. Это было началом. Да, для Таши, Хейли и Дженни все происходило за кулисами, а это было главным выходом на авансцену, в действо на которой была вовлечена и Бекка.

– Это уже выглядит жутковато-красивым. – Мисс Бордерс поставила на стоящий рядом столик две чашки с чаем и придвинула стул. – Мне особенно нравятся эти оттенки красного в небе и вода на кромке льда.

– Спасибо.

– Ты тут уже довольно долго. – Она подождала, пока Бекка поставит кисточку в стакан с водой, и протянула ей чашку. – Я положила одну ложечку сахара. Так нормально?

Чай был слишком сладким для Бекки, и в нем было слишком много молока, но она все равно улыбнулась.

– Еще раз спасибо.

Ей нравилась мисс Бордерс, и она надеялась, что она не заведет из лучших побуждений разговор на тему *«Все ли в порядке?»*, как большинство учителей. Все они замечали, что Бекку сторонятся, и, наверное, все они слышали о том, что творилось в «Facebook» и в других сетях, но тем не менее они заводили этот разговор, хотя на самом деле не хотели это обсуждать. Ученики думали, что все, что происходит с ними, учителей не касается, но Бекка видела их напряженные, расстроенные лица. Должно быть, мистер Геррик был весьма популярен, а теперь он мертв. Опозорен и мертв.

– Забавно, – задумчиво произнесла мисс Бордерс. – Я помню то время, когда вы учились в седьмом классе. Хейли тогда была такой нескладной, правда? – Она не смотрела на Бекку, ее взгляд был все еще направлен на картину. Бекка полагала, что не нужно быть ясновидящим, чтобы понять, почему она выбрала именно этот пейзаж. – Она тебя обожала, я всегда так думала. Она всегда смотрела в твою сторону, когда шутила.

– Наверное, вы неправильно это поняли, – сказала Бекка. Она

поставила чашку и снова взяла кисточку и палитру, не желая, чтобы акриловая краска на ней засохла. – Наташа была центром нашей компании. Она, скорее всего, смотрела на Ташу.

– Ох, сначала она смотрела на Ташу, но это был другой взгляд. – Мисс Бордерс замолчала и отпила чая. – В свободное время я рисую портреты. Я понимаю взгляды. – Она то ли вздохнула, то ли засмеялась. – Господи, такое чувство, будто это было вчера, но теперь вы все уже выросли. Когда вы перешли в среднюю школу, я преподавала всего пару лет. Все так хотели нравиться. Хорошо себя вели. Как времена меняются!

Бекка не знала, что на это сказать. Она не знала, что добавить к этому. Она любила мисс Бордерс, но разве та могла понять их? Она, наверное, даже не помнит своих школьных друзей.

– Знаешь, семиклассники редко ссорились так, как вы. – Теперь учительница смотрела на Бекку, но в ее взгляде не было жалости. Они могли с тем же успехом обсуждать какое-то телевизионное шоу, а не постепенное разрушение жизней подростков. Это была просто беседа. Беседа о важном, но не более. Бекка почувствовала себя немного лучше. – Случались споры и слезы, они ругались, а потом мирились, – продолжала мисс Бордерс, – но семиклассники, как правило, все еще в восторге от *взрослой школы*, чтобы становиться по-настоящему озлобленными. Это проявляется ближе к девятому классу.

– Наверное, я просто невезучая, – пробормотала Бекка. Она наклонилась вперед, сконцентрировавшись на небольшом участке холста, где река встречалась с берегом.

– Это странно, – заключила мисс Бордерс.

«Она, очевидно, будет говорить, пока не допьет чай», – подумала Бекка.

– То, как все получилось. Из вас троих мне не нравилась только Наташа. Я знаю, что не должна этого говорить. Непрофессионально. – Мисс Бордерс подмигнула Бекке. – Но это правда. И, честно говоря, она мне до сих пор не нравится, хотя она столько всего пережила. Меня всегда поражало, насколько она испорчена. Нельзя позволять детям все, что им хочется. Это портит характер. А я не уверена, что он у нее изначально был идеальным.

– У Таши очень хорошие родители, – сказала Бекка. Даже сейчас она все еще продолжала ее защищать.

– Уверена, что это так.

– Но вы правы, – признала Бекка. – Она легко обводит их вокруг пальца.

– Не только их. – Мисс Бордерс слегка отклонилась к спинке стула. – Я никогда не понимала, почему вы обе, а потом и Дженни, так ею восторгались. По-моему, в ней нет ничего особенного. Ты и Хейли, ну, вы были нормальными детьми. А между вами была Наташа. Такая сдержанная.

– Я все это уже плохо помню, – сказала Бекка. – Мы были просто детьми. – Она не отводила глаз от картины, но почувствовала саркастический взгляд мисс Бордерс.

– Впрочем, она была очень симпатичной. Как и Дженни. А вот красота Хейли особенная, холодная. Задолго до того, как это стали замечать, она уже созревала у нее под кожей, ожидая, пока проявятся ее высокие скулы. Я бы хотела написать портрет Хейли.

– Теперь, наверное, можете. У нее не такой уж плотный график.

– Язвительность тебе не идет, Ребекка.

– Но вы же знаете, что она сделала!

После этой фразы на несколько секунд повисло молчание, и сначала Бекка подумала, что мисс Бордерс стало неловко, но потом поняла, что она все еще была погружена в воспоминания, просеивает и сортирует их.

– Хейли очень расстроилась, когда вы переругались.

– Думаю, не очень, – сказала Бекка и пожала плечами.

– Да нет, очень. Это был единственный раз, когда она выступила против Наташи. Больше никто этого не делал. – Она посмотрела на Бекку, тепло улыбаясь. – Даже ты. Все просто повсюду следовали за ней. Но когда ты выпала из их компании и стала сидеть на рисовании отдельно, а маленькая Дженни заняла твое место, Хейли была расстроена. Она пыталась все наладить, но Наташа этого не могла допустить. Я иногда слышала их разговоры во время перерыва. Хейли просила за тебя. А потом, в один прекрасный день, Хейли просто сдалась. Я увидела, как она плачет в коридоре, и спросила, что случилось, но она мне не рассказала. Потом я спросила, имеет ли это какое-то отношение к тебе, и завела разговор о дружбе, но она сказала, что я ничего не понимаю. После этого она стала более холодной. Во всех смыслах этого слова. Стала превращаться в «хичкоковскую блондинку».

Бекка не знала, что означает «хичкоковская блондинка», но понимала, что имела в виду мисс Бордерс: стала превращаться в Барби.

– Ум, красота и секс – они старались стать воплощением этого. Было интересно наблюдать за тем, как они взрослеют.

– Да уж, – сказала Бекка. – Наверное.

Ей это не понравилось. Даже мисс Бордерс увлечена Барби. Учительница, очевидно, уловила эту перемену в ее настроении.

– Ах! – воскликнула она. – Однако же это все было у них абсолютно наигранным, тогда как ты – свое собственное творение. Ты та, кем должна быть. У тебя свой собственный стиль. Это заслуживает большого восхищения. Это талант. Наверное, поэтому Наташа захотела снова сблизиться с тобой, когда потеряла память. Людям нужна правда.

Бекка внимательно слушала, пытаясь отыскать в ее тоне намеков на жалость или снисхождение, но не могла. Это были самые добрые слова, какие ей говорил кто-либо не из родных, казалось, за целую вечность.

– Я думала о них после того, как все это произошло. Ну, о них и о тебе. И, несмотря ни на что, хоть это и ужасно прозвучит, мне больше жаль Хейли, чем Наташу. – Она встала. – Наверное, я все еще вижу в ней ту нескладную, неловкую маленькую девочку, рыдающую в коридоре. Забавно, что подобные вещи могут так долго на нас влиять. – Она помолчала. – На самом деле я думаю, что тебе повезло – я имею в виду, что ты откололась от них.

– Ну, то, что Таша постаралась снова втянуть меня в свой круг, точно ничем хорошим для меня не закончилось. – Бекка попыталась улыбнуться. На самом деле все было не так, и это знали все. Бекка сама бросилась к Таше, осознавала она тогда это или нет.

– Она всегда была такой властной, – размышляла мисс Бордерс, слегка протягивая слова. – Некоторые женщины игроки, и Наташа была рождена такой. Сначала тебя убрали с доски и ввели в игру Дженни.

– Как еще одну королеву, – сказала Бекка.

– Пожалуй. – Учительница рисования взяла свою чашку. – Но я подозреваю, что на доске для Наташи все, кроме нее самой, просто пешки. Она ведь быстро нашла замену своим подругам. – Она положила руку Бекке на плечо. – Даже если сейчас это выглядит иначе, все прояснится со временем.

Ну вот и он, момент, когда надо реагировать по-взрослому. Бекка улыбнулась и положила кисточку.

– Да, вы правы. – Она не совсем была в этом уверена, но мисс Бордерс будет лучше себя чувствовать, услышав от нее это. – Я, наверное, убегу тут и пойду подышу воздухом.

– Я сама все сделаю. Иди. Прогулка пойдет тебе на пользу.

Бекка чувствовала, что на ее лице не улыбка, а какая-то жуткая гримаса, но она продолжала улыбаться как могла, несмотря на желание закричать: *Нет, на пользу мне пойдет, если мой парень вернется и все остальные поймут, что я ни в чем не виновата!*

– Спасибо, мисс, – сказала она вместо этого, хватая пальто и сумку.

Внезапно духота стала невыносимой, а любимая учительница теперь ее раздражала. Взрослые не могут ничего исправить словами, которые они штампуют с самодовольным видом, говорящим: «*Поймешь со временем*». Бекка иногда задумывалась, а что если все они просто забыли, как это – чувствовать *по-настоящему*. Это ведь была не просто перебранка на игровой площадке. *Погиб человек*.

До окончания последнего урока оставалось не менее получаса, и во дворе было пусто, а у ворот не было учителей, неохотно выполняющих свой долг. Бекка, не оглядываясь, прошла через них и прикурила оставшуюся половину самокрутки, едва зайдя за угол. Она понятия не имела, куда идти. Здорово быть не в школе, подальше от всех издевательств, но и домой идти она не хотела. У нее было немного денег, но не было желания самой сидеть в «Starbucks», тем более что в течение часа туда будут заходить ученики школы, а она была не в настроении играть с ними в гляделки.

Она бесцельно бродила по улицам, не обращая внимания на то, куда несли ее ноги, и размышляла над словами учительницы рисования. Бекка не замечала, что мисс Бордерс была так внимательна к ним, когда они учились в младших классах. Как странно, что ей никогда не нравилась Таша. Что-то в этом смущало Бекку, и она не понимала почему. У нее было ощущение, что начали сдвигаться пласты песков ее воспоминаний. Она *знала*, что Таша может быть сухой. Или могла и тогда ею быть. По крайней мере в этом не было ничего удивительного. Может, она чувствовала себя так странно из-за того, что узнала, как тогда расстроилась Хейли.

Может.

Но что-то еще было не так. Что-то не такое давнее, выведенное на передний план мисс Бордерс, но Бекка пока не могла этого уловить. Это было наподобие того, как Таша цеплялась за ветки, оказавшись в реке, только в случае Бекки, что бы это ни было, оно ускользало обратно в глубину каждый раз, когда ей казалось, что в следующее мгновение она это схватит.

Может, ничего особенного. Что бы это ни было, оно не могло быть таким уж важным. Она уже в тысячный раз проверила, не пришла ли эсэмэска от Эйдена, но, конечно, он не ответил. Внутри вспыхнул огонек гнева. Это же было просто невежливо, так ведь? Неужели так тяжело написать просто *спасибо* или что-то в том же духе. Ее мозг выдал рациональную мысль – что он, скорее всего, занят делом, но она ее отбросила. Эйден дерьмо. Всего лишь.

Она замерла, когда увидела три таблички «Продается», воткнутые в

землю одна возле другой, будто борющиеся за лучшее место на лужайке перед домом. Она не ожидала, что зашла так далеко. Она шла, глядя под ноги и глубоко задумавшись. Почему она пришла сюда?

Она стояла на тротуаре, уставившись на дом. Дом Хейли. Он выглядел уставшим от времени. На белых воротах гаража появились бледно-красные пятна, будто что-то с них смывали. Возможно, так и было. Мусорный бак был заполнен бутылками из-под вина и крепких напитков. Значит, не только мама Дженни в последнее время много пила. Шторы на всех окнах были плотно задернуты, как наверху, так и внизу. Интересно, на окнах, выходящих на задний двор, тоже? Неужели родители Хейли живут в темноте, ожидая, пока кто-нибудь купит их дом и они смогут уехать отсюда и начать все заново? Судя по количеству табличек агентов по недвижимости, им еще долго придется ждать. Бекке вдруг стало грустно, она ощутила во всем теле тянущую боль, как в первый день менструации. Может, не только Эйден дерьмо, но и она сама. Она ни разу не подумала о том, с чем пришлось столкнуться семье Хейли. Или маме Дженни. Городской совет переселил ее в новый дом? Она перешла с алкоголя на наркотики? Судя по всему, она могла достать что угодно. *Яблоко от яблони.* Если родители Хейли столько выпили за неделю, то чего можно было ожидать от нее?

Ей захотелось плакать. Она в миллионный раз задалась вопросом, как они до этого дошли. Слезы застилали глаза, и она даже не заметила, как открылась входная дверь.

– Ты?

Это слово подействовало на Бекку так, словно на нее брызнули кислотой, и она чуть не подпрыгнула от неожиданности и быстро вытерла слезы.

– Извините, я просто...

– Просто что? Пришла поглазеть? – Мама Хейли швырнула черный мешок в мусорный бак, стоящий у ворот. Она выглядела совсем уж костлявой в мешковатом джемпере и джинсах. – Может, хочешь еще плеснуть на наш дом яда?

– Я не... я бы не... Извините.

Лицо у Бекки горело. Почему она сюда пришла? За что мама Хейли ее ненавидит? Это не ее вина. Не ее. Она ничего такого не сделала. Мама Хейли ринулась вперед и остановилась, когда они оказались лицом к лицу. Бекка слегка отпрянула, ее дыхание участилось. Она хотела ее ударить?

– Извините. Я... – Не зная, что еще сказать, она чуть слышно спросила: – Как Хейли?

Миссис Галлагер горько рассмеялась.

– Тебя это волнует? Или теперь, когда ты осталась без друзей, она тебе снова понадобилась?

Бекка шагнула назад, шокированная этими словами.

– О да. До меня дошли слухи. Не только на мою девочку выливается столько ненависти в «Facebook», так ведь? – Глаза у мамы Хейли были красными, а темные мешки под ними свисали так сильно, что казалось, они лежат на ее впавших щеках. – Что такое? Язык проглотила, мисс детектив? Думаешь, ты такая умная, да? Боже мой, что же ты наделала! Дженни в психиатрической клинике, а моя Хейли совсем сломалась. Она теперь на наркотиках, ты знала? Ты об этом знала? – Она ткнула своим тощим пальцем в сторону Бекки. – Сломалась. – Она постучала себя кулаком по груди. – Тут. Она практически ничего не понимает, просто сидит и что-то бормочет. Но она говорит о тебе и Дженни. До сих пор переживает за тебя. После всего этого. А со мной она отказывается видиться. Говорит, что в этом нет смысла. – Она подалась вперед и, схватив Бекку за руки, стала трясти, пока сумка не соскочила с ее плеча. – Ты можешь понять, как это? Ты можешь понять, какой беспомощной я себя чувствую?

У нее внезапно иссяк запал, и она разрыдалась, резкие звуки, казалось, вырывались из самой груди. Она осела на землю, превратившись в бесформенную кучу, разжала пальцы, и ее рука скользнула по ноге Бекки.

Бекка беспомощно огляделась. Ей стало плохо, и она не знала, что делать. В конце концов она присела рядом с этой хрупкой женщиной.

– Вам нужно вернуться в дом, – сказала она как можно мягче. Она хотела ее обнять, но боялась, что та набросится на нее. – Можно я помогу вам?

– Она говорит, что Дженни права. – Она наверняка видела свой личный ад, и Бекка подумала, не пьяна ли она. Скорее всего. – Она говорит, что это ее вина. Не стоило думать, что они все могут исправить. А теперь Ханна и Питер Геррик мертвы. – Она говорила, всхлипывая. – И она не хочет мне это объяснить. Говорит, что ей никто не поверит. Она не хочет никого видеть. – Всплипы усилились, они словно вырывались из глубины души. – Я так боюсь, что она там умрет.

– Простите. – Бекка не знала, что еще сказать.

Она не чувствовала себя виноватой из-за Хейли, но винила себя за всю эту боль. Ноги у Бекки уже занемели, их начало покалывать, но она продолжала сидеть на корточках возле миссис Галлагер, пока та не перестала плакать. Женщина тяжело вздохнула, вытерла нос тыльной стороной кисти, а потом подняла глаза на Бекку. Она выглядела

изможденной, очевидно, подобные эмоциональные срывы в последнее время случались часто.

– Я тебя ненавидела, – сказала мама Хейли, тоже сев на корточки. – Мне кажется, до сих пор ненавижу.

И тут у Бекки из глаз брызнули слезы. Взрослые не ненавидят подростков. Они не должны. И Бекка не сделала ничего плохого.

– Но она – нет. – Женщина поднялась на ноги, Бекка тоже встала, и они снова оказались лицом к лицу. – Она думает о тебе больше, чем обо мне.

Бекка вытерла слезы.

– Что вы имеете в виду? – С чего бы Хейли о ней думать? Она хочет ей отомстить?

– Она больше не желает меня видеть. – Горе могло снова сокрушить ее.

– Что она говорит обо мне? – не унималась Бекка.

Мама Хейли направилась к входной двери. Сделав пару шагов, она остановилась и обернулась.

– Она просто повторяет: «Она использовала Бекку», снова и снова. – Они смотрели друг на друга; женщина пожала плечами, прежде чем отвернуться. – Может, это из-за наркотиков, – донеслись до Бекки ее слова. – Я не знаю, что и думать. Но я точно не хочу думать о тебе.

Всю дорогу до дома Бекка практически бежала, голова разрывалась и от тревоги, и от боли. Ей нужно было тихое, уединенное место, чтобы подумать. Ужасно было видеть маму Хейли в таком состоянии. Она была сильнее сломлена горем, чем Аманда Альдертон на похоронах своей дочери, которая *на самом деле умерла*.

Хейли. Любительница лазить по деревьям. Блондинка, обладающая ледяным спокойствием. Убийца. Похоже, она совсем съехала с катушек. А разве в тюрьме легко достать наркотики? Может и так. Но почему Хейли сорвалась только сейчас? Бекка вспомнила, как спокойно она взбиралась по стремянке, чтобы сдвинуть осветитель. Тогда она не нервничала. Может, в тот момент ей казалось, что все это не по-настоящему. Бекка подумала о мисс Бордерс, наблюдавшей за тем, как умирает их дружба, и почувствовала острую боль, вспомнив то время. Что заставило Хейли перестать заступаться за нее, когда Таша заменила ее Дженни? Что тогда довело Хейли до слез?

«Почему вообще тебя это волнует? – спросила она себя. – Это было давно. Тебе никто не нужен. Тебе и самой хорошо. Плевать на них». Это были невеселые мысли, и иногда она действительно так считала, но сейчас она не была искренней с собой. Так можно было думать, когда с ней были Ханна и Эйден и когда она уже плохо помнила, как это – быть в крутой компании. Теперь все было иначе. Ей нужно было залечивать свежие раны. Будто она снова вернулась в седьмой класс, но на этот раз все было намного, намного хуже. Но разве она помнила их детскую дружбу такой, какой она была на самом деле? Мисс Бордерс сказала, что все они делали то, что им говорила Таша, – разве это так и было? Да, Таша всегда была у них главной, но как Бекка на самом деле к ней относилась?

В голове что-то начало пульсировать. Во рту пересохло, ей хотелось пить, но она не стала спускаться в кухню, чтобы не столкнуться с мамой. Она достала из кармана помятую упаковку жвачки и сунула одну в рот, потом открыла окно. В ящике прикроватной тумбочки лежала пачка «Marlboro Lights» с несколькими сигаретами, которые она теперь берегла для особых случаев, и она взяла одну. Дым был приятным на вкус, в отличие от гадкого, мутящего дыма самокруток. Он напомнил ей об Эйдене. Она снова посмотрела на телефон. Сообщений все еще не было.

Ублюдок.

Держа вкусную сигарету в руке, она подошла к забитым всякой всячиной полкам и вытащила свои старые фотоальбомы, уже почти развалившиеся. Она сто лет их не пересматривала. Что-то до сих пор не давало ей покоя, что-то полузабытое, и она надеялась, что погружение в прошлое, возможно, прояснит это. Она переворачивала картонные страницы, снимки были вставлены под целлофановую пленку. Было приятно видеть настоящие фотографии, которые принадлежали только ей, а не всему миру, как те, что выкладывали в «Instagram» и «Facebook».

Улыбающиеся детские лица – ее намного круглее, чем сейчас, но и намного счастливее. Ужасная одежда. Тут они втроем. День на пляже. Она не могла вспомнить, чьи родители их возили туда, но помнила десятицентовые автоматы со всякой всячиной и то, что они никогда ничего не выигрывали. Дырка на месте передних зубов у Хейли, она не могла дождаться, когда вырастут новые зубы. Празднование шестого дня рождения Бекки – тут она не такая улыбчивая, потому что ей пришлось надеть ненавистное фиолетовое платье, так как ее зеленое было испорчено, и... Она замерла, ее рука все еще лежала на этой фотографии. *Ее зеленое платье. Как она могла забыть о своем идеальном зеленом платье? Его испортили. Наташа его испортила и свалила все на Хейли.*

Ей стало плохо и голова слегка закружилась, когда она глубоко затынулась. Зеленое платье было у нее очень давно. Сейчас это не могло иметь никакого отношения к Таше и Хейли, так ведь? Просто Таша была избалованным ребенком. И все же. Этот кусок изумрудной ткани так и стоял перед глазами. Это что-то значило. И дело было не в том, что тогда сделала Наташа, а в том, *как* она это сделала.

Она посмотрела на красивые шахматные фигуры из мыльного камня, терпеливо ожидающие следующего хода на доске, сдвинутой на край маленького стола. Их силы были равны, когда Таша прекратила игру. Теперь же забытые короли смотрели друг на друга поверх своей обороны.

Шахматы.

У нее снова стало зудеть в голове. Было такое чувство, что она пропустила что-то важное. Что-то прямо под носом. *Шахматы.* Она снова посмотрела на замершие фигуры, воспоминание червем пробиралось наружу. Комплект шахмат. Похороны.

Внезапно она вспомнила. То, что она услышала тогда, всплыло в ее голове.

Наташа сама их выбирала, понимаешь? Эти девочки были ее лучшими подругами.

Миссис Хоулэнд действительно сказала именно это? Или память Бекки

сыграла с ней злую шутку? Был только один способ выяснить.

Она посмотрела на часы. Если она поторопится, то сможет добраться до дома Хоулендов до того, как Наташа вернется из школы. Она швырнула сигарету в открытое окно, не потрудившись ее потушить, затем порылась в шкафу и нашла то, что хотела, – красный кашемировый свитер, подаренный тетей на Рождество, который был на размер или даже на два меньше, чем ей нужно. Идеально.

Она выскочила из дома до того, как мама успела ее окликнуть, и побежала. У нее было мало времени. Может, Наташа и собиралась куда-нибудь зайти после школы, а может, и нет. Бекка этого знать не могла, так как теперь не входила в круг ее приближенных.

Только свернув на Наташину улицу, она замедлила шаг. Она не могла явиться туда, задыхаясь и обливаясь потом. Ей нужно было выглядеть как обычно. Быть спокойной. Она пару секунд постояла, прислонившись к холодной кирпичной стене возле входной двери, пока ее дыхание не восстановилось, потом выпрямилась и позвонила.

– Ребекка! – Всегда Ребекка, ни разу Бекс или Бекка.

– Здравствуйте, миссис Хоуленд.

– Проходи. Наташа еще не пришла.

Элисон Хоуленд снова выглядела элегантно, ее одежда идеально сочеталась по цвету, несмотря на то, что был обычный будничныи день и она могла выйти разве что в супермаркет. А может, она обедала с подругами. Бекке казалось, что у Элисон Хоуленд идеальная, комфортная жизнь. Даже случившееся с Наташей оказалось не таким трагичным, каким могло бы быть.

Свежие журналы были свалены в кучу на кухонном столе, из-под них выглядывал «AirBook», которым так никто и не пользовался. Но даже от этого помещение не выглядело неаккуратным – журналы были слишком дорогими для этого. Кухня, наоборот, была *стильной*, как на фото интерьеров домов знаменитостей. А еще она была шикарной.

Бекка протянула Элисон свитер.

– Я нашла его дома и подумала, что это может быть Наташин. Он не мой.

Элисон взяла его и внимательно рассмотрела.

– Не думаю. Ей не очень нравится кашемир. – Она виновато улыбнулась. – Хотя свитер милый.

– Значит, он может принадлежать Хейли или Дженни, – сказала Бекка.

Лицо Элисон напряглось, и Бекка чуть ли не возненавидела себя за боль, которую причинила этой женщине. Может, раны Элисон еще не

успели зарубцеваться.

– Если это так, можешь его сжечь, – с горечью произнесла Элисон. – После суда они еще долго не смогут ничего носить, кроме тюремных роб.

Бекка кивнула, чувствуя, что краснеет. Элисон, которая, должно быть, заметила ее неловкость, сжала ее плечо.

– Ох, извини. Это не твоя вина. Просто я... Что ж, это для всех тяжело. Я знаю, что для Гэри это тоже удар. Они ему так нравились! Особенно Хейли. А они... они пытались... Я никогда не видела его таким расстроенным и злым. *Такой обман*. Столько лжи.

– Это просто шок! – пробормотала Бекка. Она хотела перейти к браслетам, но не знала как. Может, просто прямо спросить о них? – Они же были близкими подругами Таши.

– И они были такими милыми, так поддерживали ее после того случая, и от этого еще больнее. Я *плакала* с ними. Они сидели с ней в больнице, приносили ее вещи, чтобы нам не пришлось ее оставлять. И все это после того, что они сделали? У меня до сих пор это не укладывается в голове. Даже сейчас.

Бекка не видела Хоулендов после похорон Ханны, и хотя сейчас Элисон выглядела не такой расстроенной, как тогда, она все еще испытывала боль от того, что сделали девочки. Она все еще жила в том моменте, когда все изменилось. Терапия ей была нужна даже больше, чем Бекке. Как бы она отреагировала, увидев маму Хейли, плачущую возле дома? Пожалела бы? Чувствуя в Элисон ледяную ненависть, она подумала, что там разыгралась бы та еще сцена. Они испортили ее идеальную жизнь. Это нелегко простить. *Яблоко от яблони*.

– И я хочу забрать эти браслеты, – прошипела Элисон. Она больше не смотрела на Бекку. – Наташа их *выбрала*. Я попросила полицейских вернуть их мне, но, судя по всему, я пока не могу их получить.

Вот оно. Бекке даже не пришлось спрашивать. Она все правильно услышала на похоронах. Она даже вздрогнула, и у нее перехватило дыхание. Таша сказала, что их выбирала ее мама, но это была неправда. Их выбирала Наташа. Бекка посмотрела на часы.

– Я лучше пойду, – сказала она. – У меня скоро сеанс психотерапии. – У нее не было никакого сеанса, но она не хотела, чтобы Наташа застала ее здесь. Она будет выглядеть такой *жалкой*. И ей надо было подумать.

В конце концов, это была небольшая ложь. Может, Таша сказала, что браслеты выбирала ее мама, просто потому, что не хотела, чтобы Бекка чувствовала себя обделенной. Но когда еще она врала?

– Конечно. – Элисон неожиданно обняла ее, и Бекка ответила тем же.

Потрясенная, она не могла поступить иначе. – Ты всегда была лучшей из них, Ребекка. Я так расстроилась, когда вы отделились.

Бекка лишь пробормотала что-то на прощанье и высвободилась из ее объятий. Теперь ее трясло. Элисон Хоуленд, очевидно, даже не подозревала, что они снова отделились, и не видела всю ту вылитую на Бекку грязь в интернете – по словам Таши, она не увлекалась компьютером и никогда не использовала свой новенький ноутбук. Бекка решила, что это и к лучшему.

– Бекс?

Она подняла глаза. *Вот черт!*

– Что ты тут делаешь? – Таша прищурилась, так как предзакатные солнечные лучи били ей в глаза.

Трудно сказать, раздражена она была или просто пыталась что-то разглядеть, но ее тон был определенно недовольным.

– Я принесла это. – Она слегка приподняла руку, в которой держала свитер. – Нашла дома и подумала, что, может, он твой.

– Что? – Таша выгнула бровь. – Это?

Бекка стиснула зубы. Таша-стерва вернулась. Впрочем, она права. Бекка и сама никогда бы его не надела, не только из-за размера. В нем было что-то старушечье.

– Да, я должна была сообразить. Думаю, я... – Она, ссутулившись, переминалась с ноги на ногу. – Я просто хотела с тобой увидеться. Столько времени прошло с тех пор, как мы в последний раз разговаривали. Хотела убедиться, что у тебя все в порядке. – Это лучшее, что она смогла придумать. И это было отчасти правдой. Ей было больно от того, что они больше не друзья. Очень больно.

– Я в порядке. – Тон Таши смягчился. – Извини за все это в интернете. Наверное, было тяжело удалять все свои страницы.

– Меня это не волнует, – сказала она, хотя это было не так. Несмотря на то, что она таким образом освободилась от троллинга, ощущение было такое, словно она кусок от себя отрезала. Еще немного, и она начнет создавать фейковые аккаунты, просто чтобы почувствовать, что находится в той же вселенной, что и все остальные. – Я скучаю только по нашим прогулкам. Было хорошо опять дружить.

Таше явно было неловко, ее взгляд метнулся от Бекки к двери в поиске спасения.

– Я просто не готова, понимаешь?

– Конечно, – согласилась Бекка. Таша впервые выглядела неискренней с тех пор, как все это началось. – Конечно, я понимаю.

– Спасибо, Бекс. Не думай, что я тебя не люблю. Это не так. Если б не ты, кто знает, как бы сейчас все было?

«И как же? – подумала Бекка. – Что именно я для тебя сделала, Таша? Почему Хейли считает, что ты меня использовала?»

Она пожала плечами:

– Я лучше пойду.

– Хорошо, – с облегчением сказала Таша.

Бекка отошла от нее на несколько шагов, а потом повернулась.

– Таш, – позвала она.

– Что? – Девушка уже стояла у входной двери.

– Почему ты сказала мне, что твоя мама выбирала браслеты, которые ты подарила Хейли и Дженни?

– Что? – Теперь в ее тоне улавливалось раздражение. Она явно хотела, чтобы Бекка побыстрее ушла.

«А иди ты на хрен, мисс Идеальность, – мысленно произнесла Бекка, подходя к ней. – Я все еще здесь».

– Эти браслеты... в знак дружбы. Ну, когда ты подарила мне комплект шахмат. Ты сказала, что их выбирала твоя мама, а она – что *ты сама*.

– Это имеет какое-то значение? – спросила Таша. Она вставила ключ в замок и через плечо взглянула на Бекку. – Какая теперь разница? Я толком не помню. Я так сказала? Может, я имела в виду, что мы вместе их выбирали.

– Да, наверное, – произнесла Бекка. Ее это не убедило. Она четко помнила ее слова. Тогда, в актовом зале. Она помнила это, потому что в тот момент почувствовала себя такой чертовски особенной из-за того, что Таша выбирала подарок ей, а не им. У нее внутри все пылало. – Ты права, – согласилась она. – Не имеет значения.

Она развернулась и пошла по дорожке, ожидая услышать, как захлопывается дверь. Но сзади было тихо. Таша смотрела ей вслед.

«Она солгала, – подумала Бекка, и теперь она была в этом уверена. – Она солгала мне. Но зачем?» В ее голове эхом звучали слова Хейли, произнесенные плачущим голосом ее матери. *Она использовала Бекку*. И тогда она, конечно, вспомнила о зеленом платье. И стала перебирать вероятные сценарии, не вдаваясь в детали. Ей не хотелось так думать. Она и не могла. Но ей казалось, что история с зеленым платьем повторяется. Может быть, они не сильно-то и изменились с тех пор? Тогда Наташа ее одурачила. Может, и сейчас она ее дурачит?

В ту ночь она докуривала последние сигареты «Marlboro», открыв окно, и думала о Наташином вранье, словах Хейли и о зеленом платье, пока не почувствовала себя так, словно ее мозг пропустили через мамину соковыжималку. Почему Таша солгала? Это была маленькая ложь, которая может ничего не значить. Люди все время лгут, чтобы не ранить чувства других. Может, ей было неловко, что подарок для Бекки менее личный. Такое возможно. *Возможно*. Но выглядело это не так. Таша могла потерять память, но это же была не пересадка личности. Она была не из тех, кто стал бы врать, чтобы кто-то почувствовал себя лучше. Она могла вернуть дружбу Бекки и без этого. Так почему она тогда соврала?

Бекка высунулась в окно и позволила прохладному ветерку ласково прикоснуться к лицу. Интересно, Хейли сейчас тоже лежит без сна в своей камере? Или сходит с ума, зная, что ей грозит тюремный срок? Или ее заперли в какой-нибудь больничной палате, чтобы вылечить от наркотической зависимости?

Браслеты. Зеленое платье. *Она использовала и Бекку тоже.*

Зеленое платье было как стебель травы, обернувшийся вокруг ее ног и тащившей ее в темноту, где прошлое столкнулось с настоящим.

Таша всегда была ядром группы. Это правда. Они всегда плясали под ее дудку, будто даже в детстве знали, что она особенная, а их место в мире будет зависеть от ее благосклонности. Даже после случая с зеленым платьем, когда она повела себя так коварно, даже подло, ничего не изменилось. Наташа всегда могла снова тебя очаровать. Бекка выдохнула дым в ночной воздух и пробежала взглядом по темным силуэтам: большой черной тенью был папин гараж; двухместные качели прятались у забора; из черной земли к небу тянулись растения. Ночью все это выглядело чуждым, зловещим, непонятным. Сумрачный мир.

Таша солгала. Эта мысль не исчезала. А теперь Таша знала, что Бекка знает о ее лжи. Ташу – круглую отличницу, девочку, которая с легкостью лучше всех в классе сдала экзамены в средней школе, шахматистку, ничего не делающую *безпричины*, – невозможно обвести вокруг пальца, просто пожав плечами. Она взяла телефон и пролистала список контактов до номера Таши. Он теперь находился не вверху списка наиболее часто набираемых номеров. От нее снова избавились. Забавно.

Почему-то вспомнила о своем зеленом платье. Странно, да?

Столько лет прошло, а я сейчас об этом думаю. Интересно, почему.

Бекка быстро набрала текст и сразу же его отправила. Она бросила окурок в окно, закрыла его и легла на кровать; ее сердце бешено стучало.

Она подскочила, когда телефон завибрировал.

Извини, работал. Да уж, это облегчение. Спасибо.

Не Таша, Эйден. Она тупо смотрела на слова на экране. Они были холодными и отстраненными. Не было «целую». Словно это был совсем не ее Эйден. Но он ведь никогда и не принадлежал ей. Как он мог быть ее, скрывая от нее столько всего? Она ненавидела себя за то, что первая ему написала. Почему она такая слабая? Почему вела себя как идиотка? Выключив свет, она буквально полыхала от злости в темноте, борясь с желанием снова активировать свою страницу в «Facebook», просто чтобы посмотреть, что происходит в его жизни. Наконец, она выключила телефон и положила его на платяной шкаф, стоявший в другом конце комнаты, чтобы его нелегко было достать. Ей стало плохо. Почему так тяжело избавиться от сердечной боли?

На следующий день она пропустила утренние уроки, чтобы пойти на занятие по самокопанию к доброжелательной, но монотонной доктору Харви. Она не рассказала ей о том, что виделась с мамой Хейли и Ташей. Не упоминала о зеленом платье. Она вообще мало говорила, а потом попросила сократить сеанс, сославшись на головную боль. Послеобеденные уроки, в том числе английский, прошли как в тумане, призрак мистера Геррика все еще витал в классе, а особенно над душой нервной учительницы, которая заняла его место. Она неплохой преподаватель, решила Бекка, но у нее не было общей истории с ними, а омерзительное выражение лица, которое появлялось каждый раз, когда ее взгляд падал на Бекку, говорило о том, что она внимательно изучала газетные материалы, пытаясь узнать все подробности этой жуткой саги, персонажами которой стала большая часть класса.

Бекка опустила голову и позволила уроку плыть мимо нее. Таша ничего не ответила на ее сообщение, и Бекка задалась вопросом: неужели она теперь настолько опустилась в социальном устройстве улья, что даже не заслуживала ответа типа «Я без понятия, о чем ты». Может, Таша этого не помнила. Бекка ведь вспомнила о своем платье, только когда увидела фотографию. Но она наверняка должна была вспомнить, когда Бекка упомянула о нем. В конце концов, у Таши из-за этого были большие неприятности дома. Один из тех редких случаев, когда родители действительно ее отчитали. Может, она все еще раздумывала, как лучше ответить. А может, Бекка просто сходилась с ума.

Когда прозвенел звонок, она направилась к своему шкафчику, чтобы оставить там книги, и заметила впереди новых Барби – Джоди и Вики. Она про себя застонала. Не то чтобы они ей грубили – она не заслуживала такого внимания, – но она знала, что они ее презирают. Пожалуй, эти двое были еще хуже, чем Хейли и Дженни. Прекрасно понимая, что они Барби второго сорта, они не намеревались терять свой новообретенный статус или упускать возможность насладиться моментом.

Они посмотрели в ее сторону и захихикали – наверняка сплетничали о ней. Бекка открыла шкафчик, чтобы их не видеть, но зато слышала, о чем они говорят.

Она встречается с ним в «Starbucks» – прямо СЕЙЧАС.

Не могу поверить, что он ей нравится, но она говорит, что он очень

милый.

Ну да. Марк Притчард охренеет, когда узнает.

Марк намного симпатичнее.

Да, но зато у гитаристов такие пальцы!

Ты отвратительна!

У Бекки внутри все перевернулось. *Она. Она. Она.* Была только одна *она*, о которой они могли так говорить. Только одна *она*, за которой увивался Марк Притчард. Наташа.

Пальцы гитариста.

Опасаясь, что ее сейчас вывернет наизнанку, она захлопнула дверцу шкафчика и поспешила выйти во двор. Ей нужен был свежий воздух и сигарета. Эйден. Они говорили об Эйдене. Эйдене и Наташе. Ее ладони взмокли от волнения. Это не может быть правдой. У них же не может быть свидания, не так ли? Он на это не пойдет, так ведь?

«Starbucks». Эти стервы сказали, что они там встречаются. Она *прямо сейчас* встречается с ним в «Starbucks». Они хотели, чтобы она это слышала? Вонзить ножичек в ее уже и так разбитое сердце и прокрутить его там? Она могла поспорить, что это так и есть. Для них было недостаточно просто выбросить ее, они хотели окончательно ее добить.

Эйден бы так с ней не поступил. Подошвы тяжело стучали по брусчатке, и она пыталась идти быстрым шагом, а не бежать, чтобы не выглядеть совсем отчаявшейся. Он так не сделает. Он знает, какую боль ей это причинит. Да, иногда она вела себя как сумасшедшая, но у него нет причин хотеть сделать ей еще больнее, чем он уже сделал, разбив ей сердце. Конечно, он бы ни за что не пригласил Ташу на свидание.

Но он это сделал.

Она убедилась в этом, посмотрев через стекло. Он сидел спиной к окну, но это были его черная кожаная куртка и его красивые темные волосы. Он положил локти на стол, и пока она смотрела, Таша подалась вперед и взяла его за руки. Она наклонила немного набок свою идеальную головку, и светлые волосы свисали на одну сторону. Она улыбалась, а потом рассмеялась, когда он что-то сказал. Бекке казалось, что она ее слышит, кокетливую и такую уверенную. Такую непохожую на нее.

Ей хотелось ворваться внутрь и выдрать эти обесцвеченные волосы с темными корнями. Ей хотелось вопить от боли и гнева. Ей хотелось убить их обоих. Бекка достала телефон и быстро набрала сообщение Эйдену.

Серьезно? В самом деле? Таша?? Я знала, что она тебе нравилась. Я ЭТО ЗНАЛА. Не могу поверить, что ты так

*поступил. Не верится, что ты смог причинить мне такую боль.
Ты дерьмо. Вы оба дерьмо!*

У нее дрожали пальцы, когда она писала и отправляла сообщение. Ей было трудно дышать. Через стекло она видела, как Эйден посмотрел на экран телефона. В этот момент Бекка встретила взглядом с Ташей. Они смотрели друг на друга, как победительница и проигравшая, как это было всегда. Таша понимающе улыбнулась. Это было словно пощечина.

Бекка развернулась и убежала.

Она даже не осознавала, что плачет, пока не добралась домой. Ей не хотелось останавливаться. Она хотела бежать и бежать, пока не окажется на другом конце света, как можно дальше от Брекстона и его яда. Как он мог так с ней поступить? Как он мог?! Телефон завибрировал. Эйден.

*Да что с тобой???? Это просто КОФЕ. Ничего такого.
Охренеть, Бекка. Что с тобой??? Ты совсем слетела с катушек.
Ты что, меня преследуешь?*

Прочитав это, она расплакалась с новой силой. Он даже не злился. Он был раздражен, а это еще хуже. Она его *нервировала* – всего лишь. В этом сообщении даже не было достаточно эмоций, это его не взбесило. Она *опять* выставила себя дурой, и теперь Таша об этом знала. Они были вместе. Он наверняка показал ей это сообщение.

Как же ей хотелось умереть! Она ворвалась в свою комнату и хлопнула дверью, не заботясь о том, что это выглядит по-детски. Она упала на кровать лицом вниз и рыдала, пока на ее подушке не образовалась целая лужа слез и соплей. Ее уже не волновала Ташина ложь, не волновали слова Хейли, не волновало это никчемное зеленое платье. Ничего из этого не имело значения. А вот то, что сейчас произошло, имело. Если она тогда думала, что ее жизнь закончилась, то теперь она закончилась вдвойне. Таша расскажет об этом Вики и Джоди, а они – всем в школе. Наверное, это пойдет по всему интернету. Над ней будут смеяться. Ревнивая, сумасшедшая Бекка Крисп.

Она заскучала по Ханне. Внезапно. Резко. Ханна смогла бы ее успокоить. Если бы она не умерла, всего этого дерьма не было бы. Может, они с Эйденом до сих пор были бы вместе. Она глубоко вздохнула, понимая, что непреодолимая жалость к себе может вынудить ее обвинить во всем Ханну. Она *сама виновата*. Виновата, что вела себя как психопатка. И в том, что Эйден оказался лживым ублюдком. И в том, что

Таша из тех девушек, которые всегда легко получают желаемое.

Она всех их ненавидела. Ненавидела себя. И не хотела больше об этом думать.

Она поплелась вниз ужинать и за столом делала вид, что ест, и избегала разговоров, а когда мама спросила у нее, что случилось, она пожала плечами и сказала, что скучает по Ханне. Это был самый простой способ заставить их прекратить разговор. У ее родителей, как и у нее, не получалось нормально говорить о своих эмоциях. И она ни за что бы не стала им рассказывать, что у Эйдена и Таши было свидание. Она могла обойтись и без *их* жалости.

Позже она получила сообщение от Кейси, в котором говорилось, что она должна знать, что ее снова поливают грязью в «Twitter». У Викки и Джоди в лентах было полно записей о том, что Бекка совсем сошла с ума из-за Эйдена. И в «Facebook» тоже. Она уткнулась лицом в подушку, снова разозлившись на себя. Почему Кейси ей об этом рассказывает? Впрочем, Кейси была практически единственной, кто по-прежнему нормально относился к ней, – наверное, потому, что прошла через все эти «*Кейси Моррисон лесбиянка?*» еще в десятом классе. Она знала, каково это. Но все равно, зачем сообщать Бекке обо всей этой хрени? Может, Кейси подумала, что Бекка должна показать характер. Вернуться в онлайн и посмотреть правде в глаза.

Она уставилась на телефон. Ей было все равно, что о ней говорят, но ей очень хотелось узнать новости об Эйдене и Таше. У них на страницах уже стоит статус «*встречаются*»? Ей действительно хочется в этом убедиться? Возможно, они, увидев, что она снова онлайн, сразу удалят ее из друзей. Это так ужасно? От мысли, что Эйден бросит ее еще и в «Facebook», у нее снова засосало под ложечкой. Она только быстро посмотрит и снова удалит страницу. *Две минутки*, пообещала она себе. *Просто, чтобы знать.*

Она глубоко вздохнула и зашла онлайн.

– Ну, как на счет того, чтобы еще куда-нибудь сходить? – спросил Джейми, когда они подходили по гравийной дорожке к дому.

Хотя они хорошо провели вечер и напряжение спало после первого бокала вина, сейчас он чувствовал себя неуклюжим заикающимся подростком. Он просто предложил ей вместе выпить и, возможно, перекусить – знак вежливости, который не должен был выглядеть как приглашение на свидание. Он давно ничем таким не занимался. Слава богу, у них была общая тема для разговора – закон, хотя ее больше интересовала его музыка, что Джейми приятно удивило.

– Конечно, – ответила Кейтлин Беннет с улыбкой. – Почему бы и нет?

Он улыбнулся.

– Отлично. А что, если в эти выходные?

Она уже собиралась ответить, но тут в доме раздались голоса спорящих.

– У тебя гости? – тихо спросила она. Ее напряженная поза напомнила о том, что она женщина-полицейский.

– Эйден какое-то время поживет у меня, но недолго.

– Проблемы с девушкой?

– Похоже на то.

Они уже почти дошли до входной двери, когда она открылась и Эйден практически вытолкнул наружу Бекку. Она всхлипывала, и в свете уличного фонаря было видно, что ее лицо покрыто красными пятнами.

– Ты повсюду на ее странице в «Facebook»! – прокричала она. – Все лайкаешь. Ты добавил ее еще до того, как мы расстались! Я знала, что она все еще тебе нравится! Я знала!

– Она меня добавила, – голос Эйдена звучал устало. – Но ты все равно не слушаешь. Она мне не нравилась все это время. Но она, по крайней мере, не психопатка. И она не ограничивает мое пространство.

– У вас все хорошо? – спросил Джейми.

Это был глупый вопрос. «Хорошо» – это было явно не про них. Эйден сказал ему, что они расстались и что ему пишет Наташа, но, по всей видимости, Бекка все еще очень страдала.

– Я уже ухожу, – сказала Бекка.

Она увидела Кейтлин и хотела было что-то добавить, но промолчала. Их появление все же поубавило ее гнев. Собравшись уходить, она чуть не

споткнулась о Бисквита, который крутился у нее под ногами, чувствуя, что она расстроена. Она присела и стала его гладить, пряча лицо, а поднявшись, буквально пролетела мимо них. Бисквит скулил, глядя ей вслед. *Да уж, хотел сказать Джейми, я бы хотел, чтобы мы могли все поправить, облизав лицо и повиливав хвостом. Но в жизни не все так просто.*

Он радовался, что уже не был подростком. Пусть у него и мало опыта свиданий, но, по крайней мере, они с Кейтлин оба достаточно взрослые и циничные люди, чтобы знать, что иногда что-то получается, а иногда нет. И что не стоит клясться в вечной любви.

– Извините, – пробормотал Эйден, когда Кейтлин пожелала им спокойной ночи.

Она выпила всего бокал вина, и ее машина все еще стояла здесь. То, что началось как обычный проверочный визит, перетекло в прекрасный вечер, и в глубине души он надеялся, что она зайдет на кофе, но сцена, устроенная Бекки, поставила на этом крест. Все же Кейтлин согласилась снова с ним встретиться, а значит, все не так плохо.

– Что случилось?

– Просто Бекка ведет себя как Бекка.

– Ее до сих пор донимают в интернете? – Джейми стало немного жаль ее: мало ей других неприятностей, так ее еще почему-то обливали грязью почти так же, как и двух виновных девочек, и это не укладывалось у него в голове.

– Да. Но она там особо не сидит. Не знаю, почему она решила зайти сегодня. Читая все это, она делает себе только хуже. – Он поджег недокуренный косяк и затянулся.

– А что у тебя с Наташей? – Пробираясь через минное поле подростковых жизней, чтобы узнать, что происходит, он чувствовал себя больше родителем, чем другом. – Из этого что-то может выйти?

Эйден пожал плечами:

– Она горячая штучка и все такое, но я не уверен, что у нас что-то получится. Но она другая. Уверенная. Это она захотела со мной общаться, я за ней не бегал, что бы там Бекка ни думала. – Он замолчал, потом его лицо просветлело, и он посмотрел на Джейми сквозь дым. – А у тебя что с детективом? Где это вы были в столь позднее время?

Джейми рассмеялся, отметив, что они поменялись ролями.

– Это был просто дружеский ужин.

– Ну да, конечно, – сказал Эйден. Похоже, он хотел что-то добавить, но позвонил его телефон.

– Бекка? – спросил Джейми.

Эйден отрицательно покачал головой:

– Таша.

– Тогда я тебя оставляю, Казанова, – сказал Джейми и вышел с Бисквитом в гостиную.

Он подумал, что ему стоит написать Кейтлин. Просто «*Спасибо за чудесный вечер*». Что-то в этом духе. Что-то ни к чему не обязывающее, чтобы не выставить себя идиотом. Он улыбнулся своим мыслям. Возможно, ему стоит попросить совета у Эйдена.

Слушай, ты меня извини. Кажется, это я виновата. Я точно завтра прибыю Джоди и Вика. Они не должны были вываливать все это дерьмо в сети. Это так по-детски. Цём.

Я отправила сообщение и жду. Я сижу на кровати в темноте, но шторы раздвинуты, а полная и низкая луна бросает на ковер неровный белый луч, расщепленный на полосы толстыми ветвями дерева за окном.

11:45

Эйден

Ты не виновата! Ты ничего плохого не сделала. Она психопатка. Просто не повезло, что она нас увидела. Забудь. Цём.

11:46

Таша

Ну, если ты так считаешь. Цём

11:49

Эйден

Да, мне просто стыдно, что она устроила это на глазах у Джейми и этой Беннет. По крайней мере, она сразу ушла. Цём

11:49

Таша

Там была Беннет? Цём

Меня это удивило. Что она хотела? Почему она до сих пор там ошивается?

11:50

Эйден

У них, кажется, было свидание. Уверен, что Джейми ее хочет.

11:51

Таша

Мерзость!;-)

Я вздыхаю с облегчением. Это и правда мерзко. Кейтлин Беннет, наверное, даже не бреет ноги. Но в то же время это замечательно. Беннет стала свидетельницей истерики Бекки – приятный бонус.

11:51

Эйден

Да уж!

Закусив нижнюю, губу я быстро набираю текст.

11:52

Таша

Если хочешь, еще как-нибудь сходим на кофе. Дай знать.
Очень понравилось;-) Цём-цём

11:55

Эйден

И мне. Цём-цём

Будто об этом нужно говорить. Конечно ему понравилось. Я уж это знаю. Он такой же предсказуемый, как и все остальные.

11:57

Таша

Спокойной;-)

11:58

Эйден

Спокойной;-)

Я думаю о том, как поцеловала Эйдена сегодня днем, после того как Бекка видела нас в «Starbucks». Он подвез меня до дома, и я потянулась к нему через сиденье машины, пахнущей кожей, сладкой травкой и табаком, а потом его губы встретились с моими. Это было просто. И не настолько плохо, как я предполагала. Он не пытался просунуть свой язык мне в горло, как Марк Притчард. Может, он просто был удивлен, но он был нежным. Даже не знаю, что с этим делать. Наверное, мне просто не стоит об этом думать.

Я должна поспать, по крайней мере попытаться. Я сплю всего три или четыре часа в сутки, а мне нужно больше. Меня это изматывает. Уверена, что доктор Харви могла бы много рассказать об этом, если бы я снова стала ходить на ее сеансы, но я не намерена это делать. Я взглянула на шахматную доску. Белые и черные фигуры аккуратно расставлены и готовы к новой битве. Бекка не знает, но я недавно закончила нашу с ней партию – играла сама с собой. Я старалась думать, как она, когда ходила за нее. И я все равно победила. И вот игра окончена.

Однако из-за Бекки я пришла в замешательство. Сначала этот вопрос о браслетах. Я видела, что она расстроена, но это не страшно. Это на самом деле не имеет значения – мы все равно больше не друзья. Но зеленое платье! Я уже забыла об этом. Зачем поднимать эту тему? Зачем вдруг вспоминать то, что я сделала много лет назад? Если она так скупает по прогулкам со мной, зачем напоминать об этом платье? Не самое приятное воспоминание. Чего она добивалась тем сообщением? Какого ответа она ожидала? Было ли это предупреждающим выстрелом?

Я смотрю на разложенную клетчатую доску. Мысленно делаю гамбит [16], продумав все возможные варианты как минимум на три хода вперед, постоянно изучая положение фигур на доске и решая, какими из них можно пожертвовать. Это моя вторая натура. Я чуть не написала Бекке, но остановила себя. Молчание – золото. Если мы играем новую партию, то я уже выигрываю.

В глазах песок от усталости, я ложусь и смотрю в потолок. Лунный свет полосами падает на стену. Я считаю лучи. Тринадцать. Конечно. Что бы я ни считала, всегда выходит тринадцать. Я заставляю себя не закрывать глаза. Во сне меня ждет темнота, шепотом взывающая ко мне, и я не хочу туда. Не пойду. Я считаю до тринадцати и удивляюсь, почему мне так страшно.

Подремав около часа после того, как, придя домой и упав на кровать, отключилась в луже позорных слез, Бекка теперь не спала. В своем беспокойном сне она снова и снова переживала этот момент – когда увидела Эйдена вместе с Ташей через окно «Starbucks». Как они держались за руки. Этот взгляд Таши. Во сне она лупила в гневе по стеклу кулаками, пока они не начали кровоточить. Стекло выдержало. Ее не пускали к ним, и от досады ей хотелось всех убить. Горела таким желанием.

Она проснулась вся в поту, растерянная и сбита с толку, но ее мозг усиленно работал. Момент истины среди всей этой тупости, ее тупости – это выражение лица Таши, когда она увидела Бекку. Эта ее улыбка.

Как будто она ее ждала.

Она открыла окно и дрожащими руками свернула самокрутку. Ей нужна была ясная голова. Может, у нее уже паранойя или она вообще сходит с ума? Ее мысли спутались в клубок, который нужно было распутать. Что Эйден сказала ей накануне вечером? Когда она кричала на него, пытаясь ударить, перед тем как вернулись Джейми и Беннет. Она заставила себя не съежиться, вспоминая, что тогда вытворяла, и сосредоточилась на том, что он говорил.

Наташа добавила Эйдена в «Facebook».

Наташа пригласила его на кофе.

Она первая начала лайкать его фотографии.

Может, он врал. Может быть. Но у Бекки из головы не выходило выражение лица Таши, когда она смотрела на нее через стекло. Спокойное самодовольство. Триумф. Что говорила мисс Бордерс?

Для Наташи на доске все, кроме нее самой, – просто пешки.

Чувствуя, что больше не заснет, Бекка включила прикроватную лампу и взяла ручку и блокнот. Ей нужно было постараться привести свои мысли в порядок.

Все мы пешки – это было первое, что она написала.

Эйден, я.

Хейли? Дженни???

Ханна??

Она соврала про браслеты. Зачем? Чтобы я снова стала ее подругой.

Хейли говорит: «Она использовала Бекку». Может, не о Таше, но о ком тогда?

Поймав ее на лжи, я написала ей про случай с зеленым платьем. Без ответа.

НО потом она пошла на кофе с Эйденем. Я их видела.

Она помедлила и так сильно затянулась табачным дымом, что слышала, как потрескивает тлеющая бумага. Все время всплывало огромное «Почему?», но она его игнорировала. Сначала нужно было расставить по порядку все события. Заглянуть за кулисы этих событий. А закулисье было ее коньком.

Но я увидела их не случайно. Я слышала, как Вики и Джоди говорили об этом. Назвали место. Они сказали достаточно, чтобы я поняла, что это Эйден.

Пальцы гитариста. Это она им сказала? Сделать так, чтобы я наверняка слышала? Может, чтобы послать меня таким образом? Меня и так все ненавидят.

Но они это сделали, только чтобы угодить ей.

ПОЧЕМУ???

Она откинулась на подушку. Снова «почему», а все ее предположения ничего не дают без ответа на этот вопрос. Может, она видела то, чего на самом деле не было? Проводила невероятные связи между совпадениями. Может, это было безумием...

Она замерла, и ее глаза слегка расширились, а по коже побежали мурашки, когда кусочки головоломки сложились у нее в голове. *Вот дерьмо. Чертово дерьмо.* Бекка, крепко сжимая ручку, поспешно царапала слова неровным почерком:

Таша **знала**, что я выйду из себя, когда услышу об Эйдене.

Я поймала ее на лжи с браслетами. Она чувствует угрозу. Я отправила ей сообщение о зеленом платье. Она думает, что я попала в точку/угрожаю ей? **Она беспокоится из-за того, что я что-то знаю.**

Поэтому она делает свой ход: устраивает все так, чтобы я застала их с Эйденем. Она использует своих новых Барби, чтобы я узнала, что они в «Starbucks», и пошла туда посмотреть. (СТЕРВЫ.) Затем они выливают в интернете всю эту грязь о том, как я психанула.

Она уверена, что я узнаю о том, как меня поливают в сети. И я буду выглядеть сумасшедшей, ревнивой бывшей. И никто не поверит ни единому моему слову.

ТАКАЯ ЦЕЛЬ?

Она не знает, что именно я знаю (**а что я знаю??**), поэтому она сделала так, чтобы я выглядела психопаткой.

Это как игра в шахматы. Все ее фигуры расставлены в нужных местах на случай атаки.

Пешки. Мы все для нее пешки.

Так она боится, что я знаю что?

Удовлетворенная тем, что выложила спутанные мысли из головы на бумагу, она выпустила ручку. Со стороны это выглядело бы чем-то ненормальным. Она это знала. Но она также знала Наташу. *Настоящую* Наташу, а не харизматичную маску. Она на какое-то время забыла о ней настоящей, надолго забыла из-за своей зависти и отчаянного желания вернуться в стаю. И Наташа в это время скрывала эту часть себя. Но Бекка ее *знала*. Может, этого Наташа и боялась?

Она впервые, подумав об Эйдене, не испытала желания выцарапать ему глаза. Бедный ублюдок. Он всего лишь еще одна пешка.

Она докурила самокрутку, но не стала сворачивать новую. Оставив окно открытым, она наслаждалась холодным ветром. Он заставлял шторы трепетать, и полосы яркого лунного света двигались по потолку. Она смотрела на них, ее мысли наконец-то уложились в голове, и она снова и снова прокручивала все события. Она думала о Дженни, которую поместили в психиатрическую клинику. О Хейли, сломленной, напуганной и не желающей видеть маму. Никто их не слушал. Думала она и о Наташе, вернувшейся королеве улья со свитой из новых Барби. Бекку можно было бросить, она уже сыграла свою роль.

Это все еще не имело особого смысла, она это знала. И она знала, что ей нужно поспать, по крайней мере попытаться. Но ее сердце бешено стучало из-за выброса адреналина, и она хотела, чтобы быстрее наступило утро и она могла бы двигаться дальше по этим зацепкам, поэтому она просто лежала, глядя во тьму и ожидая, когда все прояснится.

С рассветом пришла ясность, и в шесть утра Бекка уже встала. Одевшись, она села за компьютер. Дом еще спал. Она не проверяла свои страницы в социальных сетях – Эйден и Наташа удалили ее из друзей в «Facebook», а больше там не было ничего полезного. Она уже увидела все, что ей было нужно, а может, что *должна была* увидеть. А остальные в улье могли пойти и сброситься с утеса, как лемминги, они ее больше не волновали. Она помиритса с Ханной по-своему.

Блокнот, в котором она ночью делала записи, лежал возле нее на столе. Она знала, что искать в интернете: газетные статьи, касающиеся произошедшего. И, что важнее, она хотела найти хоть какой-нибудь намек на версию событий Хейли. Все знали Ташину версию – Бекка слышала ее из первых уст, – но все остальное потерялось в вихре смерти Ханны и самоубийства мистера Геррика. Может, вообще было запрещено публиковать в прессе версии событий Хейли и Дженни? Может, их адвокаты посоветовали им ничего не рассказывать? Может, в свете того, что случилось с Ханной, – то, что Хейли повредила осветитель, оставалось для Бекки серьезной загвоздкой, – это считалось решенным вопросом?

А возможно, все гораздо проще: никого не заботила их версия событий. Это могло подождать до суда.

Тем не менее Бекка перебирала мириады заметок и статей в разделе новостей местных и национальных изданий. Некоторые были короткими – всего абзац, другие – более развернутыми. После трагических событий она не читала газеты. Ее мама не держала их в доме, а что касается Бекки, она и так столько пережила, так зачем ей еще и читать об этом? Было странно видеть собственное заплаканное лицо, смотрящее на нее с экрана, которое сфотографировал какой-то журналист после похорон Ханны. Кучи фотографий Таши. И ни одной – с Хейли и Дженни. Даже их имена не упоминались. Она все листала и листала, пока все эти заметки не превратились в сплошной размытый текст. Лучшее, что она смогла найти, – заявление юриста о том, что обвиняемые девочки-подростки не признают свою вину в убийстве или покушении на убийство и ни одна из них не пойдет на сделку с полицией.

Она уже хотела сдаться, когда ей наконец повезло. Она просматривала статью из какой-то местной газетенки, опубликованную вскоре после ареста Хейли и Дженни, еще до похорон Ханны.

...мать одной из девушек, обвиненных в убийстве Ханны Альдертон и покушении на убийство Наташи Хоуленд, имя которой нельзя называть в интересах следствия, после ареста дочери опубликовала следующий статус в «Facebook» (позже удаленный):

«(Имя удалено) версия событий сильно отличается, а правда все равно выплывет наружу, и тогда вы пожалеете. Да, они пошли в лес, но дело было не так, как все говорят. Было видео. Их шантажировали. Моя малышка никого не убивала, и, правильно это или нет, но она его любила. Идите все к черту, раз вы верите этой стерве. Настоящая жертва – мой ребенок».

Говорят, что у матери шестнадцатилетней девушки возникли проблемы с алкоголем после развода с мужем. В браке, по утверждению местного источника, и она сама, и ее дочь подвергались насилию. Неизвестно, будет ли это использовано защитой. Сейчас производится оценка психического здоровья девушки, имя которой тоже нельзя называть в интересах следствия, чтобы установить, сможет ли она предстать перед судом. Источник в полиции сообщил репортеру, что у Наташи Хоуленд не было обнаружено соответствующего видео.

Бекка перечитывала заметку снова и снова, пока она не отпечаталась в ее голове, а затем бегло записала ключевые фразы в своем блокноте:

Видео.

Шантаж.

Все было не так, как говорят.

Она долго смотрела на написанное. Шантаж. Видео. Если той ночью все происходило не так, как рассказала Наташа, то, может, как раз поэтому Хейли и Дженни молчали. Это видео... У Наташи был на них какой-то компромат? Но какой? И почему полиция его не нашла? Что могло произойти в тот промежуток времени, о событиях которого Наташа ничего не помнила? Она вспомнила Хейли и Дженни в больнице. Они были расстроенными или нервничали? Она недолго была с ними, а потом они ушли, чтобы принести Таше какие-то вещи. Мысли кружились у нее в голове. *Они пошли к Таше домой одни.* А что, если, вместо того чтобы взять плеер и книги, они на самом деле искали это видео?

Она перевела компьютер в спящий режим. Голова раскалывалась. Пора

было собираться в школу. Как только в ванной родителей зашумела вода, она сбежала по ступенькам, крикнув: «Пока», – и выскочила на улицу.

Это все равно не имело никакого смысла. Как еще могла развернуться эта ситуация, если все было не так, как говорит Наташа? Как в это вписывается смерть Ханны? Ведь это явно было второй попыткой убить Наташу, после того как она и Бекка убедили Дженни и Хейли в том, что к ней возвращается память. Они предприняли вторую попытку, опасаясь, что она вспомнит, что они с ней сделали, так ведь? Все наверняка происходило так, как сказала Таша. *Могло* произойти. Они над ней издевались, напоили снотворным, связали, а потом она чуть не умерла. Издеваясь над ней, они просто зашли слишком далеко.

Кусочки мозаики плавали в ее сознании, но никак не хотели состыковываться. Но если все было так, как рассказала Таша, то почему ее волнует, что об этом думает Бекка? Зачем подстраивать все так, чтобы она сходила с ума, увидев ее вместе с Эйденом? И почему у нее никак не выходит из головы испорченное зеленое платье? Придя в школу, она пошла не в общий зал старшеклассников и не на урок, на котором должна была находиться, а в актовый зал.

Она даже не приближалась к нему после смерти Ханны, и когда она шла по прохладному коридору, ее начало мутить, во рту пересохло и немного закружилась голова. В какой-то момент она была готова развернуться и убежать, но ей нужно было увидеть место, где это произошло. Ей нужно было четко вспомнить, как все случилось. Если и тогда она не найдет объяснения, то вранье с браслетами, воспоминания о зеленом платье и *«Она использовала и Бекку»* тоже ничего не значат. Все это так и будет частями пазла, который она не смогла собрать, и у нее навсегда останется ощущение, что все это очень-очень неправильно.

Она сделала глубокий вдох и толкнула дверь. В зале никого не было. Мистер Джонс теперь вел уроки в каком-то кабинете, а поскольку спектакль отменили, актовый зал выглядел заброшенным. Его никому не сдавали в аренду, а школьные мероприятия проводили в спортзале. Никому не хотелось вспоминать, что здесь погибла девушка. Какое-то время в зал было запрещено входить – полиция осматривала осветители, проводила испытание всей установки, чтобы убедиться в ее безопасности. А потом зал заперли, чтобы там не шастали жадные до мистики семиклассники, но, возможно, детские увлечения стали другими, а может, еще почему-то директор решила, что помещение должно быть доступно для учеников и учителей. Но, конечно, его все равно не использовали.

Призраки прошлого мелькали перед ней, как кадры старой

киноплёнки, пока она стояла в дверном проеме. Воспоминания становились четче и опять размывались.

Кричу на Ханну, а потом убегаю в кабинку управления светом. Наташе становится плохо. Ханна занимает ее место.

Осветитель падает.

Она практически видела собственное лицо через смотровое стекло кабинки управления, на нем застыли шок и ужас, когда Ханна рухнула на пол.

Тени их прошлых «я» переместились назад во времени, в тот обеденный перерыв. Дженни ругается. Бекка и Таша, как и договаривались, пытаются выбить бывших подруг из колеи. Нужно подвинуть осветитель. Хейли карабкается по стремянке. Дженни, нанюхавшаяся и нервная, срывается на Ханне. За этим следует ссора. Дженни рассказывает Ханне, что Бекка ходила к Таше. Все было именно так, она это хорошо помнила. Здесь все было ясно. Она развернулась, собираясь уйти, так как немного боялась, что материализуется призрак Ханны и будет умолять ее остаться, потому что ему одиноко, но остановилась. Наконец до нее дошло. Все ясно как день.

Она не относилась к стремянке и инструменты завхозу.

Отнесла Наташа.

Они все пошли на уроки – все, кроме Таши. Она обняла Бекку и поблагодарила за то, что она такая хорошая подруга, а потом сказала, что сама отнесет инструменты.

Она оставила здесь Ташу одну вместе с осветителем, стремянкой и всем, что ей нужно было для того, чтобы ослабить болты и снять страховочную цепь.

Ханна оказалась в том месте только потому, что Таша пожаловалась на плохое самочувствие. Таша сделала все, чтобы там не стоять. А потом вмешалась Ханна, милая услужливая Ханна. Может, Таша хотела, чтобы все выглядело так, будто Хейли и Дженни пытались ей навредить, – она не собиралась отказываться от репетиций, – но когда Ханна оказалась под осветителем, внезапно, на ровном месте, все стало намного серьезнее.

Он должен был только покачнуться, а не упасть, подумала Бекка; ноги у нее дрожали. Это только должно было выглядеть так, будто они пытались навредить Таше.

Но зачем?

Она вышла из зала, позволив тяжелой двери захлопнуться, и прислонилась к ней спиной. *Зачем Таше так их подставлять?* Она потеряла память. К тому времени она еще не вспомнила о Дженни и

мистере Геррике. Она не могла вспомнить ничего, что происходило с обеда четверга. И ее, практически мертвую, вытащили из ледяной воды, спасли только благодаря тому, что там был Джейми Мак-Махон и заметил ее!

Бекке стало плохо. Она была убеждена, что, случайно или нет, причиной смерти Ханны стало то, что сделала Наташа. Появилось еще больше несостыкующихся кусочков этого странного пазла. Если они вообще были его частями. Бекка никак не смогла бы доказать, что Таша трогала осветитель. Может, она этого и не делала. Но Ташино лицо тогда, в «Starbucks», все время возникало перед ней. У нее было такое выражение, будто Бекка сделала именно то, чего Таша от нее ждала. На секунду покровы спали, и еще кое-что стало очевидным. Но вряд ли это было доказательством. Доказательством чего? Что Бекка упускала? В какую игру они играли?

Главным вопросом было: играли ли *с ней*? С самого начала.

А потом Бекку поразил другой вопрос, и у нее еще сильнее закружилась голова.

Когда это *на самом деле* началось?

Прозвенел звонок, и она стала проталкиваться через толпу учеников, внезапно запрудивших коридор, к кабинету, где должен был проходить урок английского. Эмили больше с ней не сидела, и когда Бекка вошла в небольшой кабинет, заметила, что многие злорадно ухмыляются.

– Где же твоя гордость? – сказала Эмили, озвучив то, о чем наверняка перешептывались все остальные. – Что с тобой стало? Знаешь, кто сходит с ума, преследуя своих бывших? Покончи с этим! – Послышалось пару смешков, но Эмили не смеялась. – Ты так превратишься в одну из тех женщин, которые готовы отрезать мужу его достоинство.

– Ох, отвали! – буркнула Бекка, когда вошла учительница, мисс Рудкин.

Это был не самый остроумный ответ, но ничего лучшего она не смогла придумать, ведь сейчас ее голова была занята вещами посерьезнее. Она скользнула на свое место, достала папку с конспектами и сборник поэзии, а еще вытащила блокнот с идеями, пришедшими во время мозгового штурма. Когда начался урок, она погрузилась в размышления. Мисс Рудкин все равно ее никогда не спрашивала. Бекка смотрела на свои изложенные на бумаге соображения, затем взяла ручку и стала писать.

Эту ситуацию нужно рассматривать с двух ракурсов, решила она. Все указывало на правдивость Наташиной версии произошедшего. Все укладывалось в эту ее версию. Укладывалось идеально, доказательства легко выстраивались в цепочку и указывали на Хейли с Дженни. Их

практически преподнесли Беннет на блюдечке с голубой каемочкой. И, в общем-то, это сделала сама Бекка. Она мысленно застонала, осознав это.

А что, если это ты все перевернула вверх ногами?

Что, если Хейли и Дженни говорили правду, а *Наташа* врала? Как тогда все складывается?

Она вспомнила об их телефонах, в которых было столько улик. Дженни, заснятая камерой видеонаблюдения в магазине. Игра инспектора Беннет с пальто в кабинете директора. Выражение лица Дженни, когда она увидела это пальто. Она выглядела искренне удивленной. Не виноватой. Удивленной. Что тогда сказала Хейли? Что пальто Дженни прожжено в одном месте сигаретой? Эти телефоны купила блондинка в пальто из «Примарка». На записях с камер не видно ее лица. Это могла быть любая блондинка.

Когда Таша перекрасила волосы в светлый???

Ровно за месяц или чуть больше до Рождества. В середине осеннего семестра? В октябре? Примерно тогда. Она в спешке записывала мысли, хлынувшие потоком.

Что, если Таша узнала о романе Дженни с мистером Герриком раньше того четверга? Намного раньше.

Что, если она выжидала? И планировала?

Снова ручка задвигалась после долгой паузы.

Что, если Наташа вообще не теряла память?

Я отвечаю Эйдену на его сообщение, что у меня болит голова и я перезвоню позже. Это тактика затягивания, я злюсь на себя за то, что не могу просто подыграть ему. Я знаю, что должна, но мне нужен покой. Меня раздражают Джоди и Вики. Меня раздражает Эйден. Они все чертовски во мне нуждаются. Мне не нравится, что я мысленно ругаюсь. Это похоже на кратковременную потерю контроля.

Я должна владеть ситуацией. Не допустить ошибок. Я педантичная, и всегда такой была. Я стратег. Это подтвердил даже тот глупый, но, надо признать, полезный дневник. Люди так часто стараются показать себя *лучшей стороны*, когда врут. Но это никогда не должно быть целью. Цель в том, чтобы отвлечь от правды. То, как ты выглядишь, не имеет значения. Важно только, чтобы твои слова звучали правдоподобно.

Я все время знала, что Беннет попросит у меня дневник, – доктор Харви должна была рассказать ей о нем, а если бы она этого не сделала, я бы сама упомянула о дневнике в нашем разговоре и сделала бы то, что и сделала, – заявила бы, что не хочу его отдавать, но все равно отдала бы. *Вуаля.*

В дневнике, который забрала инспектор Беннет, много правдивого. Мои мысли о семье, сексе и о том, что мне страшно засыпать, – все это правда. Как и разговоры, которые я записала. Врать легко, когда ты создал ситуацию и знаешь, с чего начать, но все равно лучшая ложь – это полуправда.

* * *

Я слышу, что мама зовет меня обедать, и ее голос напоминает мне о том, что идеальных людей никто не любит. Они либо слишком напряженные, как моя мама, либо слишком милые. У милых девочек нет друзей. Взять хотя бы Ханну. Я стараюсь о ней не думать. Она не была частью плана. Она сама влезла в мой план. Справедливости ради следует сказать, что осветитель был импровизацией. Все остальное я организовала очень тщательно, но возможность использовать осветитель возникла сама собой, и я не устояла.

И вот теперь *есть* обвинение в убийстве. Бедная Хейли! Бедная

Дженни! Этого не должно было произойти. Я на них злилась, но я просто хотела преподать им урок. Сделать так, чтобы они при всех опозорились, возможно, чтобы их исключили из школы. Заставили их пару лет походить на консультации психолога из-за того, что, когда они меня запугивали, ситуация вышла из-под контроля. Я не должна была умереть. Это сразу бы сделало ситуацию очень серьезной, но я могла это контролировать. Моя вина.

А Ханна ситуацию изменила. И это меня тоже раздражает, но теперь я уже ничего не могу с этим поделать, и, возможно, так даже лучше. Сомневаюсь, что мы с Хейли и Дженни смогли бы снова стать подругами, после того как – приятная мысль! – я преподавала им урок, который они запомнят на всю жизнь. В любом случае они сами виноваты. Если бы они не планировали бросить меня, будто я ничтожество типа Ханны Альдертон, а не та, кто их *сделал*, то мне бы не пришлось все это устраивать. Они хотели меня унижить. Все хотят со мной дружить. *Все*. И они всегда хотели. Как они посмели думать, что стали выше этого? Они все это начали, решив, что я им больше не нужна. А Ханна – что ж, я не заставляла ее становиться под этот осветитель. И все равно она бы никогда не стала чем-то большим, чем свеча, которая ждет, чтобы ее погасили. Никогда не видела смысла в существовании таких людей, как Ханна.

Бекка. Интересно, что происходит в ее маленькой, безумно ревнивой головке? Бекка – причина моего странного настроения, я знаю это. Я просто хотела вернуться к нормальной жизни, но тут появляется Бекс со своими воспоминаниями о зеленом платье, а потом, сегодня днем, она подходит ко мне, когда мы уходили из школы, и спрашивает, когда я снова перекрашу волосы в каштановый.

Тебе ведь уже не нужно быть блондинкой, не так ли?

Вот что она сказала. В ее взгляде был вызов, я уверена. Она ожидала, что я бурноотреагирую на это? Чем-то выдам себя? Если так, то она такая же глупая, как и ее воняющий табаком убогий бывший.

Или в этом было что-то еще? Она пыталась что-то мне этим сказать? Но что? И что вообще она знает? Это как в ситуации с зеленым платьем – даже если в этот раз результат более впечатляющий. Тогда я тоже подставила Хейли, чтобы обвинили ее. Бекка это помнит. Но даже если у нее есть какие-то подозрения, она ничего не сможет доказать. Или сможет? Не могу понять, каковы ее намерения и беспокоит меня это или забавляет. Она не может мне навредить. Не сейчас. Все уже сделано. Игра окончена. А она до сих пор ведет себя так, как я и предполагала. Сцена ревности получилась идеальной, в нужном месте и в нужный момент. Никто не

поверит ни единому ее слову, даже если она действительно что-то знает. Ее реакция была такой предсказуемой!

Все такие предсказуемые!

Мама снова зовет меня.

– Уже иду! – кричу ей в ответ.

Теперь она как мышка. Я все время вижу в ее глазах беспокойство и удивляюсь тому, что она меня родила, вырастила, но до сих пор не знает, какая я *на самом деле*.

Но, кажется, у нее все-таки есть причина волноваться. Фактически тринадцать минут я была мертва и, учитывая, как тщательно я все спланировала, это было неожиданностью.

Тринадцать минут. Может, я из-за этого везде вижу число тринадцать. Напоминание о том, как близок был конец. О том, что меня саму чуть не провели. Но это не моя вина. Думаю, это лишь доказывает, что иногда, даже если план тщательно продуман, все идет не так, как в драме «О мышках и людях» [\[17\]](#)...

Я все еще злюсь, когда вспоминаю о тех лишних пяти минутах, которые провела в воде. Если бы это сошло мне с рук, думаю, я убила бы эту собаку. Я помню того классного хомяка, когда училась в первом классе. Того, который до крови укусил меня за палец. Того, который так нравился Ханне Альдертон. Вспоминаю, как я сломала ему шею, несмотря на то, что он визжал и извивался у меня в руках. Я бы хотела сделать то же самое и с этой собакой. И сделаю как-нибудь потом, когда все об этом забудут.

А все мое тщательное планирование. Эти пробежки по лесу и парку ранним утром, чтобы посмотреть, кто регулярно бегают, кто гуляет с собаками, или идет на работу, или просто страдает бессонницей. Я все это рассчитала с точностью до минуты, и Джейми Мак-Махон со своей шавкой тоже были точны как часы. Я наблюдала за ними из-за деревьев с другого берега реки, видела, где собака любит повинохивать что-то у берега. Мак-Махон периодически разговаривал по телефону – это было идеально. Мне нужен был рабочий телефон. Каждый день я видела его с собакой в одно и то же время. Кроме того дня. *Моего* дня. Того дня, когда они были мне так нужны. В *тот* день пес спрятал свой ошейник. Когда мы с мамой пришла к нему, чтобы выразить свою благодарность, мне пришлось гладить этого пса, хотя хотелось свернуть его лохматую шею.

Тем не менее, даже если из-за этого ставки Хейли и Дженни резко возросли, я же не умерла насовсем, и это оказалось намного эффективнее, чем просто притвориться, что потеряла сознание. Никто не сомневался в том, что я потеряла память. Я все еще придерживалась своего плана. Даже

когда доктор Харви предложила сеанс гипноза, я знала, что ей ответить. *Слишком похоже на погружение в воду.*

Я очень горжусь тем, что так спокойно все это проделала, даже если мне особенно нечем гордиться по сравнению с другими людьми. Иногда я *чувствую удовлетворение*, но это другое. Я действительно чуть не умерла, но, очнувшись, сделала так, чтобы все шло по плану, так что вполне можно позволить себе немного погордиться. Я все действительно здорово спланировала, хотя и произошел этот странный сбой.

Большой вопрос, стоит ли что-то делать с Беккой. Что-то напоследок. После того что случилось с Ханной, эта мысль не кажется мне такой уж радикальной. В конце концов, назвался груздем – полезай в кузов. Но я отказываюсь от этой затеи. По крайней мере пока. Я выставила ее ненормальной. Никто не воспринимает ее всерьез. И я все еще сомневаюсь насчет ее намерений – может, она вообще ни о чем не догадывается. И, честно говоря, мне очень нравится ее периодическая непредсказуемость.

Я иду в ванную и закапываю глаза, прежде чем отправиться ужинать. Капли не снимают жжение от усталости. Мне нужно перестать бояться спать. Мне нужно перестать бояться чего-то, что ждет меня в темноте. Страх никогда не входил в мои планы. Страх – это не для меня.

На этот раз Бекка вышла из дома еще до того, как ее мама проснулась. Было только семь утра, но она уже несколько часов не спала, ходила по комнате и думала. Она отправила Эйдену сообщение около двух часов ночи – *Будь осторожен*, – но ответа не получила. Он мог рассказать об этом Таше, и ее бы вполне устроило, если бы он так и сделал. Дело уже было не в Эйдене, и она обнаружила, что ее злость и обида растаяли. Ей просто было его немного жаль. Его использовали, так же как и ее.

Перед школой ей нужно было успеть сделать две вещи. Она не сомневалась, что это будет сложно, но она должна была это сделать, если хотела понять, как все было с теми двумя телефонами.

– Чего тебе надо?

Мама Хейли уже не спала, но выглядела как восставшая из мертвых.

– Кто там? – спросил папа Хейли. Его крупная фигура замаячила на заднем плане, а потом он подошел ближе. – А, это ты.

Сердце Бекки колотилось как бешеное, а лицо пылало, но она заставила себя заговорить:

– Извините, мне просто нужно кое-что у вас спросить. Это важно. Это может помочь Хейли.

– Ты уже и так ей здорово помогла. – В его голосе было только презрение, он даже не мог ее ненавидеть.

Она, должно быть, выглядела жалкой. Ручная собачка Наташи, которая помогла посадить их дочь в тюрьму. И они были правы.

– Наташа к вам хоть раз приходила? – продолжила она, пытаясь не позволить им захлопнуть дверь перед ее носом до того, как она получит ответ на свой вопрос. – После того, как ее нашли в реке. Одна?

Они какое-то время молча на нее смотрели, а потом мама Хейли, вздохнув, произнесла:

– Нет. Не приходила. Она к нам не приходила даже с Хейли. Тогда она уже была *твоей* подружкой. Она здесь не появлялась и какое-то время до несчастного случая. Только Дженни.

Бекка ощутила, как ее накрыло волной разочарования. Если Таша сюда не приходила, то это тупик, и, может, у нее просто приступ паранойи.

– Вы уверены? – спросила Бекка.

– Да, уверена, – отозвалась мама Хейли. – А теперь вали отсюда.

Эти слова, в которых звучали усталость и боль, будто ударили Бекку

под дых, она даже сделала два шага назад. Такие слова нечасто услышишь от чьей-нибудь мамы. Не в Беккиной жизни среднего класса.

– Извините. Я просто пыталась помочь. Извините.

– Оставь нас в покое, – буркнул отец Хейли и протянул руку, чтобы закрыть дверь. – Ты уже достаточно навредила.

– Подожди.

Слово было произнесено едва слышно.

– Подожди, – повторила мама Хейли. Она смотрела на Бекку, хрупкая, трепещущая птичка со сломанным крылом.

– Было один раз. Когда она принесла браслет. Хейли еще была в школе, а я занималась своими делами.

У Бекки подпрыгнуло сердце – так собака дергает поводок от волнения.

– Она отдала его вам?

– Нет. – Женщина прищурилась, вспоминая. – Нет, я оставалась внизу. Она поднялась в комнату Хейли и оставила подарочную коробочку на ее подушке. Я помню, что мне это показалось очень милым.

Бекка ухмыльнулась – не смогла сдержаться. Наверное, они решили, что она ненормальная, раз так улыбалась, понимая, что они испытывают.

– Спасибо, – сказала она. – Спасибо. – Она развернулась и поспешно пошла вниз по улице, а они продолжали смотреть ей вслед. Все-таки это не тупик. На самом деле практически все фигуры уже встали на место перед эндшпилем [\[18\]](#).

– Какое это имеет значение? – крикнула миссис Галлагер ей вслед. – Что это меняет?

Бекка не ответила. Вскоре они сами поймут. Для начала ей нужно было это *доказать*.

* * *

Инспектор Беннет не оправдала ее ожиданий. Бекка села в автобус, идущий в город, и около восьми утра уже была возле полицейского участка. Ей пришлось ждать еще пятнадцать минут, прежде чем показалась Беннет. Она шла, держа в руке бумажный стакан с кофе, и выглядела невыспавшейся.

– Ребекка? Что ты здесь делаешь?

– Мне нужно с вами поговорить. Про записи с камер видеонаблюдения.

Детектив растерялась и нахмурилась:

– Зачем? Я сейчас работаю над другим делом. Все материалы уже переданы в прокуратуру.

– Вы просматривали записи только из магазина связи? Вы не видели, как девушка выходила? Не проверяли камеры «Примарка»?

– Ребекка, это все потому, что Наташа теперь встречается с Эйденом? Я понимаю, это больно, но...

– Это не имеет никакого отношения к данной ситуации! – Бекка хотела ее ударить, выбить из нее это дежурное сочувствие и просто заставить ее *слушать*. – Дело в пальто. Вы сами сказали, что это дешевое пальто. Таких пальто сотни. Почему тогда вы уверены, что это Дженни была в нем? А что, если кто-то другой купил его в «Примарке» и надел, чтобы выглядеть, как Дженни? У Хейли, Дженни и Наташи – у них у *всех* светлые волосы. Вы сможете различить их на расстоянии? А на зернистом снимке, сделанном с записи видеокамеры? Ну так как?

– Слушай, дело закрыто, – сказала Беннет. – И не без твоей помощи. Просто отпусти все это. Продолжай жить своей жизнью.

– Хейли могла быть не последней, кто трогал осветитель, упавший на Ханну, – вызывающе произнесла Бекка. – Мы пошли на уроки, но у Наташи было окно. Она сказала, что отнесет инструменты, и осталась там – вместе с осветителем, инструментами и стремянкой.

Беннет недоверчиво уставилась на нее:

– Ты пытаешься мне сказать, что это Наташа купила телефоны и Наташа убила Ханну?

– Именно так я и думаю.

Они долго смотрели друг на друга, стоя перед входом, среди шума и гама. Беннет даже не пригласила ее пройти в кабинет для разговора. Она наверняка воспринимала Бекку как очередное недоразумение.

– Когда ты в следующий раз идешь к доктору Харви? – наконец спросила детектив, и Бекка залилась смехом – смехом разочарования.

– Я знаю, что вы думаете. Вы считаете, что это из-за Эйдена. Что я злюсь, ревную и схожу с ума, и, может, так оно и есть, частично. Я знаю, что выглядела очень глупо. Но это... это не то.

– Иди в школу, Ребекка. – Беннет явно теряла терпение. – Не надо делать себе хуже.

Бекка горько усмехнулась и пожала плечами, собираясь уйти. Она на самом деле не ожидала другой реакции.

– Разве это вас не удивляет? – бросила она через плечо, пока женщина еще не успела зайти в участок.

– Что именно?

– То, насколько все гладко. Чек в шкафчике. Телефоны в их комнатах, до сих пор не стертые сообщения на них. Все эти улики могли с тем же успехом просто принести вам на блюдечке с голубой каемочкой. Собственно, так и было. И это я их принесла. А вам не кажутся странными эти сообщения? Могу поспорить, что их перестали отправлять сразу же после той ночи, когда Наташа оказалась в реке. Ничего после этого? Вы не считаете это странным? – Она посмотрела на детектива, но так и не дождалась соответствующей реакции.

Беннет долго молчала, а потом повторила:

– Иди в школу, Бекка, – и дверь за ней закрылась.

Бекка стояла снаружи на солнышке и сворачивала самокрутку.

Значит, не сработало. Настало время для плана Б. Нужны доказательства, которых не было у Беннет.

Видео, о котором упомянула мама Дженни в той удаленной записи в Интернете.

Оно было ключом к разгадке.

Она написала, что полиция его не нашла, и какое-то время Бекка думала, что Таша наверняка как-то от него избавилась. Но потом она вспомнила коробку с памятными вещичками из прошлого, хранящуюся у Таши под кроватью. Наташа *хранила* вещи. Она не могла не сохранить это видео где-нибудь, каким бы оно ни было. Сохранила его хотя бы для того, чтобы подстраховаться, если Хейли и Дженни начнут говорить. Бекка не спала всю ночь, думая об этом, и теперь была уверена, что знает, где оно спрятано. Она улыбнулась. Ее это будоражило, она ничего не могла с этим поделать. Она даже радовалась, что Беннет не восприняла ее всерьез. Это был бы простой путь. Но так она сможет вести собственную игру. *Пришло время сравнять счет, Таша*, подумала она. *На этот раз точно мой ход.*

Она взглянула на часы. Ей нужно было много сделать сегодня.

**Выдержка из КОНСУЛЬТАЦИИ ДОКТОРА АННАБЕЛЬ ХАРВИ
ПАЦИЕНТКИ РЕБЕККИ КРИСП, ПОНЕДЕЛЬНИК, 04/04, 15.30**

ДОКТОР ХАРВИ: И какие чувства в тебе вызывают все эти записи в «Facebook» и других социальных сетях? Они тебя злят?

РЕБЕККА: Злят. Немного. Последние несколько дней я об этом практически не думала. Отвлеклась.

ДОКТОР ХАРВИ: На что?

(Пауза.)

РЕБЕККА: Какая разница между психопатом и социопатом?

ДОКТОР ХАРВИ: Почему ты об этом спрашиваешь?

РЕБЕККА: Я думала о мотивации. Почему люди делают другим что-то плохое.

ДОКТОР ХАРВИ: Это о Хейли и Дженни?

РЕБЕККА: Так какая разница между этими двумя понятиями?

ДОКТОР ХАРВИ: Проще всего объяснить это так: у психопата отсутствуют моральные и этические принципы. У социопатов есть моральные принципы, но их моральный компас сильно врет. И те и другие – манипуляторы. И те и другие могут быть очаровательными.

РЕБЕККА: Думаете, вы бы могли узнать такого человека?

ДОКТОР ХАРВИ: Какого?

РЕБЕККА: Без разницы.

ДОКТОР ХАРВИ: Возможно. Но не всегда.

РЕБЕККА: Почему они причиняют боль другим людям?

ДОКТОР ХАРВИ: Они не все так делают.

РЕБЕККА: Но те, которые так делают?

ДОКТОР ХАРВИ: Я не думаю, что Хейли и Дженни страдают каким-либо из этих расстройств.

РЕБЕККА: Вы предположили, что речь идет о них, но я этого не говорила. Мне просто интересно.

ДОКТОР ХАРВИ: Психопату не всегда нужна причина. Он может это делать, чтобы ощутить свою власть, получить

удовольствие от чьей-то боли. У социопата должна быть мотивация, хотя, возможно, далеко не такая, которая могла бы заставить нормального человека дойти до такой крайности. То, что тебя или меня может всего лишь раздражать, у них может вызвать желание навредить человеку. Впрочем, это все индивидуально. *(Длинная пауза.)* Ты опять удалила свой профиль из «Facebook»? Возможно, ты злишься на своих сверстников?

РЕБЕККА: *(Смеется.)* Не волнуйтесь, я не планирую превратиться в Кэрри ^[19] для моей школы. Я просто пытаюсь понять ход мыслей такого человека.

ДОКТОР ХАРВИ: Как психопаты, так и социопаты эгоцентричны по своей природе. И только эгоистические мотивы могут ими двигать.

РЕБЕККА: Понятно.

ДОКТОР ХАРВИ: Мне кажется, что ко всему этому ты проявляешь не совсем здоровый интерес. Ты не хотела бы заняться физическими упражнениями на природе? Я могла бы порекомендовать несколько лагерей для молодежи с посттравматическим синдромом.

РЕБЕККА: Мне это не нужно, правда.

ДОКТОР ХАРВИ: А я считаю, что нужно. Таково мое заключение.

(Пауза.)

РЕБЕККА: Честно говоря, я сейчас не сильно доверяю вашим заключениям, доктор Харви. Но спасибо, в этот раз вы действительно мне помогли. *(Шуршит, собирает вещи.)*

ДОКТОР ХАРВИ: Осталось еще двадцать пять минут до окончания консультации.

РЕБЕККА: Я намерена прислушаться к вашему совету и подышать свежим воздухом.

Я ловлю себя на том, что сегодня в школе ищу Бекку взглядом. Я даже ожидала, что она появится из-за угла и посмотрит на меня многозначительно, как в одном из тех старых фильмов про детективов, которые мама смотрит по воскресеньям после обеда. Однако я ее не видела. После школы я пошла пить кофе со своими новыми Барби, и они начали спрашивать меня об Эйдене, поэтому я немного пофлиртовала с ним в сообщениях, чтобы их порадовать. Они думают, что я скоро с ним пересплю. Они совсем меня не знают. Впрочем, он кажется им привлекательным.

Вернувшись домой, я бросаю сумку на пол и достаю сок из холодильника. После кофе меня подташнивает и хочется пить. Даже не знаю, зачем я его пью. Я опустошаю стакан апельсинового сока и наливаю еще один, чтобы взять с собой в комнату. В доме тихо. Наконец-то мама куда-то ушла, а не дожидалась моего прихода, чтобы начать вертеться вокруг меня и кудахтать.

Я думаю о том, как легко с парнями. Легко их завести. Для этого немного надо, так ведь? Я написала Эйдену, что думала о том, чтобы он поиграл пальчиками, когда мы встретимся. Вики при этом заливалась визгливым смехом – я уже говорила ей, что с этим придется что-то делать, если она хочет остаться в нашей компании, – а я покраснела и многозначительно улыбнулась, потом закатила глаза, будто я многим парням позволяю это делать.

Я не планирую позволять Эйдену засунуть в меня свои пальцы. От одной только мысли об этом я крепко сжимаю бедра. Хотя его поцелуй был не таким уж ужасным, но это все, на что я готова пойти в этом спектакле. Может, мне стоит притвориться, что я переживаю из-за Бекки, и прекратить все это. Цель уже достигнута. Бекка выглядит еще более ненормальной, чем обычно, злится и бурно реагирует на все.

Тем не менее, даже если эта цель достигнута, из-за недавнего поведения Бекки мне хочется ее наказать.

Поднимаясь по лестнице, я считаю ступеньки, радуясь, что их больше тринадцати, а потом захожу в комнату и плюхаюсь на кровать. Сейчас только половина пятого, но я устала. И еще мне скучно. Как бы то ни было, последние пару месяцев были интересными. Правда, только для меня. Теперь я немного разочарована. Все оказалось так просто, учитывая

обстоятельства. А теперь все снова *как всегда*. И я не жду с нетерпением продолжения игры. Если бы Ханна не была такой идиоткой и не встала под осветитель, то, наверное, пьесу бы поставили.

Я слышу, как вибрирует телефон, и взглядом ищу его. Потом сажусь. Через пару секунд жужжание повторяется. Наверняка пришло сообщение. Я роюсь в сумке, и там, на дне, между блеском для губ и какими-то салфетками вижу телефон. *Другой телефон*.

Я рассматриваю его. Он дешевый и простой, не мой. Сердце начинает учащенно биться. Не знаю, от страха или от волнения, но жизнь вдруг снова становится интересной. Я нажимаю на значок сообщения. Телефон, конечно, доисторический, но я знаю, как им пользоваться. Он мне знаком. Точно такой же, как те два, которые я купила в «Ван Селл Стоп».

Посмотри все сохраненные сообщения, – читаю я. Черные слова на зеленом экране. Это уже даже не ретро. Я выбираю опции, смотрю входящие, а потом исходящие сообщения. Тут целая беседа, между этим телефоном и тем, с которого отправляют инструкции. Ничего необычного, просто болтовня. Я делаю большой глоток апельсинового сока, пока перевариваю все это. Слегка улыбаюсь. Сердце подпрыгивает, когда приходит следующее сообщение:

Легко так сделать, правда?

А потом еще одно:

Угадай, где чек?

Я все еще не отвечаю.

Он в твоём шкафчике. Удивительно, какая тонкая бумага для чеков. Он так легко проходит в зазор между петлями.

Маленький мозг Бекки, похоже, работал сверхурочно. И что, всему этому поспособствовало ее воспоминание о зеленом платье? Или ее ложь? Думаю, и то и другое. Бекке нравятся головоломки. В этом мы очень похожи.

Я впечатлена. Маленькая толстенькая Ребекка Крисп заслужила медальку. Впрочем, это ничего не значит. Она может сколько угодно выдвигать гипотезы про телефоны и чеки. Я позволю ей сделать ход, а потом что-нибудь придумаю. Она всегда агрессивно начинала партию, но

победишь ты или проиграешь, зависит от заключительных ходов. Пришло время ответить:

У тебя всегда было буйное воображение.

Нет смысла притворяться, что я не понимаю, кто это. У меня такое чувство, будто мы наблюдаем друг за другом, сидя за шахматной доской.

: -)

Я смотрю на старомодный смайлик и впервые чувствую некоторое раздражение.

Что смешного?

Молчание. Я только хотела было с отвращением бросить телефон обратно в сумку, как он снова завибрировал.

Видео, которое я смотрю, не плод моего воображения.

Я уставилась на текст. По коже побежали мурашки. Она не могла его достать!

Ничего из дома не пропадало?;-)

Я шокирована, мое дыхание учащается, и я бегом спускаюсь в кухню. Она не могла его достать. Эта стерва не смогла бы его найти. Она не могла.

Бекка смотрела на «AirBook» с наклейкой «Нью-Йорк» на передней панели и ждала следующего сообщения, она так нервничала, что ее ладони повлажнели. Она понятия не имела, было ли это видео на ноутбуке – после попыток взломать пароль он заблокировался, – но полагала, что Таша могла спокойно хранить его только в мамином неиспользуемом ноутбуке, лежащем на кухонном столе.

Заполучить его оказалось довольно легко. Она взяла ключи из Ташиной сумки, лежавшей в углу Барби в общем зале, а потом прокралась к ним в дом, когда Элисон Хоулэнд вышла. Ей пришлось подождать всего полчаса или около того. А на последнем уроке она бросила ключи и предоплаченный телефон Таше в сумку. Это был урок театрального искусства, и она знала, что Барби не берут все свои вещи в студию. Во всяком случае Таша не брала. Тем более что рядом всегда была сумка желающей угодить новой Барби, куда она могла положить свой телефон и кошелек.

Всего-то! Готово. Наконец она узнает, стоило ли оно того. Она ждала, секунды текли в тишине.

Ты не смотришь.

Ее сердце оборвалось. Черт. Неужели она ошиблась?

Ты бы не взломала этот пароль. Я его изменила. Так, совершенно случайные цифры.

Бекка ухмыльнулась. Игра началась. Она напечатала ответ:

Ладно, признаюсь. Я не смотрю. Но все же оно тут. Ты это знаешь. И я это знаю.

Она ждала.

Это вполне объяснимо. Ненадежная память. Может, я сняла его той ночью и забыла.

Таша была такой надменной. Она действительно умная, но никогда не

была настолько умной, какой себя считает.

Возможно, но маловероятно, -

ответила Бекка. Что сейчас чувствовала Таша? Раздражена? Так нервничает, что даже взмокла? Не так приятно, когда играют с тобой.

Возможно и вероятно.

Она всегда была такой самоуверенной. Бекке хотелось увидеть лицо Таши, когда она осознала, что одна маленькая деталь на видео может разрушить всю ее версию событий. Все свелось к травме Хейли, ее поврежденному запястью. К привязке по времени. Наташа была стратегом. И первой частью ее плана было создать что-то реальное, что она могла бы хранить и использовать. Видео. Она сняла его еще до того, как покрасила волосы и купила телефоны. Это значило, что если на нем была Хейли, то ее рука еще была повреждена. Повязку ей сняли не раньше Рождества. На видео она будет с ней.

Бекка отправила очередной смайлик, уверенная, что это заведет ее бывшую лучшую подругу еще больше. А через минуту добавила:

Подумай как следует. Если ты не разобралась за пять минут, то ты не такая смышленная, как я представляла.

Она положила телефон, взяла свой «iPhone» и нашла в контактах номер Эйдена.

Подумала, что ты должен знать, Таша бросит тебя в течение часа.

Отправив сообщение, отбросила и «iPhone». Она даже не потрудилась прочитать ответ. Эйден больше не был для нее важен.

Я делаю два глубоких вдоха и злюсь из-за того, что они оба прерывистые, а руки дрожат. Я сижу на кровати и смотрю на телефон. Я что-то упускаю. Бекка никогда не была такой уверенной. Что ей на самом деле известно? И почему она так уверена, если не посмотрела видео?

Я перебираю все это в голове, пока хожу по комнате, – мне нужно сбросить нервную энергию с ног. Я хочу пойти побегать в лес, но не могу. *Успокойся*, говорю я себе. Это все еще просто игра. Опасная, но все равно игра. Более того, это *моя* игра. И, по крайней мере, мне больше не скучно. Я пытаюсь улыбнуться, но, мельком увидев свое отражение в зеркале, убеждаюсь, что выгляжу немного расстроенной. Что она может знать?

Я сняла видео на парковке супермаркета «ASDA». Та же машина, тот же мужчина, те же девушки. Я не загружала его в мамин ноутбук до того пятничного вечера, поэтому вполне можно списать все на то, что я забыла о нем из-за сбоя в моей памяти. Это годится в качестве оправдания.

Так что это? Ох, Бекка, Бекка, Бекка, маленькая толстая Бекка, до сих пор страдающая от полученных ран, что, по твоему мнению, я упускаю?

Я представляю, как она сидит дома, довольная собой, и ждет моего ответа. Ненавижу быть отстающей. Я *всегда* опережаю на два шага. Я ни о чем не буду тебя спрашивать.

Может, что-то не так с погодой? Нет, в обоих случаях был такой же ясный поздний вечер. Не было никаких отличий. Никаких!

И вдруг все на мгновение замерло. Даже мое сердце. Я знаю, что это. Я знаю, почему Бекка такая невозмутимая, я представляю, как она самодовольно усмехается.

Запястье Хейли.

Если бы я снимала видео в четверг вечером, когда, как я сказала, узнала о том, что Дженни трахается с мистером Герриком, а это было за день до того, как я попала в реку, то с запястьем Хейли все было бы в порядке. Но я сняла видео намного раньше, когда *на самом деле* узнала обо всем. А тогда Хейли ходила с фиксатором на руке.

Я смотрю на телефон и хочу выцарапать Бекке глаза через этот дерьмовый экран. Да, этого достаточно, чтобы меня погубить. Это доказательство, и Бекка об этом знает. Если Беннет станет известно, что я была в курсе отношений Дженни и мистера Геррика за *несколько месяцев*

до того, как оказалась в реке, то она согласится с тем, что это все меняет. Это доказывает, что я врала насчет потери памяти, хотя и не объясняет, почему. И много врал. Это нить, потянув за которую, можно распутать весь клубок. Это кардинально изменит ход игры.

На меня накатывает прохладная волна спокойствия, когда я представляю картину в целом. Бекка *не отнесла* это Беннет, а сообщила об этом мне. Почему?

Потому что Бекка вовсе не хочет, чтобы я оказалась за решеткой.

Я смотрю на шахматную доску. Фигуры рвутся в бой. А потом отправляю ответ.

Поздравляю. Хороший ход. Так что, ты взяла слона?

Это все еще моя игра.

Ой, да брось! Это определенно твоя королева!;-)

Я стискиваю зубы. Эти дурацкие смайлики уже выводят меня из себя.

Так чего ты хочешь?

Я жду.

Для начала я хочу, чтобы ты бросила Эйдена.

Я чуть не рассмеялась вслух. Серьезно? Неужели это того стоит?

Ты все еще его хочешь???

Ответ пришел быстро.

Нет. Но я думаю, что его лучше убрать с доски. Он уже исполнил свою роль, не так ли?

Я впечатлена. Возможно, я недооценила Бекку. И она права. Будет хорошо от него избавиться. Я беру свой основной телефон и, поеживаясь, набираю сообщение. Мне жаль Бекку, сейчас не время, бла-бла-бла, мило и легко. Отправив его, пишу Бекке с другого телефона:

Готово.

Я даже благодарна ей за то, что она освободила меня от него и его потенциальных ласк, но я не уверена, что она действительно этого хочет. В конце концов, она была от него без ума.

Что еще?

Пауза. Она молчит для драматического эффекта, и это раздражающе очевидно, но я позволяю ей насладиться моментом.

Я хочу вернуть свою жизнь.

Телефон снова вибрирует до того, как я успела прочитать. И еще раз.

Мою лучшую жизнь.

Я хочу быть твоей лучшей подругой.

Я улыбаюсь, откидываюсь на подушки и смотрю на дерево за окном. Конечно. Это все, о чем Бекка когда-либо мечтала. Это можно устроить.

Давай поговорим.

Бекка догадалась про телефоны. Она умная. Она меня вычислила. Теперь нужно избавиться от них и от видео. Господи, она, с одной стороны, человек неординарный, а с другой – вполне предсказуема. Придется постараться, чтобы выполнить это ее требование, если я решу продолжить игру. Снова сделать ее популярной... Может, и стоит на какое-то время. Интереснее заниматься этим, чем находиться в застое, как теперь, но у меня есть и другие варианты продолжения игры. И я в любом случае намерена победить.

По крайней мере теперь я знаю, какова ее цель. Другой телефон вибрирует, но я никак не реагирую. Это Эйден, но он уже забыт.

Хорошо, когда есть над чем подумать, что планировать.

Я усмехаюсь, понимая, что не пыталась считать до тринадцати после первого сообщения Бекки. Она лечит лучше, чем это когда-либо получалось у доктора Харви.

Джейми открыл бутылку красного вина и дал ему подышать. Уже перевалило за одиннадцать, но к приходу Кейтлин он приготовил поздний ужин – сыр, бисквиты и холодное мясо. Одним из моментов в пользу этих зарождающихся отношений было то, что у них обоих был странный режим дня. Большинство жителей Брекстона сейчас уже собирались ложиться спать, но Джейми был бодр. Он только недавно закончил работать, а ему надо было успеть принять душ и придать себе презентабельный вид, насколько это возможно.

Он услышал шуршание шин по гравию, и сердцебиение у него слегка участилось.

Джейми злился на себя за то, что так нервничает, но он давно не встречался с женщиной, и хотя они не договаривались, что она сегодня останется у него, было ощущение, что это само собой разумеется. Она жила на другом конце города, приехала прямо с работы, и она точно не станет садиться за руль, если выпьет.

– Привет, – сказал он.

Она хорошо выглядела. На работу она всегда надевала брючный костюм, ей нравилось выглядеть серьезной и сосредоточенной, но сейчас на ней были джинсы и красная блуза, помада подобрана в тон. Волосы были распущены и блестящими волнами спадали на плечи. Он сделал глубокий вдох. Это точно было свидание.

– Можно войти? – Она нерешительно стояла у порога, а потом наклонилась, чтобы погладить скачущего от нетерпения Бисквита. Разогнувшись, она протянула Джейми бутылку. – На всякий случай, если у тебя закончилось.

– Об этом не беспокойся.

Он шагнул в сторону, чтобы пропустить Кейтлин, и взял у нее пальто. Пока они – оба немного нервные, подумалось ему, – шли в гостиную, по ступенькам спустился Эйден. Он сразу же спрятал в карман косяк, который держал в руке, но Джейми сомневался, что Кейтлин это не заметила.

– Я думал, у тебя есть планы на сегодняшний вечер, – сказал Джейми.

– Извини, все отменилось. Но я не буду попадаться вам на глаза, правда, – просто возьму что-нибудь попить.

Он выглядел подавленным, и Джейми налил им всем вина. Он был доволен тем, что здесь ненадолго появился Эйден, – напряжение немного

спало и оба смущенных взрослых нашли на чем сфокусировать свое внимание. Джейми не мог не задать себе вопрос: когда Беннет в последний раз была на свидании? Чем старше становишься, тем сложнее сходиться с людьми, легче просто жить одному.

– Ты выглядишь несчастным, – сказал он. – Все в порядке?

Эйден пожал плечами:

– Таша меня бросила.

– Мне жаль. – И Джейми действительно было жаль Эйдена, хотя он считал, что должно пройти какое-то время до новых отношений, а вот у самого Джейми этот период слишком затянулся. – Немного неожиданно, да?

– Да уж. – Эйден помолчал. – Думаю, Бекка как-то с этим связана.

– Как?

– Просто все очень странно. Она написала мне, что Таша собирается меня бросить. Это была эсэмэска без истерик и угроз, она просто сообщила, что Таша бросит меня в течение часа, а потом я получаю от Таши эсэмэску, в которой она как раз об этом и говорит. – Он отпил вина. – Я на самом деле не особо расстроился, но это стало полной неожиданностью. Она писала мне незадолго до этого, и казалось, что у нас все прекрасно.

– Может, Бекка с Ташей помирились, – предположил Джейми. – Ты же знаешь девушек.

– Да, наверное. Ну, я вас оставляю. Пойду посмотрю телевизор в своей комнате. – Он кивнул Кейтлин. – Хорошего вечера.

Учитывая понурый вид Эйдена, Джейми подумал, что, может, для него это было гораздо больше, чем он хотел показать. Ну что ж, он усвоил трудный урок о том, что женщин не так просто понять.

– Не думаю, что они помирились, – сказала Кейтлин, взяв виноградинку с сырной доски и закинув ее в рот, перед тем как сесть на диван. – Бекка и Таша.

– Почему ты так считаешь?

Она сняла туфли и поджала под себя ноги. Джейми расслабился. Это выглядело так естественно, словно она и должна быть здесь, отдыхать у него дома. Он сел возле нее.

– Бекка приходила в участок. Одним словом, она считает, что Наташа все это сама устроила. Падение в реку. Смерть Ханны. Она думает, что Таша все это организовала.

– Наташа? Это безумие. В смысле, я знаю, что Бекка расстроена и все такое, но как она вообще до такого додумалась?

– Она говорила про видео с камер наблюдения, где Дженни покупает телефоны. Хотела узнать, смотрела ли я, куда она пошла после этого. А еще сказала, что Наташа последней уходила из актового зала в тот день, когда погибла Ханна Альдертон. – Кейтлин задумалась. – Она настаивает, что все слишком уж сходится и что она сама натолкнула меня на эту версию случившегося.

– Бред сумасшедшего! Бедная девочка. Думаю, ей не обойтись без сеансов психотерапевта.

– Возможно. – Кейтлин откинулась на спинку дивана и посмотрела в свой бокал с вином. – Но она привела несколько действительно веских доводов. Мы не смотрели, куда Дженни пошла после магазина связи. Я попросила, чтобы кто-нибудь сегодня поискал эту запись с камер наблюдения. Бедный Марк! Он еще на работе.

– Но ты ей не веришь?

– Нет. – Она покачала головой. – И тем не менее нам нужно расставить все точки над «i» до суда.

Джейми наблюдал за ней. Она была с ним, но в то же время где-то в другом месте.

– Тебя в этом что-то смущает? – спросил он.

– Только телефоны. Кое-что из сказанного Бекки имеет смысл. Почему Дженни и Хейли перестали их использовать после той ночи? Почему они их хранили у себя, со всеми этими обличающими уликами?

Джейми тоже откинулся на спинку дивана, их руки соприкоснулись.

– Наверное, потому что они девочки-подростки. Может, они не думали, что их могут поймать.

– Да, ты прав. Я тоже так считаю. – Она посмотрела на него и улыбнулась. – Хватит о работе. Как вы с Бисквитом провели день?

В обычном месте? В полночь?

Бекка отправила сообщение в десять, а потом сидела в своей комнате, перебирая все варианты того, чем это может обернуться, пока ее родители не выключили свет внизу и не пошли спать.

Выскользнув из дома с рюкзаком на спине, она в тысячный раз подумала, не по-дурацки ли поступает. Или глупо. Все уже могло закончиться. Может, она и не могла залезть в ноутбук, но полиция смогла бы. Но это значило, что придется убеждать Беннет попытаться его разблокировать вместо того, чтобы арестовать Бекку за воровство, а переписка на предоплаченных телефонах не была достаточно веским аргументом. Беннет, как и до этого, подумала бы, что она сумасшедшая. Она вполне могла заявить, что Бекка сама отправляла все сообщения, и отмахнуться от этого. Какая ирония! Таша ведь изначально именно так и делала.

В лесу было темно, она включила фонарик, чтобы видеть дорогу. Попыталась отогнать мрачные мысли. Она в лесу не одна. Таша уже на поляне – *в обычном месте*. Она, наверное, давно туда пришла. Она бы захотела убедиться, что Бекка не приготовила никаких ловушек, или расставить собственные ловушки. И Таше не было страшно находиться одной ночью в лесу. Большинство людей боятся монстров или психов. Таша *сама была* психом.

Бекка пыталась сохранять спокойствие, когда деревья начали подступать к узкой тропинке и их ветки цеплялись за одежду и царапали ей лицо. Фонарик был как Давид против Голиафа в ночи, и у нее засосало под ложечкой. Ей нужно было просто пойти в полицию. Это было бы правильно. Но дело было не только в правосудии. Она хотела выяснить, *почему* Таша все это сделала, а она бы никогда не рассказала этого Беннет. Она бы придумала что-то правдоподобное, но не сказала бы правды. Возможно, этой ночью, когда они будут здесь только вдвоем, Бекка сможет вытащить это из нее. Она была обязана сделать это ради Ханны. Ради Хейли и Дженни. Ради *себя самой*. Это не касалось Беннет. Это касалось только их.

На поляне горело четыре фонарика, по одному в каждом углу, и поэтому казалось, что Наташа, которая сидела на поваленном бревне,

находится в центре сцены. Возле ее ног стояла открытая бутылка вина. Выйдя на поляну, Бекка выключила свой фонарик. Он был лишним.

– Небольшой перебор, не думаешь? – спросила она.

– Мне не нравится темнота. – Таша встала и подняла пластиковый стаканчик. – За тебя и твою умную голову, Бекс! – Она отпила, а потом снова села, чтобы налить Бекке. – Иди посиди со мной.

Бекка испытывала странное спокойствие, пока снимала рюкзак, а Таша протягивала ей стаканчик. Она долго смотрела на свою бывшую лучшую подругу, пока Таша не рассмеялась, а потом отпила из обоих стаканчиков и позволила Бекке выбрать один из них.

– Не волнуйся, не отравлено.

Бекка взяла стаканчик, выпила, и у нее в носу закололо от пузырьков.

– Это шампанское?

– Думаю, мы заслужили.

Мы. Внезапно появились мы. Будто Бекка была частью всего этого безумия. Бекка прикурила сигарету – по такому случаю она потратила последние деньги на десять штук «Marlboro Lights», – и они какое-то время сидели в тишине, пока она курила.

– Так ты согласна? – спросила она. – Мы снова лучшие подруги?

Светлые волосы Таши отсвечивали золотом. Даже сейчас, учитывая все, что Бекка знала, она считала, что Таша идеально красива. Ветер зашуршал верхушками деревьев. Было такое ощущение, что они единственные люди на планете.

– Да, – ответила Таша. – Думаю, да. Честно говоря, для меня это облегчение. Остальные глупы. Как плохие копии Хейли и Джен.

– Они тебе тоже не особо нравились.

Она резко повернула голову и посмотрела на Бекку.

– Неправда! Конечно, были моменты, когда они меня просто бесили, но я их любила. Они были моими лучшими подругами. – Она помолчала. – Просто они плохо себя вели. – Она отпила шампанского и задумалась. – Но это должно выглядеть убедительно. Я разыграю сцену с Вики и Джоди. И напишу что-то хорошее о тебе в «Facebook». Меня любят. Сейчас все меня любят больше, чем когда-либо. Они это примут.

Потрясенная Бекка размышляла о том, как работает мозг Наташи. Она сама хоть понимала, насколько безумны ее слова, когда сказала, что любила Хейли и Дженни? Отдавала себе в этом отчет? После всего, что натворила, – практически разрушила их жизни, подставила их, сделав виновными в убийстве и покушении на убийство, – она до сих пор могла говорить такое с серьезным лицом?

Действуй осторожно, подумала Бекка. Действуй очень осторожно на этой опасной тропе.

– Зеленое платье, – вдруг сказала Наташа с покаянной улыбкой. – Я о нем забыла. Мне нравилось это платье. И я ненавидела тебя за то, что оно у тебя было.

– Я тоже о нем забыла, пока не увидела себя в нем на фотографии, и тогда сразу все вспомнила. Я чуть не убила Хейли, когда решила, что это она перевернула на него лак для ногтей прямо перед моим днем рождения. – Она замолчала, вспоминая. – Как ты все тогда спланировала! Говорила мне, что Хейли очень завидует мне из-за этого платья. Оставила бутылочку лака в ее комнате за несколько дней до этого, чтобы я могла ее там увидеть. Думаю, это была самая большая ссора между мной и Хейли за все время нашей дружбы.

– Вот почему на этот раз ты меня заподозрила.

– Ага, из-за этого и еще из-за вранья о браслетах. Но тогда ты не настолько умно все придумала.

– Мы тогда были маленькими, – сказала Таша. – Если бы моя глупая мать держала рот на замке, все было бы прекрасно. Она была так потрясена. Никогда нельзя позволять дружить матерям друзей. Если бы это происходило сейчас, я бы сама купила лак для ногтей и хранила бы это в секрете, вместо того чтобы позволить маме *знать*, что он мой, так как она за него заплатила. Тогда она не смогла бы сказать, что, наверное, это я пробралась в твою комнату и вылила его на твоё платье. Все бы просто поверили, что это сделала Хейли.

– Мне кажется, на этот раз ты слишком далеко зашла, – сухо произнесла Бекка. Она так нервничала, что не стала ужинать, и теперь шампанское ударило ей в голову. – Двое мертвы.

– Да, действительно, все вышло серьезнее, чем я планировала, – сказала Таша.

– Да не может быть! – Бекка фыркнула, а потом рассмеялась.

Ей почему-то стало смешно, несмотря на то что она была шокирована. Было смешно, что они сидели здесь и говорили обо всем, что случилось, словно это была всего лишь мелкая ссора. Бекка вспомнила лицо Аманды Альдертон на похоронах, и почему-то только сильнее рассмеялась от этого. Это было что-то между смехом и плачем. Наверное, у нее была истерика.

Таша какое-то время удивленно смотрела на нее, а потом тоже рассмеялась, и они обе не могли остановиться, вызывая друг у друга новые приступы смеха каждый раз, когда кто-то из них пытался взять себя в руки.

Как в старые времена, внезапно подумала Бекка, когда у нее уже

болели бока, а глаза слезились от смеха. *В старые добрые времена, когда мы были маленькими.*

Наконец смех постепенно перешел в редкие всплески хихиканья, потом вздохов, и наконец наступила тишина.

– Мы как те девочки из «Сурового испытания», – сказала Таша, отдышавшись. – Сидим в лесу, смеемся и накладываем жуткие заклинания.

– Однако я не разденусь. Не с такими ляжками.

– Ха. – Таша улыбнулась, и эта улыбка была искренней, теплой. – Ты всегда была самой смешной. – Она нежно сжала руку Бекки, а потом отвела взгляд. – Знаешь, нужно вернуть ноутбук.

Бекка расстегнула рюкзак и достала тонкий серебристый «AirBook».

– Вот. Он разряжен.

Ее сердце учащенно забилося, когда Таша его взяла. Она видела, как ее взгляд упал на наклейку «Нью-Йорк» в углу крышки, а потом она ухмыльнулась.

– Спасибо, Бекс. – Таша встала. – У меня ноги затекли. Я тут сижу уже целую вечность. Может, прогуляемся? – Она подняла руку, в которой держала ноутбук. – Я могу просто выбросить его в реку. Мама все равно им не пользуется.

Бекка встала, и Таша взяла ее под руку.

– Может, так и должно быть, Бекс, – сказала она. – Ты и я. Лучшие друзья навек. И если ты сама до всего этого додумалась, только представь, на что мы способны вместе. Разберемся с собакой Джейми Мак-Махона – для начала. Поквитаемся с Эйденем за то, что он такой мерзкий тип...

– У нас будет куча времени для всего этого, – ответила Бекка.

Несколько секунд они шли молча, потом Бекка снова заговорила. В конце концов, она должна была спросить. Этой ночью они будто находились в вакууме, своем собственном пространстве. Если Наташа и захочет открыться, то только сейчас.

– Наверное, пришлось столько всего планировать, – сказала она. – А потом изображать амнезию. Ты даже умерла ненадолго.

– Этого не должно было случиться. Во всем виноват Джейми Мак-Махон со своим дрянным псом, они позже вышли на прогулку.

– Но почему ты это сделала, Таша? Это из-за мистера Геррика? Только не говори, что тебе он тоже нравился.

– Фу, как пошло! – Таша засмеялась. – Конечно нет.

– Почему тогда? – снова спросила Бекка.

Таша глубоко вдохнула.

– На самом деле все не так уж и сложно, – начала она.

Они смотрели боевик, лежа на диване. Кейтлин положила голову ему на грудь. Внезапно завибрировал ее телефон. До сих пор этот вечер был вполне невинным, но Джейми и не хотелось переходить к следующему этапу, пока Эйден наверху, и было приятно просто находиться рядом с ней. Это было естественно.

– Господи, что на этот раз? – пробормотала она, неохотно протягивая руку к столику, чтобы взять телефон.

Они уже перешли ко второй бутылке красного вина и оба немного опьянели. На экране высветилось: *Марк Аплин*, и она села, приняв звонок.

– Надеюсь, это что-то важное. – Она посмотрела на Джейми с извиняющейся улыбкой.

Интересно, она поэтому одна? Как мужчины воспринимали то, что были у нее на втором месте после работы? Он не мог представить, чтобы его это заботило. В конце концов, с его стороны это было бы лицемерием. Он-то как раз относился к тем, кто любит свою работу. Она напряглась.

– Ты уверен? – спросила она. – Можешь мне переслать? – Она показала Джейми на свое пальто, и он принес его ей, а потом убрал остатки их закусок – на тот случай, если ей понадобится стол. Она порылась в широких карманах в поисках «iPad-mini» и отбросила пальто в сторону, как только его нашла.

Джейми снова сел возле нее и смотрел, как она сооружает из чехла подставку и включает планшет. Он чувствовал себя немного неловко, будто подслушивал личный разговор или что-то в этом духе, но его одолевало любопытство. Это касалось нового дела, о котором она ничего ему не говорила? Или это связано с девочками? Она сказала, что Бекка приходила к ней и они все еще продолжали расследование, – может, появились какие-то новые доказательства?

– Получила, – сказала она и кликнула на ссылку.

Джейми не сразу понял, что на экране, изображение было каким-то мозаичным и прерывистым, пока «iPad» не загрузил его и начал прокручивать нормально. Это был торговый центр. Возле выхода из него.

– Я ее вижу, – пробормотала Беннет в телефон, вглядываясь в экран, где девушка в пальто шла к двери, выходящей на стоянку. – Пока ничего неожиданного.

Потом стала прокручиваться видеозапись, сделанная наружной

камерой. Она охватывала территорию по ту сторону рядов припаркованных машин. Девушка остановилась, расстегнула пальто и быстро его сняла. Она огляделась, а потом сунула его в мусорный бак.

– У тебя есть крупный план? – спросила она у Марка.

Джейми все еще неотрывно смотрел на маленькую фигурку на видео, когда Кейтлин остановила запись и опять полезла во входящую почту. Она кликнула на вторую ссылку. Увеличенное изображение.

– Это не Дженни, – тихо произнес Джейми. – Это Наташа.

Кейтлин вскочила, все еще прижимая телефон к уху.

– Значит, она купила пальто в «Примарке», надела, а после того как приобрела телефоны, избавилась от него. У тебя есть запись из «Примарка»? – Пауза. – Неважно, этого достаточно. Привезите Наташу в участок. И Ребекку Крисп тоже. Ребекка об этом догадалась. Позвони мне, когда они обе будут у нас. Мне нужно... – Она замолчала, когда в дверях появился Эйден. – Ты выпил больше бокала вина? – строгим тоном спросила она.

Он отрицательно помотал головой.

– Все в порядке, – закончила Кейтлин, – меня подвезут. Найди девочек и перезвони мне.

– Что происходит? – спросил Эйден. – Я спустился взять колы.

По нему было видно, что он слегка под кайфом, и это раздражало Джейми, ведь у них в доме детектив, но он решил, что ей сейчас не до того.

– Бекка и Таша, – сказал Джейми. – Ты, похоже, не разобрался, кто из них психопатка.

Эйден уставился на него:

– О чем ты говоришь?

Зазвонил телефон Кейтлин, и они оба посмотрели на нее. Им было любопытно услышать, о чем она будет говорить.

– Беннет. – Она шагала по комнате, маленькая, напряженная, а Бисквит шел за ней по пятам. Вдруг она резко остановилась, и пес чуть не врезался ей в ноги. – Что значит их нет дома? – Она посмотрела на Джейми, продолжая говорить с сержантом. – Но уже за полночь. Если они не дома, то где они, черт возьми?

– Вы все были *моими* подругами, – сказала Наташа. – Разве не понимаешь?

Они остановились. Бекка курила очередную сигарету.

– И я решала, кому оставаться, а кому уйти. Как тогда, когда ты разжирела, как тюлень, а Дженни пришла в школу. Я знала, что должна тебя прогнать. Ты не соответствовала тому, чего я хотела. А я хотела быть заметной. Хейли говорила, что это не имеет значения, но это было не так. Мне пришлось ей пригрозить, что расскажу всем, как она описалась у моего папы в машине тем летом, чтобы она прекратила распускать сопли. Дженни лучше мне подходила. И для тебя просто не осталось места. – Она искоса взглянула на Бекку. – Ты же понимаешь, правда?

– Конечно, – поддакнула Бекка, радуясь, что в темноте не видно ее лица.

У Таши получалось делать так, что ее сумасшествие казалось разумным. И в то же время она верила в то, что Бекка может все это отпустить, просто чтобы снова стать ее лучшей подругой. Она, должно быть, думала, что Бекка такая же ненормальная, как и она. Бекку радовало то, что, по крайней мере, голос ее не выдал.

– Я имею в виду, что тогда я этого *не понимала*, но теперь понимаю, – сказала она. – Но я все еще не могу понять, зачем все *это*? И зачем ты задействовала меня?

– Я знала, что Дженни и Хейли ничего не скажут, – после долгой паузы ответила Наташа. – Ну, знаешь, *потом*. Когда я очнулась и якобы потеряла память. Они для начала хотели найти видео, и, судя по всему, не знали о тех уликах, которые выводили на них. Я *действительно* встречалась с ними в лесу. Но мы договорились об этом во время обеда, а не в эсэмэсках. Насколько им было известно, я узнала о Дженни и Геррике накануне вечером, так же я сказала и полицейским. Но, конечно, я не вела себя с ними как *паинька*. Когда мы встретились той ночью – а это было не в три часа, а раньше, – я сказала им, что следила за ними и сняла их на видео на парковке с мистером Герриком. Я сказала, что еще не решила, что с этим делать и что я хочу в обмен на это.

Она оттолкнулась от дерева, на которое до этого опиралась, взяла Бекку за руку, и они снова пошли, будто прогуливались и будто сейчас был летний день, а не середина ночи.

– Забавно было наблюдать, как они ежятся от стыда и умоляют, чтобы я ничего с этим не делала. Я сказала, что подумаю об этом, и мы все вместе ушли. Позже я вернулась на поляну, привязала веревку, разбросала упаковки от таблеток и все остальное, сама себя поцарапала, а потом прыгнула в реку. Я знала, что будет холодно, – к тому времени уже пошел снег, – но я думала, что пробуду в воде всего пару минут. Я собиралась переплыть на другой берег и, выбравшись в нужный момент, притвориться, что потеряла сознание, а Джейми со своей собакой должны были найти меня на берегу. Но я и представить не могла, *насколько холодно* будет в воде. И что я не справлюсь. Что Джейми с Бисквитом опоздают. – Ее передернуло, когда она погрузилась в эти воспоминания. – В конце концов он меня нашел, и я была в порядке, наверное. И так было даже лучше для истории про потерю памяти. Никто не сомневался в этом после того, как я чуть не умерла.

– Но зачем симулировать амнезию? Почему просто не сказать, что они толкнули тебя в реку после того, как ты откровенно поговорила с ними про отношения Дженни и Питера Геррика?

Таша так на нее посмотрела, будто это был очень глупый вопрос.

– И что из этого? Моей целью было их *наказать*. За то, что у них были от меня секреты. За то, что они месяцами мне ввали. Мне нужно было, чтобы они думали, что я ничего не помню. Я знала, что они сразу начнут подлизываться. Я знала, что они найдут повод попасть в мою комнату и попытаются найти видео. Наверное, они искали его, когда пошли за моим «iPod» и еще какими-то вещами, чтобы принести их в больницу. К тому времени они, должно быть, уже были в отчаянии. Они знали, как это все будет выглядеть, если скажут, что встречались со мной в ту ночь в лесу, тем более что я чуть не умерла. Все бы решили, что они как-то с этим связаны. Им было проще молчать и выжидать, надеясь, что ко мне никогда не вернется память. И конечно, из-за этого они выглядели еще более виноватыми, когда обнаружили все компроматы, которые я подложила.

– Мы все такие предсказуемые? – спросила Бекка.

Тропинка расширялась по мере того, как они приближались к реке. Они были фигурами на шахматной доске, это точно, но игроки находились не в равных условиях. Таша просто передвигала фигуры, как ей того хотелось.

– Мы долго дружили, – сказала Таша. – И Дженни *любила* мистера Геррика, как бы отвратительно это ни звучало. Она хотела его защитить. Однако ты оказалась интереснее. Больше похожа на меня. Под кожей.

– Полагаю, что так. Но ты все равно мною манипулировала. Ты знала,

что я приду в больницу.

– Я не планировала так долго там оставаться. Но я действительно собиралась снова с тобой подружиться. Предполагалось, что это будет не так уж сложно. В конце концов, ты общалась только с Ханной. Господи, Бекс, ты опустилась *ниже некуда*.

Бекка проигнорировала этот комментарий. Она наговорила Ханне достаточно гадостей при жизни. Она не собиралась хаять ее теперь, когда та была мертва.

– Тебе нужно было, чтобы их заподозрил еще кто-то, кому бы ты могла доверять, – догадалась она. – Тебе нужна была я, чтобы довести доказательства и подозрения до ведома полиции, в то время как ты оставалась в тени, подталкивая меня в нужном направлении и изображая жертву. Ты хотела, чтобы это исходило от меня, будто бы ты их все еще боишься.

– Довольно умно, правда? Сцена на поляне стала первым испытанием, мне надо было знать, купишься ли ты на это. И ты купилась, заглотнула крючок, леску и даже поплавков. Я знала, что после этого ты будешь видеть все, что они делают или говорят, под этим углом. С *моей* точки зрения. А почему бы и нет, если все сходилось?

Это гениально. Бекка должна отдать ей должное.

– А Ханна?

– О, будь справедливой. Ты в этом тоже поучаствовала. Если бы ты не захотела подвинуть тот осветитель и не попросила Хейли это сделать, эта идея никогда бы не пришла мне в голову. Я импровизировала, но ты так хорошо все подготовила! Я подумала, это будет идеальным способом сильнее надавить на Хейли и Дженни, и это представлялось мне как раз тем драматичным моментом, который помог бы мне «вспомнить». Я не рассчитывала, что он упадет на Ханну. Все должно было выглядеть так, словно они хотели, чтобы он упал на меня. Честно говоря, Ханна все испортила. Она встала на моем пути. Надеюсь, ее смерть была легкой. Я не хотела *навсегда* избавляться от Хейли и Дженни. Только ненадолго. Просто чтобы они усвоили урок. Чтобы помнили, что это я сделала их и без меня они ничтожества. В смысле мы все еще были подругами. Но они должны были об этом помнить.

Раздался крик совы, и Бекка чуть не подпрыгнула. Таша так спокойно об этом говорила. Да, клинический случай. Неужели она действительно думала, что Хейли и Дженни когда-нибудь снова станут ее подругами? *Насколько* у нее плохо с головой? Она социопатка, а не психопатка. А может, и то и другое.

– Хорошо, что я могу все это рассказать, – продолжила Таша. Они почти дошли до реки. – Было сложно держать это в себе столько времени. – Ее голос стал звучать тише. – Может, теперь, когда я выговорила, эти кошмары прекратятся.

– И конечно, – сказала Бекка, желая все прояснить до конца, – смерть Ханы стала идеальным моментом для возвращения к тебе памяти.

– Когда я увидела, как Ханна упала и вошла Беннет, я это поняла. Все подозрения сразу упали на Барби. Никто даже не думал сомневаться в их вине. Особенно если учесть, что ее подтвердили мое заявление и дневник, который я вела. Почему люди всегда верят тому, что написано в дневниках? Это же просто слова.

Они подошли к реке, и сердце Бекки заколотилось сильнее, когда они двинулись вдоль извилистого берега. Таша намеренно шла справа, чтобы Бекка была ближе к воде? Чтобы было легче ее столкнуть?

– Почему ты не сказала, что они тебя толкнули? В своем заявлении.

– Я думала, но в этом не было необходимости. Намного убедительнее было сказать, что не помню, как оказалась в воде, ты так не считаешь? А то, что они толкнули, – это было бы слишком. Это как с тем дневником – я выглядела в нем не идеальной, но правдоподобной. – Она довольно улыбнулась. – Вот видишь, правдоподобность важна.

Бекка поняла, что Таша *получает от этого удовольствие*. Ей нравилось хвастаться тем, что она такая умная. Что она лучше всех остальных. Что она такая расчетливая.

– Но *почему*, Таша? Зачем вообще все это делать? *За что* ты их наказывала? Явно не только из-за того, что они не рассказывали про мистера Геррика. – Теперь, услышав полное признание, она хотела понять причину. Была ли Таша социопаткой или нет, но за этим должно было скрываться что-то большее.

Таша остановилась. Теперь Бекка могла видеть выражение ее лица – что-то похожее на обиду. Обида и, возможно, злость. Много злости. Какое-то мгновение Таша выглядела настоящей уродиной. Лунный свет резко высвечивал ее лицо, подчеркивая запавшие щеки, а вокруг ее сверкающих глаз были черные круги. Теперь, когда она была погружена в воспоминания, ее рот был похож на тонкий разрез. Даже ее светло-золотистые волосы казались очень темными. Она напоминала Бекке мертвую девочку из ужастика. И, возможно, по сути она такой и была. Наконец Бекка увидела *настоящую* Ташу. Ту, которая была внутри. Совершенно чокнутую.

– Они больше не хотели со мной дружить, – произнесла она, глядя

куда-то поверх головы Бекки. – Я это знала. Они начали гулять вдвоем. Меня не приглашали. Придумывали оправдания, чтобы не идти со мной. Я не могла в это поверить. В их *высокомерие*. – Последнее слово было сказано с особой злостью. – Однажды Дженни нанюхалась и сказала, что я чересчур все контролирую. И я слишком критична. – Она покачала головой. – Как она посмела?! Барби – это я. *Конечно*, я их контролировала. Я сделала их самыми популярными девушками в школе. Я их *вылепила*. Как *они* могли *меня* бросить? Я всегда была самой популярной, Бекка, ты же знаешь. Даже в младшей школе. А сейчас, когда осталось только закончить старшую школу, они хотели это у меня отнять? Как бы я выглядела, если бы они меня оставили? Я бы стала неудачницей. А я не проигрываю, Бекс, ты это знаешь. Я какое-то время пыталась все наладить, но однажды услышала, как они меня обсуждают. Они говорили, что я холодная. Психопатка. Диктатор. Они считали, что я вела себя как стерва по отношению к ним. Они говорили, что у меня проблемы с головой.

«Да неужели?» – подумала Бекка. Она пыталась вспомнить, были ли за эти годы еще случаи, как с зеленым платьем. Сколько раз Наташа натравливала Дженни и Хейли друг на друга, пока они не поумнели и не решили, что с них достаточно?

– Поэтому, когда я узнала про мистера Геррика, я поняла, что нужно делать. Я должна была их проучить. Преподать им урок. Продемонстрировать, на что я способна. Нам еще оставалось учиться около двух лет, и я *не могла позволить* себя опозорить. Угрожать мне. Точно не *им*. – Таша взглянула на Бекку. – Я решаю, кто остается, а кто уходит, а не они.

– Так мистер Геррик не имел к этому никакого отношения?

– Конечно нет. – Таша издала резкий, неприятный смешок. – Будто мне есть дело до того, с кем тра...ается Дженни. Если бы она мне об этом рассказала, может быть, я бы даже ей помогла – сделала бы, чтобы это работало в ее интересах. Но они не доверили мне этот маленьких секрет. О нет, они хотели, чтобы это оставалось их тайной. Как будто это возможно. Будто они когда-то могли что-либо скрыть от меня. Они думали, что я сделаю с ним что-то ужасное. Хейли проговорила об этом. И они не хотели этого. Это меня рассмешило. Разве они хоть когда-то знали, что для них лучше? Вот для чего у них всегда была я. Они думали, что я выложу это видео на «YouTube» и выставлю их на посмешище. И я могла бы. Но это было бы слишком очевидным, правда? Так бы поступил обычный человек. Это было бы просто злобным выпадом. Но я хотела, чтобы они *вынесли из этого урок*. То, что я делала, имело смысл. Просто в какой-то

момент все вышло из-под контроля.

Ты сумасшедшая, хотела сказать Бекка. *Больная на всю голову*. Вместо этого она пожала плечами:

– Они, пожалуй, заслужили это.

– Именно! – воскликнула Таша. – Им не положено меня бросать. – Она повернулась и уставилась на темную воду. – Им даже думать так было непозволительно. Они должны были испытывать ко мне благодарность. Они *принадлежали* мне.

Хотя уже потеплело, сейчас, посреди ночи у реки, ветер, раздувавший Бекке волосы, был холодным, и ее бросило в дрожь. Она была готова вернуться домой. Она уже почти все выяснила.

– Ты его выбросишь или как? – спросила Бекка, кивком указывая на ноутбук.

Таша взглянула на него, а потом запустила его, как фрисби, на середину реки. Он, сверкнув серебром, с плеском упал в воду. Они обе проводили его взглядом.

– Что ж, вот и все, – подытожила Бекка.

– Вот и все.

Бекка тут же отступила на шаг от берега, ее сердце бешено колотилось. Ей хотелось, чтобы ее ноги приклеились к земле. Это ведь Наташа. Никогда не знаешь, что она сделает в следующий момент.

– Не волнуйся, – сказала Таша, все еще глядя на воду. – Я не собираюсь тебя толкать. – Она посмотрела на Бекку через плечо. – Признаюсь, я думала об этом. В смысле это даже не вызвало бы подозрений. Ты совершаешь самоубийство в том месте, где я чуть не умерла. Это было бы так пафосно, правда? Будто ты на самом деле *хотела быть* мной.

– Все хотят быть тобой, Таша. – Бекка испугалась: на секунду ей показалось, что она переигрывает. Она никогда так откровенно не льстила. Но Таша продолжала говорить:

– Всех этих комментариев в «Facebook» и того, что мы с Эйденom встречаемся, должно было хватить, чтобы довести тебя до крайности. – Она хихикнула. – В буквальном смысле.

– Почему ты передумала? – спросила Бекка.

– Не знаю. Наверное, из-за симпатии к тебе. Ты настолько умна, что обо всем догадалась. Было бы жаль уничтожить такой мозг. Думаю, нам будет весело вместе. По крайней мере какое-то время.

Бекке стало интересно, как долго Таша позволила бы ей играть, прежде чем ей это надоело бы. Неделю? Месяц? Бекке пришлось бы все

время оглядываться, ожидая, когда на нее упадет топор.

– Лучшие подруги навек, – мягко произнесла она.

Наташа повернулась и неожиданно крепко обняла Бекку.

– Лучшие подруги навек, – повторила она.

Бекка чувствовала на ухе ее теплое дыхание.

Вдруг старый папин диктофон громко запищал у нее в кармане, и пораженные девушки отскочили друг от друга. Сердцебиение Бекки ускорилось, когда Ташины глаза расширились от удивления, а потом потемнели от ярости.

– Что? – сказала Бекка, пытаясь говорить небрежно. Нормально. Расслабленно. Она сделала шаг назад и чуть не упала, поскользнувшись на влажной земле. *Черт, черт, черт*, думала она. *Памяти не хватило. Черт, черт, черт.*

– Что это было? – спросила Таша. Губы у нее снова стали тонкими. – Ты это записывала? Записывала *меня*? – Теперь она уже рычала и, когда сгруппировалась, чтобы броситься на нее, то напонила Бекке животное, ночного хищника, волка или лису, зубастого и голодного.

– Нет... – Бекка замерла, понимая, как жалко и испугано звучит ее голос. – Нет, наверное, аккумулятор телефона сел. – Но это был не телефон, и Таша об этом знала.

– Отдай это мне! – крикнула она, рванувшись вперед и ухватившись за карманы Беккиного пальто.

– Прекрати, Таша!

Бекка пыталась оттолкнуть ее, но Таша навалилась на нее со всей силой, царапаясь и шипя.

– Ты чертова сука, Бекка, – выпалила она, пока они боролись. – Ты чертова ничтожная сука! Я собиралась сделать тебя *особенной*! *Отдай мне эту запись!*

– Отвали, Таша! – крикнула Бекка, наконец позволив себе выпустить гнев. – Просто *отвали!* – Она схватила ее за руки и попыталась оттолкнуть. Мир закружился вокруг, когда почва ушла у них из-под ног.

Вот черт, подумала Бекка, встретившись с Ташей взглядом и увидев, что в ее глазах отражается ее собственный шок и страх. *Черт, черт! Мы падаем в реку.*

Сирены выли в ночи. Они приближались, но, по мнению Джейми, были еще далеко. Его ноги горели от быстрого бега, воздух с хрипом вырывался из груди. Он слышал, как позади него ругается Кейтлин, спотыкаясь в темноте. Пятно света от ее фонарика прыгало как сумасшедшее, так что от него было мало толка.

Поляна, где, по словам Наташи, девочки ее связали. Его осенило всего минут десять назад, когда Кейтлин отправляла офицеров проверить школу и кладбище, где похоронили Ханну. Джулия Крисп, мама Бекки, позвонила им и истеричным тоном сообщила, что, рыская по дому в поисках подсказки, где могла бы быть ее дочь, она нашла чужой «AirBook» со следами оторванной наклейки. Он лежал на столе с запиской от Бекки:

*Если я не вернусь, то я люблю тебя, и отдай это полиции.
На нем видео, которое им нужно посмотреть. У меня нет
пароля.*

Внезапно Джейми стало ясно: они встретились в лесу. Должны были. Его дом находился по другую сторону реки, но в пяти или десяти минутах ходьбы от того места, где он нашел Наташу, был узкий мостик. Он сказал Беннет, что они могут перебраться на другой берег там. Они, вероятно, успеют туда быстрее полицейских на машинах.

Они были уже у входной двери, когда он заканчивал фразу, а сейчас они, спотыкаясь, бежали во весь дух, и хмель после выпитого полностью испарился. Бисквит промчал мимо них, и Джейми не стал его окликать, чтобы еще больше не сбивать дыхание.

– Где мост? – задыхаясь, спросила Кейтлин, догоняя его.

– Там, справа от нас.

Они оба повернулись в ту сторону, а потом Джейми схватил ее за руку:

– Стой! Подожди!

– Что? – рывкнула она.

– Слушай!

Бисквит лаял. В другой стороне. Резко, высоким тоном.

Лай, требующий внимания.

Еще один яростный лай, крик, а потом громкий всплеск.

– Туда!

Не тратя время на то, чтобы посмотреть, побежала ли за ним Кейтлин, Джейми развернулся и понесся сквозь темноту к своей собаке.

Они с криком упали в холодную воду, и Бекка сразу почувствовала ее илистый вкус. Вода хлынула в горло. Она не могла дышать, но они продолжали бороться, а течение затягивало их вниз, в этот холодный, темный и чужой мир. Ночное небо насмехалось над ней, лунный свет танцевал на поверхности воды. Когда она наконец вырвалась, ее руки были в синяках и болели. Она изо всех пыталась выбраться на поверхность, отчаянно needing в глотке воздуха, но Таша снова схватила ее. Она не сдавалась. Бекка вдруг ясно осознала, что сейчас умрет, что *Ташаникогда не сдастся*. Она повернулась в воде к своей *мимолетней* лучшей подруге.

Наташа напоминала банши, ее волосы развевались над головой, в глазах все еще пылала ярость, когда ее бледные, как у призрака, руки вцепились в пальто Бекки. Она кричала что-то, пузырьки воздуха срывались с ее губ вместе со словами, смысл которых размывался водой, выжимавшей жизнь из них обеих.

Бекка лягалась и пыталась вырваться, но поскольку ее легкие горели от нехватки воздуха, удары не имели особой силы. Водоросли обвивали ее ступни, и она подтянула потяжелевшие ноги вверх и в сторону, при этом отчаянно пытаясь вывернуться из пальто. Уже не стоило переживать о записи – она все равно уничтожена. Таша вцепилась в пальто, скручивая ткань и пытаясь тащить его, и Бекка извивалась еще сильнее, чтобы высвободиться. Почему Таша все еще с ней борется? Почему они не могут вместе выбраться на поверхность? Насколько она больна? Высвободив одну руку, Бекка повернулась и выдернула другую. Избавившись от пальто, она из последних сил рванулась вверх. Она посмотрела вниз, на Ташу, уверенная, что та потянется за ней, чтобы утопить ее, а потом выбраться самой. Таша не человек. Она монстр.

Таша *пыталась* ухватиться за нее, вытянув руки. Она тоже рванулась вверх, с большей силой, чем Бекка, и сначала она приближалась очень быстро, но вдруг ее что-то остановило и слегка потянуло назад. Бекка увидела на Ташином лице удивление, когда она отпустила пальто и посмотрела вниз. Тогда Бекка тоже это увидела.

Усы, растущие из глубины, танцующие в течении. Темные водоросли, похожие на щупальца осьминога, обернулись вокруг Ташиных ног. Пока она барахталась, пытаясь освободиться, их хватка становилась только сильнее.

Помоги мне.

Это было последним, что Бекка увидела на лице Таши. Внезапную панику. Шок. Страх. Слова, произнесенные одними губами, которые казались очень темными на фоне жуткой белизны ее лица.

Помоги мне.

Бекка всплыла на поверхность и глубоко вдохнула сладкий, милый, ужасный воздух. Бекка кашляла и плевалась, и прерывисто, тяжело дышала. Ох, этот воздух такой приятный на вкус! Она всхлипнула, у нее не хватило сил заплакать. Она пыталась плыть, но ее уставшие и онемевшие от холода конечности отказывались повиноваться. Кеды были тяжелыми и тянули вниз, пытаясь потопить ее. Берег казался очень далеким.

Я не могу тебе помочь, Таш, мысленно произнесла она, когда ее голова снова погрузилась в воду, в эту темную, смертоносную тишину. *Я не уверена, что себе могу помочь.*

А потом был мех, царапающиеся когти и горячий мокрый рот возле ее шеи. Зубы вцепились в капюшон толстовки и потащили. Она слышала пыхтение и ворчание, пока собака гребла, таща ее к берегу, и, собрав последние силы, она заставила свои ноги отталкиваться от воды.

Я вижу их на поверхности. Так далеко. В ином мире, а не в этой тихой бесконечной темноте. Я смотрю и злюсь. Лапы гребут. Ноги Бекки едва шевелятся, подталкивая ее в сторону берега. Я хочу кричать от несправедливости всего этого. По краям моего поля зрения появляются звезды, в конце концов я выпускаю остатки воздуха из легких и вдыхаю холодную грязную воду.

Река удовлетворенно вздыхает. Она меня ждала. Река и темнота из моих снов. Может, я так и не выкашляла все это. Не могу поверить, что я снова здесь. Вот мы были на берегу, а в следующую минуту я уже умираю в воде. *Умираю.* Как Ханна. Все произошло в одно мгновение. Я не могу в это поверить. Не поверю. Кто-то меня спасет. Кто-то придет.

А потом я слышу это. Голос из моих снов. Тот, который я никогда не могла вспомнить, проснувшись. Тот, который приводит меня в ужас.

Ты думала, что можешь бросить меня здесь, – говорит мне голос.

Это мой голос. Конечно он мой.

Ту часть, которая умерла. Я должна была ждать одна в холоде и темноте. Все это время.

Мои руки снова пытаются дотянуться до поверхности. *Отпусти меня.* Тон умоляющий. Ненавижу это. *Мне не суждено умереть здесь. Нам не суждено умереть здесь. Я не собираюсь здесь умирать.*

Она держит меня за лодыжки, эта мертвая безумная я. Я пинаю ее, беснуюсь, ненавижу ее. Я могу это остановить. Я могу это прекратить. Она меня отпустит. Я должна жить, оставить все это позади. Даже если меня посадят в тюрьму, я выживу. Я молодая и не буду сидеть долго. *Я не проигрываю, повторяю я себе снова и снова. Я никогда не проигрываю.* Я думаю об оставшейся дома шахматной доске. Фигуры терпеливо ждут меня. *Отпусти меня, снова умоляю я, зажимаясь.*

Когда я опять открываю глаза, другая я, мертвая я, с всклокоченными волосами и ликующим взглядом, все еще крепко держит меня за ногу своей бледной рукой. Даже в холодной воде ее пальцы кажутся обжигающе ледяными. Как холодное стекло. Она никогда не отпустит. Я не вижу нижнюю часть ее тела. Она погружена в бесконечные зыбучие пески внизу. Она улыбается. Я слышу ее голос в своей голове, как было в моих снах. Шепот. Мертвенный. Злобный.

Я не проигрываю, говорит она. У тебя не получится меня бросить и

двигаться дальше. Ты остаешься со мной. Это эндишпиль, Таша.

Я хочу рыдать, кричать от всего этого. Это я – та, кто планирует, та, кто выигрывает. У меня темнеет в глазах. Я не могу нормально видеть. Но все еще вижу ее. Меня, которая не я, которая не может быть мной.

Я хочу поиграть с тобой.

Я издаю стон, мое последнее слово, последний звук, исполненный ужаса, уносит вода.

Будь моей лучшей подругой, шепчет она с холодной тоской, затягивая меня в страшную черноту. Будь моей лучшей подругой навек.

Благодарности

Большое спасибо всей команде издательства «Голланц», но особенно Софи Кальдер и Джен МакМинеми, не только за работу над этой книгой, но и за то, что упорно трудились весь год, доводя до ума произведения авторов «Голланц», и при этом оставались такими улыбчивыми. Конечно, я очень благодарна своему редактору, Джиллиан Редфирн, и моему агенту, Веронике Бакстер. И последняя особая благодарность – брату Джиллиан, который помог разобраться с техническими деталями установок театрального освещения!

---

notes

Примечания

«Netflix» – американская компания, поставщик фильмов и сериалов на основе потокового мультимедиа. (Здесь и далее примеч. переводчика.)

«Суровое испытание» (1952 г.) – пьеса Артура Миллера, основанная на реальных событиях, произошедших во время судебного процесса над салемскими ведьмами.

Сверхтонкий ноутбук фирмы «Apple».

«Kindle» – торговая марка изготовителя электронных книг.

5

Мет – метамфетамин, наркотическое вещество.

Рюи Лопес (около 1540 – 1580) – испанский шахматист и шахматный теоретик.

Тринадцатый год – в Великобритании последний год обучения в школе перед поступлением в университет.

Нитол – снотворное в таблетках английского производства.

1 фут равен приблизительно 30 см, соответственно 15 футов – это около 4,5 м.

Формика – бумажно-слоистый пластик, облицованный меламиновой пленкой.

«Kickstarter» – сайт для привлечения денежных средств на реализацию творческих, научных и производственных проектов по схеме краудфандинга (то есть добровольных пожертвований).

«Примарк» – сеть магазинов недорогой модной одежды в Великобритании и других европейских странах.

«Livestrong» – благотворительный фонд, который за счет продажи брендированных желтых силиконовых браслетов и другой символики собирает средства для борьбы с раковыми заболеваниями.

Панини, или панино, – итальянский аналог сэндвича, подается горячим.

Банши – фигура ирландского фольклора, женщина, которая, согласно поверьям, появляется возле дома обреченного на смерть человека и своими характерными стонами и рыданиями оповещает, что час его кончины близок.

Гамбит – общее название начальных шахматных ходов, когда одна из сторон по той или иной причине жертвует фигурой (обычно пешкой).

«О мышах и людях» (1937 г.) – повесть Джона Стейнбека.

Эндшпиль (от нем. endspiel – конец игры) – заключительная часть шахматной партии.

«Кэрри» (1974 г.) – роман американского писателя Стивена Кинга. Это история о затравленной школьнице по имени Кэрри Уайт, открывшей в себе способности телекинеза и впоследствии, после очередного унижения со стороны сверстников, жестоко расправившейся со всеми, кто находился в тот момент в школе.